

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ОБЩЕСТВО БАСКСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Я. МАРР

БАСКСКО-КАВКАЗСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1987

Н. Я. Марр среди басков (вторая слева — жена Н. Я. Марра
А. А. Марр-Жуковская)

81.2 Баск.

М 287

Книга содержит наиболее ценные работы Н.Я.Марра, посвященные баскскому языку (и его связям с кавказскими), до сих пор мало доступные для читателя в связи с их выходом в 20-е гг. на французском языке.

Воскрешая баскологическое наследство Н.Я.Марра, издание имеет одновременную цель показать особое его значение и полезность для современной науки (баскологии и кавказоведения).

Работа рассчитана на лингвистов всех специальностей и направлений, этнографов, археологов, историков, а также (благодаря биографическому обзору на тему "Марр у басков") на широкие круги читателей как в нашей стране, так и за рубежом.

Рецензенты: Доктор филолог.наук, профессор

А.А. Г л о н т и

канд. филолог. наук

Н.Н. С т у р у а

Составитель канд.филолог.наук Ю.В. З и ц а р ь

Редакторы : акад. АН СССР Ш.В. Д з и д з и г у р и

канд.филолог. наук Ю.В. З и ц а р ь

М 1602010000 102-86 С Издательство "Мецниереба", 1987
М 607(06)-87

Ш.В.Дзидзигури
Баскония глазами Н.Я.Марра
(вступительная статья)*

I. Для воссоздания картины Басконии и баскского общества хотя бы недавнего прошлого понятное значение имеют свидетельства очевидцев, в частности – иностранных, их впечатления, наблюдения, записи и т.д. В числе таких очевидцев был и наш академик Н.Я.Марр, оставивший необъятное наследство, в частности и по баскскому языку, неоднократно бывавший в Басконии, и естественно спросить: не имеет ли смысла обратиться к этому наследству как одному из соответствующих источников, не полезно ли оно в таком смысле? Этот вопрос я прежде всего и хочу здесь поставить, приведя некоторые наблюдения Н.Я.Марра. Если при этом мне самому будет иногда трудно судить, насколько они полезны для баскологии, то это будет, конечно, нетрудно для уважаемых членов настоящего представительного собрания.

Разнообразные отражения поездок Марра в Басконию содержатся более всего в его громадном рукописном архиве, хранящемся в Институте Востоковедения АН СССР в Ленинграде, однако встречаются они и в его печатных работах, особенно в связанных с баскским языком**. Более же всего их – в обширной работе, почти книге "Из Пиренейской Гурии", к которой я и обращаюсь. Эта работа закончена Марром в октябре 1927 г. в местечке Тардец (с напечатанием в том же году)***, где в эту свою поездку Марр все время и жил и где он полностью написал данный труд, отрывая для него время от занятий баскским языком – самостоятельных и особенно с тардецкими басками. Между прочим, его общение с ними отразилось в том факте, что при чтении библейского стиха *zuretzat arka bat egizu* "сделайте себе ковчег" один сулетинец, по словам Н.Я.Марра, заметил ему, что у сулетицев *arka* означает не "ковчег", а "зерновой амбар", ср.др.груз. из Библии же *kidoben* "ковчег" и сван. *kibdwen* "зерновой амбар", а также упомянутое баск. *arka* и *uharka*(*Lhanda*) "резервуар", где первая часть-*ur* "вода", и сван. *argi* "дом" (та же основа в романских языках в значении "сундук" и т.п. имеет, по Марру, более вторичное значение, ср. еще арм. *arkel* "ящик"). Впрочем, в работе Марра участвовали и баскские ученые, которые, в частности, объясняли ему, что баск. *buru-z* "обращаясь, dirigiendo, en e' adressant" восходит к *buru* "голова" и значит букв. "головной" (живая), что Марр, однако, не принял, полагая,

* Впервые напечатано на испанском языке: Sh.Dzidziguri. *Euskalherria vista por N.Marr.*—Eusko Ikaskuntza.Memoria del Noveno Congreso de Estudios Vascos.San Sebastián,1983,p.391-394 (ред.).

** См. Приложение №2, описок №1(ред.).

*** Марр, 1927 а. Далее в сносках на эту работу Н.Я.Марра в данной вступительной статье указываются только страницы (ред.).

что *butxi* здесь значит не "голова", а "круг". На мой взгляд, последнее, правда, тоже сомнительно, но все-таки речь здесь идет о *butxi* не в значении "голова", а, как я думаю, скорее в значении "лицо", хотя эти два значения у баск. *butxi*, как и груз. *tavi*, исторически неразделимы.* Окружавшие Марра сулетинцы говорили о нем не только по-баскски, но и по-французски (это видно из одного отрывка, с.3).

2. По словам Марра, Баскония того времени только еще начинала "по-баскски распевать то, что распевалось в Гурии...еще накануне революции 1905 года, т.е. "Грузия наша, наша"(с.6), после чего Марр приводит следующее четверостишие сулетинского поэта Ачоби:

Eztitz eztitzeko,
Eskoz argitzeko
Eskuara gurea,
Eskuara maitea.**

И уже о первых страницах статьи, пораженный сходством Басконии и Грузии, именно - Гурии (ведь и называется вся статья "Из Пиренейской Гурии"), Марр в свойственных ему романтических тонах отмечает некоторые детали, для которых он находит и тут же указывает кавказские параллели. "Кругом родная растительность,-говорит он(с.3),- вот непере-водимое точно по-русски растение вроде ежевики *maqval* ..., эту ди-кую "ежевiku" здесь называют *mañuga, mañuga* - ср. чен. *mañgi* ... "Осо-бенно мы были поражены культивированием здесь бобовидного зерна. Но вопрос о нем и о лобии с его разновидностями - предмет целого трактата об общности терминов растительной пищи в этой иберийской полосе Европы и Кавказской Иберии; я обхожу также молчанием, как исключите-льно благодарную, языковедную тему о винограде, саде, лозе, вине и т. д. Сказать разве, что здесь еще помнят, когда виноградная лоза пуска-лась на деревья совершенно так же, как у нас в Гурии, и вытеснила ее низкорослая после уничтожающих болезней. Здесь, как и в Гурии, наблю-даю пользование лозой в роли каната: баск. *kor bolluba* связано с "кругом", как гур. *cirehi* от *cir* "круг"(сохранилось у армян)". (На мой взгляд, здесь есть рациональная основа: действительно кушанья из зеленых стручков бобовых у басков и специальное название для таких ст-ручков, а также груз. термины типа *bibilo* "лоза, пускаемая по дереву, выходящая от корня *bil* "круглый, закрученный, витой" и т.д.).

Далее отмечается(с.4), что "по пути в ближайшие села знакомый или незнакомый, стар он или млад, все одинаково приветливо здесь здоро-ваются, но я лишь переносую в Гурию моих юношеских лет, когда европей-ское просвещение не омело еще таких вежливостей, в людях было боль-ше не только взаимного знания, но и доверия друг к другу и понимания

* Товар 1959, раздел De Bruses.

** "Alegiak" Ваюппе, 1926, предисловие, с.9.

даже встречного незнакомца (без заглядывания в его паспорт. В этом отношении здесь глубже сохранилась старина", после чего рассказывает известный эпизод, свидетельствующий о том, какими отличными, даже виртуозными пастухами являются баски, что переключается с другими данными, говорящими о них как о древнейших скотоводах Европы. Этот эпизод является поразительным, но у нас нет оснований ему не верить, состоит он в том, что баск-пастух в Тардеце зашел в лавку в то время, когда его стадо баранов продолжало идти по улице, и поняв, что должен задержаться, послал собаку (словесно) остановить стадо, собака же "базмольно" (подчеркивает Марр) выслушав хозяина, повернулась, побежала, догнала баранов, остановила их, зайдя перед ними, и вернулась к пастуху доложить об исполнении поручения.

Отметив относительно мелкого скота (с.40), что он у басков, как и у ирландцев, очень богат и обильно дифференцирован, Марр, специально останавливается на терминах *ur-de* "свинья", *or-dotx* "боров", *zerri* "пороенок, свиныя".

Его попытка связать при этом через множество сложных комбинаций последнее слово с баск. *txar* и баск. *txatzen* "дьявол" оказывается (несмотря на арм. *šar* "плохой, злой") несостоятельной – в свете особенно современных данных. Однако элемент *ur* в составе *ur-de, or-do-tx* был им выделен и сравнен с груз. *uog* в *uog-i* "свинья" не без основания, во всяком случае этнографическая часть, стоящая за этим сравнением, оправдывает себя: ср., с одной стороны, некоторые современные исследования баскологов^{**}, а с другой – у самого Марра: "В Деяниях христианского просветителя Армении Григория весьма важную роль играет свинья. В Халкедонитской церкви в Ани в стенописно изображенной торжественной процессии кавказских царей, предводимых армянским царем Тирдатом, художник не забыл на видном месте поместить свинью... Это конкретная некогда народная религия не только Армении, но и всех соседних яфетических стран с божеством свинья... И в хорошо всем известной на Кавказе гурийской встрече нового года с древком счастья... расцвечиваемое культового происхождения древко венчают обязательно головой свиньи. В Свении одна часть населения продолжает народно чтить это божество как святыню, другая ее названием именует лишь свинью", ср. вост.-сван. *cer* "святыня", зап.-сван. *cer* "свинья" (с.15). "Слава богу, – читаем дальше, – я на свободе в милом Тардеце с разбросанными вблизи со всех сторон баскскими деревнями, где сохраняются не совсем еще уничтоженные высшей европейской культурой драгоценнейшие остатки доистории человечества" (с.18) "Дома здесь сейчас каменные, да дороги как скатерть во все стороны, на все потребности едущих из современно-го Рима, но не надо быть археологом большой чуткости, чтобы заметить

* Michelena, 1964, p.131; Michelena, 1955, n.80; Michelena, ВАР, XI, 285.

** Marquina, 1972.

сдвиг национального зодчества по форме перекрытия не только жилых домов, но и церквей, настоящих баскоких церквей, что всегда на возвышенностях, как в Гурии, т.е. на местах древних культов, дохристианских. Мы точно застаем здесь ту переходную эпоху армянского церковного зодчества, когда сооружались уже каменные церкви, но перекрытие было еще деревянным. В Армении это было в V в. Поднимаясь выше в горы, уже у границы с Испанией, мы нормально наблюдаем это явление в жилых домах населения, говорящего по-баскски, в чистейшей разновидности языка и уже без всякого стеснения (значит, были и стесняющиеся подалее от гор. — Ш.Дз.). "Дрань, перекрытие дрань", по-баскски *ohola* — это современное здесь положение, как и *ola, ola* "пастушеские хижины" близ еще не вырубленных лесов или среди них — ныне все обезлесело" (с.42). "Села со школами на новом языке, разумеется, французском, но в этих углубленных горных частях окружение не природы одной, а всего традиционного материального быта таково, включая дороги, по которым приходилось у себя в Гурии ходить в Сураб, что точно недавно перешло на оседлость, занявшись хлебопашеством, исключительно маисом, кочевое пастушеское племя. Все это ярко выступает на фоне никак не умирившей речи об структуре геологической древности" (с.44). "По мостам мы не то в Имерхеви, не то скорее в Свании, по настоящим баскоким церквям, двускатным, мы точно в Имерхеви. Но здесь дело более сложное, как и в вопросе о соматическом виде: поразительный подбор красивых, именно статных женщин, но женский тип оклада не только гурийского, но и мегрельского" (с.8) (многие другие наблюдатели вплоть до наших дней, до Ш.Кинтана отмечают особое сходство с басками именно западных картвелов. — Ш. Дз.). "Перехожу по мостам, тем же, что близки мне по соседней с Гурией Имерхеви" (с.3). "Вот хотя бы обитель *S-te Eustache* с архитектурным памятником X в. История основания здешних христианских святынь столь похожа на историю церквей в Грузии, напр., в Мцхете или в самой гурийской части Шемокмеди, что существование одного общего источника некоторых легенд не может подлежать сомнению, как и их языческий прообраз. И это в такой степени, что, читая сулетинский редкий текст "о лове о святом Грате", историческом лице, местном епископе, не раз подвергался я соблазну тип народного святого возвести к герою эпических сказаний — сказаний еще доисторического населения Западной Европы, вроде Гаргантюа, которого французы застали уже перерожденным в комическую фигуру и зафиксировали в свой литературный образ (ср. изыскания В.Ф.Шиммарова) или вроде Грааля, в сказаниях о котором А.Н. Веселовский находил яркие точки соприкосновения с переднеазиатской литературой и легендой, сирийской, арабской и, в частности, кавказской, грузинской" (с.5-6).

Даже "за обедом в гостинице у наших баскских хозяев выявился и вкус гурийский. Особенно нас поразило гурийское приготовление курицы. Со вкусом, общим с гурийцами, пошли бы мы и далее не только по части пищи и напитков, но и забав, в первую голову - игры в мяч, затем также пения, музыки, хозяйственных построек" (с.7-8) "В наших Гуриях их общие черты отнюдь не исчерпаны. Наш родной шашлык с той же техникой приготовления есть и в Пиренейской Гурии с названиями... идеологически построенными одинаково" (с.42).

3. По хорошо известным причинам научное наследство Марра отчасти предано забвению. Но у него есть работы, написанные до сложения его ложного метода (испортившего все его поздние работы и поставившего многих в его наследстве в целом за пределы рабочего хода науки). И эти ранние работы Марра тоже забыты и не используются: они как бы погребены под более поздним, под методом, под однозностью, окружающей сейчас имя Марра в целом. Но эти ранние работы Марра забыты незаслуженно: они ценны, не утратили своего значения. И это особенно относится к его статье на французском языке "О баскском термине *uda-gaga* "выдра", забвение которой особенно обидно для баскологии. Возрождение этой и других работ Марра является здесь второй нашей целью.

Правда, относительно центрального термина той же статьи *uda-gaga* Л.Митчелена показал, что в него входит, как компонент, баск. *abere* "животное" латинского происхождения, и этим, казалось бы, зачеркивается *dagar* "собака" и все то, что с данными реконструкциями было связано у Марра. Однако Ю.В.Эппарь полагает, что можно показать, что *abere* здесь пришло на смену более старому *dagar* "собака" или чему-то аналогичному (см.ниже введение).

Является также фактом, что даже в поздних трудах Марра есть этимологии, которые забыты, но были повторены и повторяются последующими учеными (без ссылок на Марра). Так, в своих этимологиях: для баск. *zortzi* "8" - "10 без двух" (с.44) Марр опередил А.Гавеля, для баск. *bi-zar* "борода" (с.28-30) он предвещал Уленбека и Боуда, для баск. *sare* "сеть", груз. *zari id.* (с.22) предвосхитил Р.Лафона и Я. Брауна, для баск. *indar* "сила" (с.28), *alaba* "дочь" (с.22, 30-31), баск. *aral* "низкий" (с.29), груз. *kaqvili* "парень" (с.22), по признанию Ю.В.Эппаря, оказавшая впереди этого басколога.

Многие этимологические идеи Марра просто ждут своей разработки: баск. *piz-tu* "зажигать" - груз. *phio-ka* "поджаривать" (с.37), баск. *aize* "ветер" - арм. *aie* "дух, злой дух" (и далее, очевидно, ряд других и-е слов, с.23), баск. *ikatz* "утюг" букв. "горячий" - арм. *kaft* "шкура, молния" (с.37), баск. *lagtu* "шкура, кожа" - груз. *lar* "товар" (с учетом истории товаров и денег: охот и шкуры были, как известно,

самыми распространенными первыми деньгами) (с.44).

Наконец, Марр опередил и тех современных археологов, которые пишут о том, что в III тыс. до н.э. Испания привлекала к себе людей кавказского происхождения, вся культура которых была связана с разрабаткой металлов. "Наши племена — металлурги, — писал Н.Я.Марр, — нуждавшиеся в металлах прежде всего для различных видов своего племенного хозяйства, по исчерпанию залежей руд у себя или по обнаружении их технически качественной недостаточности в поисках новых шли на запад, двигались как пастушеские в поисках пастбищ. Это было расселение кавказских племен... в направлении Пиренейского полуострова" (Марр, 1920, цит. по переизданию ИЭРЯТ, с.87).

Ю.В.ЗЫЦАРЬ

Н.Я.Марр и современная баскология (Введение)

Если конкретно-кавказоведческая часть научного наследия академика Н.Я.Марра в целом, в главном оценивается положительно или даже с восторгом, а "элементарная" поставлена вне науки, то положение третьей — баскологической, по меньшей мере, неясно и для многих сомнительно.

Причина та, что, доставшись нам от позднего Марра, эта часть была неразрывно связана у него сначала с попыткой выявления баско-кавказского языкового родства, а затем со стремительным переосмыслением (преобразованием) предположенной так называемой яфетической, т.е. баско-кавказской семьи языков в реликтивную группу, отражающую один из этапов мирового глоттогенеза (речь идет уже о яфетической стадильной универсальной теории) при параллельном насыщении самих конкретных сравнений элементарным анализом.

Но в настоящее время само баско-кавказское языковое родство, хотя после Н.Я.Марра оно разрабатывалось вполне заслуживающими доверия учеными, как Р.Ляфон, А.Товар, И.Губшмид, Н.Хольмер, Я.Браун и др., остается не только гипотезой, но для многих и областью отпугивающе-одиозной: нетрудно представить себе, что именно могут в таком случае означать баско-кавказские сравнения Н.Я.Марра в глазах достаточно осторожных и критичных лингвистов нашего времени, особенно тех, кто начал работать в 40-х годах.

И тем не менее, несмотря на все эти обстоятельства, при обращении к соответствующим этимологическим идеям Н.Я.Марра с позиций современной сравнительной баскологии мы отчетливо видим, что большинством этих идей, если не в целом, то в значительной его части вовсе не следует пренебрегать. Впрочем, такой вывод вытекает уже и из того факта, что баскологическая работа Н.Я.Марра приходилась хотя и на последнюю, но все же достаточно долгую часть его жизни: не на 3 или 4, а на 14 лет

(с 1920 по 1934 г.) — следовательно, началась и развивалась эта работа еще тогда, когда Н.Я.Марр не "занемог" элементарным анализом или, во всяком случае, когда эта его болезнь еще не обострилась и не прогрессировала столь бурно.

Отсюда и то обстоятельство, что чем ближе к 1920 году, тем больше ценного в баскологических трудах и отдельных идеях Н.Я.Марра; чем ближе к 1934 г., тем, наоборот, дело становится все печальнее: это без всяких доказательств легко увидеть в переиздаваемых здесь баскологических работах Н.Я.Марра (которые поэтому у нас соответственно и расположены).

На конкретных фактах значение определенной части наследства Н.Я.Марра (возможность использования и развития его этимологических идей) для современной баскологии мы будем пытаться показать несколько ниже; теперь же, после этих вступительных слов, призванных сообщить читателю самый смысл появления настоящего издания, мы перейдем к некоторым моментам марровой биографии, связанным с языком басков.

Мы делаем это особенно потому, что настоящая книга рассчитывается не только на интересы наших, но в частности и баскских лингвистов, а для последних все обстоятельства пребывания Н.Я.Марра в те времена (хотя и не столь отдаленные) в их стране имеют самое непосредственное деловое значение. Мы начинаем с этой (биографической) стороны потому, что, как мы думаем, такой путь изложения будет наиболее прост и удобен.

I. По его собственному признанию, впервые Н.Я.Марр обратился к басковому языку еще студентом, однако вскоре оставил эти занятия, так как, "исходя из материалов лишь грузинской речи, причем исторически плохо освещенных", не вынес впечатления о кавказской природе языка басков (Н.Я.Марр, О яфетическом происхождении басковского языка, ИАН, 1920, с.131 — первая переизданная статья настоящего сборника; также N. Marr, Origine japhétique de la langue basque. — Язык и литература, I, Л., 1926, с. 211).

Эти занятия возобновляются к 1920 году, когда появляется в рукописи только что цитированная статья "О яфетическом происхождении басковского языка" (в дальнейшем "О происхождении" или Марр 1920 а), написанная о том, чтобы, по свидетельству автора, представить на суд Российской Академии Наук основания для направления его в научную экспедицию к баскам (см. ниже в нашем переводе цитированной Original-текст письма к Р.М.де Аскуэ):

Уже в этой первой своей статье по языку басков Н.Я.Марр приходит к выводу о его кавказской природе или происхождении, и хотя этот отдельный здесь вывод сам Н.Я.Марр неоднократно оценивает как предва-

рительный, но надо отметить, что, во всяком случае, по ясности, степени доказательности или "впечатляемости" и разнообразию ораниений или параллелей эта небольшая (II с.) работа остается у Н.Я.Марра в чем-то непревзойденной*: во многих последующих он возвращается, во всяком случае, к ее материалам, пытаясь часто развить их, но далеко не всегда удачно. Все преимущества этой статьи Н.Я.Марра особенно очевидны в ораниениях с наиболее объемистой (68 с.) из его специальных баскологических работ - цитированной уже *Origine* 1926 г., которая была задумана как именно развитие первой (см. ниже).

Зачитана статья "О происхождения" перед Отделением История и Филология РАН (Российской Академии Наук) была 28.IV.1920 г., а текот ее Н.Я.Марр имел с собой, когда 12.IX.1920 г. он вместе с женой А. А.Марр (Жуковской) направился во Францию, в Байонну (как конечную цель путешествия), куда он попадает в январе 1921 года через Ревель, Берляя, Лейпциг, Вена, Флоренцию.

В Байонне открывается возможность "отдаться целиком работе над баскским вопросом, баскологической литературой, баскскими текстами и баскокой живой речью" (Марр, 1921 в, т.6.Н.Я.Марр, Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию - ИАН, 1921, с.728)**. К тому же приезд Н.Я.Марра, нашедшего самое радужное отношение в Байонской Библиотеке и со стороны местных басков, оовпадает не только с восстановлением после войны знаменитого *RÉVU* (*Revue Internationale des Études Basques*), но и с защитой в Тулузском университете докторской диссертации Анри Гавеля, бывшего тогда преподавателем испанского языка в Байонском Лицее; последний представляет в качестве диссертации свою известную книгу *Éléments de Phonétique Basque* (Paris, 1920) и оказывается одним из лиц, с которыми у Н.Я.Марра сразу же устанавливаются коллегиальные отношения.

В поисках знаменитого словаря Р.М.де Аскуэ - тогдашнего профессора баскского языка на "факультете в Бильбао" (Марр, 1921 в, с.729), Н.Я.Марр посылает Аскуэ из Байонны письмо в Бильбао, получив тут же в ответ не только одействие (словарь ему подарили), но и приглашение в Сан Себастьян на заседание 24.II.1921 г. Академии Баскского Языка, в которой Аскуэ, ее основатель, был в то время и секретарем. * Работа о названии выдры в баскоком языке (см. ниже), на наш взгляд, еще важнее, но она в данном случае несопоставима, т.к. направлена не столько на проведение параллелей, сколько на раскрытие происхождения одного и того же термина, хотя и с привлечением при этом многих других. ** Здесь тяжелейшая опечатка в датировке того года, когда этот отчет был доложен (1920 г. вместо 1921 г.).

Так как, однако, принятие этого приглашения по каким-то причинам (видимо, вопрос пересечения границ?) оказалось для Н.Я.Марра невозможным, то сам Р.М. де Аскуэ накануне того же заседания, где ему предстоял доклад о баскской суффиксации, приезжает в Байонну для встречи с Н.Я.Марром.

Момент встречи этих двух столь своеобразных и больших ученых, грузина и баска, Аскуэ и Марра, этих столь ярких представителей в науке своих столь неповторимых народов, для нас заключает в себе, конечно, исключительный интерес. К сожалению, мы лично не располагаем, однако, какими-либо мемуарными и другими данными об этой встрече. Содержание же их беседы сам Н.Я.Марр в том же докладе (Марр, 1921 в, с.729) освещает следующим образом: "Профессор де Аскуэ приехал, чтобы познакомиться ближе с вопросом о происхождении баскского языка в моем освещении. Он уже успел к тому времени (говорю о его слов) сообщить своим коллегам в переписке полученные им от меня сведения, а также обсудить с ними вопрос о целесообразности командировать ко мне молодого басковеда, чтобы тот усвоил необходимые знания по кавказским яфетическим языкам для дальнейших углубленных работ над баскским языком в освещении яфетической теории, что было принципиально принято.

Беседа наша с профессором де Аскуэ в Байонне была посвящена целиком яфетическому языкознанию и разъяснению, которое в его ответе получает и материально и в лексической части баскский язык.

Попутно де Аскуэ ознакомил со своими предприятиями, между прочим с нотными знаками *Sancionero popular valse* собрания баскских песен, первый выпуск которого — *Sanciones amogovas* я успел получить накануне выезда из Парижа. Тут же, в Байонне, мне были спеты им несколько баскских песен, произведших на нас большое впечатление поразительным родством в мотивах и стиле с восточной, именно — с кавказской музыкой.

Де Аскуэ взял с меня слово, что письменно изложу для него, сообщенные ему в беседе, по-видимому, поразившие его данные, выявляющие принадлежность баскского языка к яфетической семье, для доклада коллегам в Академии Баскского языка. На себя же он взял труд отыскать издания баскских текстов и наиболее нужную мне литературу, что он и исполнил: в Париже я получил целый ряд ценных изданий".

Из этих совместных замыслов командирования к нам "молодого басковеда", насколько известно, осуществиться было не суждено — вплоть до наших дней, до приезда в Грузию Шабьера Кинтана. Что же касается письменного изложения Марром "сообщенных в беседе и, по-видимому, поразивших Аскуэ данных, выявляющих принадлежность баскского языка к яфетической семье", то по дальнейшему (Марр, 1921 в, с.730) разъяснению Н.Я.Марра мы узнаем об этом следующее.

Во исполнение слова, данного Р.М.де Аскуэ, Марр, как оказывается, подготовил не "запись устно делавшихся разъяснений", а перевел на

французский язык известный уже нам текст "О происхождении", захваченный с собой из России (на основании которого была дана сама командировка и т.д. — см. выше) и затем вручил его Аскуэ с предисловием в форме письма к последнему (мы полагаем, впрочем, что именно этот же текст лежал и в основе "устных разъяснений" Марра, адресованных Аскуэ, по поводу родства баскского языка с кавказскими). Аскуэ, со своей стороны, как сообщает Н.Я.Марр, просил разрешения перевести тот же текст с французского перевода "на испанский или баскский язык, или на оба языка для прочтения на съезде басков" в сентябре, в т.н. "Баскский день", отмечаемый два раза в год (Марр, 1921 в, с.730).

По возвращении в 1921 г. из "Баскии", Н.Я.Марр в этом же своем отчете (Марр, 1921 в, с.734-735) просит Российскую Академию Наук о выражении благодарности "Секретарю Академии Баскского Языка, профессору Р.М. де Аскуэ в Бильбао".

По причинам, навсегда оставшимся Марру неясными, французский текст работы "О происхождении", врученный Аскуэ, не был, однако, на Западе напечатан ни на французском, ни на каком-либо другом языке, и Н.Я.Марр неоднократно и по разным поводам с горечью говорит и пишет об этом. Без введения, написанного в форме письма к Аскуэ, указанная работа "О происхождении", как мы знаем, выходит по-русски в 1920 г. в ИАН, из французского же ее текста часть была напечатана в 1926 г. в цитированной *Origine* (Martr, 1926), причем эта напечатанная часть не содержала никакого конкретного материала сравнений: только письмо к Аскуэ (введение) с критикой Г. Вишклера и общие рассуждения.

Таким образом, первая и одна из двух лучших работ Н.Я.Марра по баскскому языку — "О происхождении" (Марр, 1920) — в ее важнейшей конкретной части никогда по существу не выходила в свет на языке, доступном для западно-европейских баскологов. Более того, она и вообще оставалась практически неизвестной читателю вообще в силу выхода у нас в таком году, как 1920, и отсутствия последующих переизданий. (В предлагаемой книге переиздается впервые).

С описываемой первой командировкой Н.Я.Марра связано, между прочим, и его письмо к ректору открывшегося уже тогда Тбилисского Университета Иване Джавахишвили, письмо, в котором живо рассказывает в своей книге "Баски и грузины" (Тбилиси, 1979) акад.Ш.В.Дзидзигури. Как мы узнаем из этого рассказа (а само письмо хранится в Центральном Государстве Грузии), Н.Я.Марр выражал в данном письме желание прочесть в ТГУ курс лекций на тему "Место баскского языка среди яфетических" на грузинском языке (с приглашением кого-либо из басков для практических занятий) и в связи с этим "по инициативе И.Джавахишвили 15/IV-1921 г. Совет Профессоров ТГУ постановил: учредить Кафедру

Сравнительного Яфетического Языкознания", т.е. сравнительной грамматики картвельских языков, и пригласить на должность заведующего этой кафедрой профессора Н.Марра, которому поручить одновременно чтение курса по баскскому языку (Ш.В.Дзидзигури, 1979, с.155-156). То, что это решение осталось неосуществленным, объясняется в данной книге Дзидзигури возвращением Н.Я.Марра из-за границы непосредственно в Петроград (там же).

И действительно, Н.Я.Марру не пришлось из Франции проследовать, как он рассчитывал, в Грузию, так как когда он приготовился к этому, то "слухи об обращении Грузинской Республики в советскую стали лейотивительностью", и как возможность, так и необходимость ехать в Грузию из Западной Европы в связи с этим отпала (Марр, 1921 в, с.730): через два с половиной месяца работы в Париже (с 26/II по 13/V-1921 г.) и сразу после встречи здесь с Е.С.Такайшвили обратный путь Н.Я.Марра пролаг через Берлин, Штеттин, Ревель - в Петроград.

Между тем при выезде за рубеж Н.Я.Марр действительно намеревался "ознакомиться в Тифлисе с положением... Кавказского Историко-Археологического Института и вообще с тем, что в крае делалось по кавказоведению", а также "прочитать в Грузинском Государственном Университете весной курс о последних достижениях по яфетидологии и заняться удийским языком с природными удинами" (Марр, 1921 в, с.725-726). Более того, во исполнение этих планов еще по дороге во Францию из Петрограда Н.Я.Марр обращался в Берлине к послу тогдашней Грузии в Германии В.Ахметели за содействием в смысле проезда в Грузию и уже отправил через того же посла в Тифлисо рукописи работ, намеченных к использованию для чтения лекций и сообщений в Грузии, при случае также в Армении, в числе их свою сравнительную грамматику яфетических языков сибирянской ветви. Судьба этих рукописей неизвестна. Впоследствии тем же путем были отправлены книги, приобретенные по задачам... командировки. Они вернулись обратно" (Марр, 1921 в, с.726).

Можно быть почти уверенным, что за рубежом, в Парижской и других библиотеках, Н.Я.Марр работал, в частности, над следующей (второй) своей статьей по баскскому языку. Во всяком случае, в заключении "Отчета... в Баскию" (Марр, 1921 в, с.739) он уже просит у РАН "разрешить напечатать заметку "Происхождение баскского термина *udagara* "выдра" по данным яфетического языкознания", и уже годом позже самого этого отчета данная "заметка", превратившись в большую статью, почти книгу, выходит по-французски под названием *Le terme basque udagara "loutre"* (Яфетический сборник, I, II г, 1922, с.1-30). Как уже говорилось, цель автора здесь состоит прежде всего в том, чтобы выявить происхождение лишь одного баскского термина (*udagara* или,

точнее,* *qagara*, входящего в *udagara* "выдра"), хотя и с привлечением многих других. И незачем говорить, насколько все в этой статье продиктовано окрашившим убеждением в яфетизме баскского языка (мы говорим "окрашившим" на тот случай, если такое убеждение не было уже предельно крепким и ранее).

Еще (почти) не содеждающая элементарного подхода, работа *Udagara* (Marr, 1922), по нашему мнению, оставляет нечто, не утратившее своего значения (для современной сравнительной баскологии) не только в отдельных фрагментах или "рационах", "проблесках" и т.п., но и как целое, являясь в этом смысле единственной среди марровских работ по языку басков. И следует отметить, что, не будучи свободной от недостатков, типичных для всей сравнительной баскологии того времени, *Udagara* по широте привлеченного материала и другим достоинствам, по меньшей мере, не уступала лучшим работам таких ученых, как А.Тромбетти или Г.Шухардт.

Более того, она не уступала и двум работам Г.Шухардта прямо на ту же тему (т.е. соответствующим частям этих двух работ: H.Schuchardt, *Ibero-romanisches* - Zfgrh, XXIX, 1905, с.220-227; *Baskisch und Hamitisch* - Zfgrh, 1913, с.22-24), да и сам Н.Я.Марр оценивал соответствующие результаты как равноценные своим, независимо полученным и совпадающим или близким по существу.

Поскольку *Udagara* вышла на французском; а не на русском языке, к тому же в столь суровом году, как 1920, то она не осталась неизвестной в Западной Европе. Не говоря о случайных читателях, как некий баск Б.Гаритасоникиа^{*}, эта статья была известна безусловно уже в 1923 г. и К.К.Уленбеку, который учитывал ее при написании своих работ этого же 1923 года: C.C.Uhlenbeck, *De la possibilité d'une parenté entre le basque et les langues caucasiques* - по-голландски в *Verlagen en Mededeelingen d.Akademie van Wetenschappen (Amsterdam)*, 1923^{жж} и *zur vergleichenden Lautlehre der baskischen Dialekte, Berichtungen der koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam* (окр. VKNL), Amsterdam, т.24, 1923.

Эта последняя работа является дополнением к гораздо более ранней и важнейшей: C.C.Uhlenbeck. *Contribution à une phonétique comparative* -

^{*}См. Marr, 1925 м, по повторному изданию ПЭРЛТ, с.179.

^{жж} Из числа работ того же автора, как бы продолживших впоследствии данную, укажем "Les couches anciennes du vocabulaire basque", "Affinités prouvées et présumées de la langue B." обе в *Euskola-kintza*, I, 1947, ср. его же "La langue basque et la linguistique générale" - *Lingua*, I, 1947.

ve des dialectes basques (RIEV, 1909, отдельно - Paris, 1910), ранее как Beiträge zu einer vergleichenden Lautlehre der baskischen Dialekte. - ВУКА , 1904. Поэтому В.Ф.Шитмарев (Очерки по истории языков Испании, М.-Л., 1941, с., примечание 6) полагал, что Н.Я.Марр в своей статье "Две новые работы Уленбека по баскскому языку" - "Язык и литература", I, Л., 1926, полемически отвечал именно на эту последнюю и предыдущую (Berichtigungen) работы Уленбека. В действительности, однако, Н.Я.Марр полемизировал, повторяя, о двумя работами Уленбека 1923 года: De la possibilité и Berichtigungen. К сожалению, ни в самой своей полемической статье, ни в связанной с ней по изданию Origine (Марр, 1926), Н.Я.Марр не указал точно самих работ Уленбека, о которых он вступил в полемику, и это тоже обило В.Ф.Шитмарева о толку.

Надо думать, что марровская Udagara была известна и кому-то из баскских ученых: Н.Я.Марр вполне мог выслать ее тому же Р.М. де Аскуэ.

С другой стороны, является несомненным фактом, что эта лучшая, наиболее глубокая во всех отношениях работа нашего ученого ни по выходе, ни впоследствии не произвела того впечатления, и ее не постигла та судьба, которой она заслуживала. В частности, весьма холодно относя к этой работе тот же Уленбек, поскольку она начала (в 1923 г.) "слово" "dagara "собака" из составного баскского термина udagara "выдра" вовсе не было принято им во внимание" (Н.Я.Марр, 1926, с.266)*; а впоследствии голландский ученый, как увидим, с полной определенностью высказался об указанной статье в отрицательном смысле.

В 1923 г. Уленбек в общем относился к Н.Я.Марру еще выжидательно, упоминая его между К.Општром и Г.Винклером, из которых последнего оценивал достаточно высоко; все это, однако, уже вызывало крайнее печатное отражаемое раздражение Н.Я.Марра.

Никакого положительного упоминания о статье Udagara не находим мы и в баскологическом некрологе Н.Я.Марру, и это тем более показательно, что данный некролог принадлежал перу Х.де Уркихо - необыкновенно широко образованного, прекрасногодушного и благородного пуководителя баскологии своего времени, который к тому же был, как увидим, в прекрасных личных отношениях с Н.Я.Марром (см. J.de Urquijo. Notas necrológicas. Nicolás Mart.-RIEV, XXV (1936), pp.720-723).

А Майе? Мы знаем, что и Алтуан Майе, этот величайший эрудит своего времени, мимо которого не проходило ни одно сколько-нибудь значительное событие тогдашней лингвистики, был тоже лично знаком с Н.Я.Марром.

* Уже это исключает то утверждение (здесь же, с.265), что "касательно яфетидологии читающий по-русски Уленбек... знаком лишь с двумя, именно не материального характера, работами моими: "Третьим этническим элементом" в немецкой версии и напечатанной в "Востоке" "Яфетидами".

В частности, из того же некролога (Urquijo, 1936) мы узнаем, что они встречались еще в 1926 году, когда Н.Я.Марр, говоря о яфетической (баскоко-кавказской) семье, полагал вскрыть ее, преодолеть сопротивление материала за счет личного углубленного знания кавказских языков^{*}.

И вот, несмотря на все это, никаких данных о той или иной оценке марровской Udagara со стороны А.Мейе, насколько мы знаем, там же не имеется: статья подверглась как бы осуждению молчанием, — до 1932 года, когда вышла одноименная работа К.К.Уленбека Udagara — ЯЕВ, т.23 (1932), pp.1-3, в которой последний и высказывается о полной определенности против этимологии Н.Я.Марра для баск. udagara, обращая собственный взор в сторону и-е языков: "Все это, конечно, весьма проблематично", — пишет он, — но "думаю, это лучше весьма эфемерных гипотез Марра... и Опитра... Оба они отправляются для udagara от значения "водяная собака", что само по себе не является невероятным. Однако, комбинации, через которые они приходят к данному значению, опираются на недоказанные предположения" (Uhlenbeck, 1932, p.3, ср. у нас приложения I).

Приходя к этому заключению, К.К.Уленбек не только ставил своего рода точку над молчаливым отрицанием марровского труда, но и как бы выносил ему приговор, который и ныне остается в силе. Если бы, однако, К.К.Уленбек был даже и прав в отношении самой марровской этимологии для udagara, то отрицание всей статьи Марра в целом не может быть справедливым уже в силу хотя бы ее обширного типологического материала. А между тем, после указанной критики К.К.Уленбека отрицательное отношение сложилось именно ко всей марровской Udagara в целом. И причину этого уже вряд ли можно усматривать в одном лишь научном авторитете К.К.Уленбека или в допущенной всем научным миром логической ошибке *para pro toto* и т.п.

Но в таком случае, каковы же другие причины?

Дело прежде всего в том, что как раз ко времени выхода Udagara Н.Я.Марра в западно-европейской лингвистике достигло своего апогея критическое, резко отрицательное отношение ко всем генетическим сравнениям баскокого с другими языками мира, назрел кризис сравнительной баскологии (см. Ю.В.Зыцарь. Проблема языка басков в свете ее истории. —

^{*} Сам А.Мейе, хотая оказать, указывал Н.Я.Марру, что распадение баскоко-кавказской общности должно было начаться где-то по меньшей мере в IV тысячелетии, живые языки для ее вскрытия — плохая опора, как, впрочем, и древневосточные. Поэтому А.Мейе непеременим уловием соответствующей работы считал сравнительную грамматику кавказских языков, к построению которой и советовал Н.Я.Марру вернуться. Еще в 1920 г. А.Мейе вместе с Маклером заказывал Н.Я.Марру для издававшейся ими серии по арменистике материал о раскопках в Ани (Марр, 1921 в, с.731).

Уч.зписи Орл.ПИИ, т.ХШ, Орел, 1958, с.3-55), в результате которого были поставлены под вопрос все, даже самые лучшие труды целой плеяды блестящих, но слишком увлекавшихся лингвистов - таких, как Г.Шухардт, А.Тромбетти, Г.Винклер, К.Олтир и др., не говоря уже об их предшественниках в лице А.Шаранси, Л.Л.Бонапарта и др.

Но если все это было так, и под критическую переоценку подпадали даже работы Г.Шухардта, не исключая те, что перекликались с Udagaga Марра, то что же иное могло ожидать саму эту статью?

Здесь показателен уже тот факт, что сама полемика по поводу Udagaga развернулась именно между Н.Я.Марром и Уленбеком, так как центральной фигурой, олицетворявшей начало в баскологии т.н.позитивного периода (т.е. периода критики, кризиса и т.п.), был как раз К.К.Уленбек, а одним из главных поворотных пунктов была в этом смысле приведенная работа К.К.Уленбека *De la possibilite*, где в результате произведенного им пересмотра голландский ученый предлагал отказаться от сотен сраведений предыдущих авторов, включая и Шухардта, и оставлял в качестве допустимых всего несколько десятков (67) из них (относящихся к кавказско-баскоким).

Разумеется, в такой критической переоценке был свой "перегиб", что иллюстрируется особенно одной из работ Э.Цихларца (E.Zihlars. Zur *angablichen Verwandtschaft des Baskischen mit afrikanischen Sprachen. - Prähistorische Zeitschrift*, XXII, 1932; ср. также G.Bähr, *El vasco y el samítico. - RFEV*, t. 25, 1934, с.240-244), резко обрусившегося на баскоко-химитические сражения Г.Шухардта. И показательно, что если сразу после выхода этой работы большая часть баскологов встала на ее сторону, то впоследствии эта работа была все же признана излишне критичной.

Попав под метлу "перегибающей" критики (более жестких методических требований и т.п.), Udagaga Н.Я.Марра и впоследствии, однако (когда эта волна прошла и восторжествовал, как всегда, золотой "срединный" подход), не оказалась в числе реабилитированных трудов. И в этом сыграли свою роль уже иные причины: в первую очередь, возможно, сложение элементарного наследства Н.Я.Марра, с которым, как мы видели, нетрудно объединить и все баскологические его труды (хотя в отношении всех данных трудов это вовсе неправомерно).

Таким образом, и Udagaga Н.Я.Марра, важнейшая из его баскологических работ, оказывается ожидающей реабилитации. Ко всему прочему, она, как и *Origine* (Marx, 1926, подробно см. ниже), никогда не видела свет на том первом языке, на котором должна была выйти, т.е. на грузинском или русском (здесь по-русски выходит впервые).

Уже в 1922 г., когда выходит основной результат первой заграничной командировки - Udagaga Н.Я.Марр вновь едет к баскам, см. его "Отчет" по

второй загранкомандировке (октябрь, 1922 - июнь, 1923 г.) (впервые доложено на заседании СИФ АН 5/IX-1923, затем расширенно - в Академии Истории Материальной культуры 19/IX-1923 и в последнем уже указывавшемся варианте напечатано: - Марр, 1925 м).

В 20-х числах октября 1922 г. (вместе с женой А.А.Марр-Дуковской) Николай Яковлевич выезжает на пароходе из Ленинграда в Штеттин, откуда в Берлин, где обращается к ученому секретарю французского посольства Агно и получает визу на въезд в Париж (через Лейпциг). "В Париже я предполагал остановиться лишь на две недели в ожидании разрешения на въезд в Испанию, в котором был вполне обнадёжен профессором де Аскуэ" (Марр, 1925 м, по ПЭРЯТ, с.128). "Вскоре, однако, стало ясно, что въезд мой в Испанию не так-то легко будет разрешен, и занятия мои в Париже (все время в Национальной Библиотеке - Ю.З.) примут длительный характер. Они длились непрерывно четыре с половиной месяца" (там же).

Между тем как со стороны де Аскуэ, так и принимавших участие испанских ученых* были, несомненно, проявлены немалые усилия по обеспечению въезда Н.Я.Марра в испанскую Басконию. В частности, Аскуэ проявил исключительную настойчивость, как это видно уже из факта приюлки им Н.Я.Марру писем: 1) официального (на испанском из Бильбао) от имени секретаря Академии Баскского языка с заверением о поддержке Академией приезда Н.Я.Марра; 2) одновременного личного (на испанском из Бильбао) с сообщением о передаче дела по совету испанского посла в Париже в руки экс-президента правительства Испании и с копией положительного заключения последнего; 3) личного (на баскском языке из Лейпцига в Петроград) с уведомлением, что "баскская земля с нетерпением ждет приезда" Н.Я.Марра; 4) личного (из Бильбао в Лейпциг) о ходе переговоров по делу и с указанием, куда следует обращаться в Париже за положительным ответом; 5) личного (из Бильбао в Париж): сообщение о передаче дела в руки Менендеса Пидала и "совет - выбрать местом для занятий баскским не Бильбао, где нет... баска, осмещающего со знанием родной речи умение говорить по-французски" (ПЭРЯТ, с.129).

Если все это безусловно свидетельствует в пользу положительного отношения Аскуэ и других баскских и испанских ученых, то одновременно сам данный перечень говорит и о наличии в тогдашней Испании лиц, отрицательно воспринимавших возможность приезда советского кавказоведа в Басконию. Здесь, очевидно, заключается и основная причина того обстоятельства, что взятая еще ранее для издания статья Н.Я.Марра "О происхождении" (Марр, 1920, см. выше) не вышла в Бильбао.

И тем не менее, несмотря на эти препятствия, Н.Я.Марр в ходе второй командировки все же попадает к испанским баскам. И происходит это бла-

* Речь идет, судя по всему, о великом Р.Менендесе Пидале; хотя это имя приводится у Марра в неточной форме (см. там же, с.129).

годаря тому, что ряд лиц, познакомившись с ним и проникнувшись значением его научной работы, положительно характеризовали последнюю. Эти лица следующие, известный французский ученый Граффэн (Graffin) в Париже, нашедший Н.Я.Марру испанского баска для занятий "гипускоанским и бискайским наречиями на дому" (ПЭРЯТ, с.130) и познакомивший его с доном Габриэлем Пальмером; сам Пальмер, который в конце концов и получил визу для Марра; тот же обучавший Марра в Париже баск-школьный повар по роду занятий - Мигель Олаисола (Olaizola), поскольку он "своим реальным знанием характера" работы Марра "содействовал к рассеянию какого-то тумана, собравшегося вокруг совершенно ясного" дела (ПЭРЯТ, с.130); коллеги по арийно-грузинской филологии бельгийцы П.Петеро (Peeters) и Марье (Mayer) и, наконец, особенно Х. де Уркихо, который дал Н.Я.Марру положительную характеристику, еще не зная его лично (ПЭРЯТ, с.130).

К отношениям Марра и Х.де Уркихо, представляющим особенный интерес, мы вскоре еще вернемся. Теперь же нельзя не привести хотя бы отрывочно не менее восторженный отзыв Н.Я.Марра о том же его учителе Олаисоле: "Я не говорю уже об его благородном энтузиазме, бескорыстном увлечении всем моим научным делом. Как по мановению волшебного жезла у меня на столе оказались нужные по гипускоанскому наречию учебник баскского языка в форме диалогов, стал я получать... газету на языке испанских басков, мне были переданы живо написанные драматические произведения... При трудных словах или выражениях Олаисола обращался к знакомым баскам или списывался с родными на родине... Он приводил ко мне басков... и благодаря ему я познакомился с П.Ландом, автором первой книги общего характера о басках, послужившей мне вводным курсом ... он же - автор романа "Иоланда" на баскском языке, где раскрывается богатство и художественность баскской речи, ведет он и курс баскской литературы в Тулузском университете ... Было заразительно его жизнерадостное настроение по вопросу о баскской нации, вера в ее будущее, уверенность, что мои чистые научные искания встретят в ней рано или поздно всяческую поддержку ... Располагая интереснейшим наречием баскского языка французской части - сулетийским, он предложил свои услуги ... и по этой части. М.Олаисола, между тем, ... предварительной перепиской подготовил родную ему среду для ознакомления с характером работы, которую я веду ... Он решительно отказался от всякого вознаграждения, заявив: "поверьте, сеньор, что если бы я не ощущал удовлетворения в работе с Вами, я бы не участвовал в ней так регулярно в это столь страдное для меня время". О том, как много давал мне Олаисола, видно из того, что, занимаясь в Национальной Библиотеке лишь по утрам с 9 по 1 ч., я с трудом успевал готовиться к занятиям с ним, хотя все остальное время посвящал почти целиком работе над баскским" (ПЭРЯТ, с.157-158).

"И все-таки, — пишет также Н.Я.Марр, — разрешение на въезд в Испанию стало так затягиваться, что, решив совершить туда поездку и в том случае, если бы мне оставалось для использования срока только на 24 часа, я должен был выкинуть из маршрута Албанию, Сардинию и Корсику, где ознакомление с топонимикой и литературой по археологии и этнографии края еще в Петербурге открыло картину ярких яфетических переживаний, притом общих с памятниками Иберийского п-ова; я должен был отказываться от непосредственных наблюдений в Африке перахиточных представителей яфетической семьи (берберы? — Ю.З.) ... отказаться от мысли побывать в самой Испании на месте раскопок в Нуманции ... Когда же я, наконец, получил разрешение ехать, в моем распоряжении были лишь две недели, с большим усилием я смог растянуть мое пребывание на три недели, и потому должен был отказаться от плана побывать в баско-баском диалектическом районе Баскии с поездками, как я то делал, изучая Атинский район в Лазистане, в села и места моего главного исследовательского пункта...

После школы, пройденной с испанским баском в Париже, мне понадобилось лишь 12 дней в баско-баской среде, чтобы объяснить по-баски по нужным мне вопросам, что, впрочем, отчасти я делал с первых дней пребывания в чисто баско-баской сельской среде. Кроме названной предварительной подготовки, мне помогли исключительно благоприятные условия работы, в которых я очутился, попав в баско-баское село или местечко Аспейтия, собственно — в крестьянский дом у монастыря Лойола. Многочисленная семья работающего днем на пашне баска-крестьянина, у которого за трапезой сидело семнадцать душ домохозяев и вообще членов этой семьи, представляла для меня тот глубокий интерес, что помимо возможности выбора из этой среды лица с тем или иным говором (так одна служащая работница была из села с исключительно интересным говором) были дети с досугом для занятий со мной, а вечером я пользовался удобством находиться в кухне-столовой баско-баского дома непринужденную беседу всей семьи за ужином, стараясь в то же время независимым разговором о обоим стоявшей у плиты хозяйкой управлявшейся в баско-баской речи, а после ужина значительной части этого крестьянского общества, располагавшейся вокруг меня, я читал рассказы из только что вышедшей баско-баской книги, составленной на основе гипускоанской речи моим одним новым приятелем-баском.

Слушавшие, приходя в восторг от правильно построенных частей текста, делали замечания и поправки, когда замечали шероховатости или непривычные им слова, и любопытно, что дети были особенно чувствительны к малейшему недочету речи, а затем также женщины. Днем я располагал, как объектом исследования, тем или иным членом семьи до обеда, а после обеда любезными услугами басков близлежащего монастыря, ученых опасав-

листов баскского языка или просто владеющих тем или иным родным говором того или иного наречия.

Источники осведомления по языку я разнообразил, следя по газетам, преимущественно баскским по направлению или по языку, за местной жизнью, посещая церковь для выслушивания проповеди на баскском языке, впрочем дававшей мало по народной жизни, и, пользуясь случаем скопления басков и улавливания смысла их летучей беседы на дороге, перед монастырем, на улицах городка Аспейтия и, особенно, на рынке, где разнообразие товаров, а в некоторые рыночные дни исключительно определенного предмета торговли давало богатейший материал и для экстенсивного или интенсивного в специальной области изучения богатой живой баскской речи. Удобство, которое я мог, увы, использовать только короткое время. Естественно, если при первой подобной работе на месте я почувствовал себя так, точно давно занимаясь в баскской среде и, вернувшись снова, восстанавливая временно прерванную работу.

Любезность, приветливость и готовность всячески поспособствовать моим занятиям живо восстановили в моей памяти отношение к моей аналогичной работе на месте кавказских тезок басков, абасков или абхазов. Достаточно сказать, что редактор RIEV, лицо безусловно авторитетное в басковедной литературе, обладатель исключительной во всем мире по полноте басковедной библиотеки и в то же время чрезвычайно занятое по своему высокому положению, именно дон Х. де Уркихо с поразительной предупредительностью шел на все, не стесняясь тратой времени, что могло бы помочь мне сэкономить время по части исполнения формальностей по моему пребыванию в стране и выезде из нее во Францию. Без этого содействия мне был бы затруднен обратный въезд во Францию.

На мою беду у вновь назначенного в день моего приезда в Испанию французского консула были неприятные воспоминания по пребыванию в Москве и какое-то по-видимому недоверие ... (в оригинале следует многозначие, — Ю.З.), и только помощь благородного испанского баска устранили шипы с моего в остальном розового в Испании пути. Он же, все тот же Х. де Уркихо, такую же предупредительность проявил и в мелочах".

"Когда в Сан Себастьяне я не мог достать нужную мне статью М.Гомес Морено об известной ... иберийской надписи на овице из Алькой, то директор баскского этнографического музея сам вызвался выписать для меня номер журнала, где она помещена, а Х. де Уркихо, раньше успев ее получить в Обществе Изучения Баскского Языка, которое насчитывает 1600 членов, передал мне безвозмездно, уверяя, будто Общество получило эту книгу бесплатно" (ПЭРАТ, с.131-133).

Как мы полагаем (и по этой причине позволяем себе столь долгую цитату), в приведенном отрывке дается настоящий, хотя и беглый порт-

дет баскского общества времен Н.Я.Марра, показывается отношение к последнему со стороны того же общества (самых различных его слоев), и, как мы видим, это было всегда отношение всеобщей приветливости, радушия и неизменной благородной любезности.

После возвращения в Петроград в июне 1923 года и представления отчета "Из поездки" — Марр, 1925 м — (который, несмотря на 65 книжных страниц последнего варианта, сам автор продолжал считать предварительным) Н.Я.Марр пишет в области баскологии две небольшие работы: "К вопросу о префиксовых образованиях в баскском языке" — ДАН^Р 1924 (доклад в ОИФ, 7.V.1924), с.159-162 и *Les Ruptures ou Monts Ioniens* — ДАН, 1925 (представлено 19.XI.1924), с.15-18.

Первая из них продиктована, с одной стороны, теми занятиями баскской морфологией (в последней командировке), о которых есть упоминание в отчете, с другой — чтением одной из ранних работ К.К.Уленбека (*Suffixes basques...pour servir à la connaissance de la formation des mots en basque* — RIV), причем принципиальной или хотя бы большой полемики с Уленбеком здесь еще нет, и эта работа не испорчена еще элементарным анализом.

Однако признаки последнего уже и здесь налицо, их еще больше в том же более раннем отчете "Из поездки", а работа "*Les Ruptures*", представленная всего пятью месяцами позже "Префиксовых образований", несмотря на одно-два заманчивых "приглашения к поиску", совсем испорчена элементарностью, стимулированной здесь и самим объектом (топонимика).

Где-то между этими двумя крохотными статьями Н.Я.Марра пролегает та грозная грань, за которой он все более отстраняется от науки и уходит как бы в иной мир. Работа *Les Ruptures*, хотя на русском или грузинском языках она не видела света, поэтому нами не переиздается, как и отчет "Из поездки".

Примерно та же грань, которая разделяет и две более поздние баскологические статьи выпуска 1926 года: знакомую нам уже "Две новые работы Уленбека" (Марр, 1926) и *Origine* (Марр, 1926), из которых последняя носит сильно элементарный характер. На *Origine* теперь следует остановиться особо.

Уже из полного названия этой работы *Origine japhétique de la langue basque* (Яфетическое происхождение баскского языка) видна ее особая связь с самой первой почти одноименной работой Н.Я.Марра (Марр, 1920-а) "О яфетическом происхождении баскского языка", ср. также подзаголовок той же *Origine* : "Предварительное сообщение, переданное в соответствии с современным состоянием нового учения о языке", где под "Предварительным сообщением" понимается именно "О происхождении".

■ Это обычное сокращение для издания: Доклады Российской Академии Наук.

Во втором отчете (Марр, 1925 и - ПЭРАТ, с.129) Н.Я.Марр, собствен-
но, и прямо говорит, что его работа "О происхождения" теперь появи-
лась в своем переработанном виде под заглавием *Origine japhétique*
и т.д., почему в *Origine* и вошли части статьи "О происхождении". К
своей *Origine* Н.Я.Марр, таким образом, шел от 1920 до 1926 г., и не
случайно *Origine* является самой крупной и наиболее общей (из баско-
логических): это нечто итоговое, и с точки зрения самого автора, неч-
то не только более завершенное, но и совершенное.

Поскольку, однако, попытки развития тех или иных идей работы 1920
года как в *Origine*, так и в более поздних были часто одновременной
их элементаризацией, то они далеко не всегда давали действительно луч-
шие результаты.

И все-таки, как итоговая и наиболее общеописательная (в чисто лин-
гвистическом плане), наконец, как работа, тоже не видевшая ранее све-
та на русском языке, *Origine*, тем не менее, также должна быть пере-
издана (что здесь и делается с сокращениями). И для этого переиздания
есть и еще одна причина, о которой ниже пойдет речь.

В том же 1926 году, когда выходила *Origine*, готовилась третья
поездка Н.Я.Марра в Басконию, вновь во Французскую, но на этот раз
не в Байонну, а к оулетинским баскам - в Тардец*. Здесь, в Тардеце,
Н.Я.Марр вместе с А.А.Марр в эту свою поездку все время и жил, и
здесь он полностью написал оной известный труд "Из Пиренейской Гурьи.
К вопросу о методе", законченный в октябре 1927 года и в том же году
(!) напечатанный в Тбилиси, в Известиях Кавказского Историко-Археоло-
гического Института, т.V, Тифли, 1927, с.I-62.

Эта последняя статья, почти книга Н.Я.Марра пользуется наибольшей
известностью из его баскологических трудов, особенно пленяя до сих
пор многих грузинских соотечественников автора. И хотя эта статья в
целом носит, пожалуй, еще более элементарный характер, чем *Origine*,
но нельзя не признать за ней целый ряд оных исключительных досто-
инств: пластичность и яркость передаваемых впечатлений, этнографи-
ческая содержательность, обилие сравнений и в них - самого (часто
неожиданного и редкого) материала, масса увлекательных этимологиче-
ских идей и т.д., и т.п. Все это заставляет очень серьезно задуматься
над дальнейшими печатными судьбами, в частности, и этого блестящего
научного очерка.

Самый его объем и степень известности ставят его, однако, в иное
положение по отношению к настоящему изданию: возможно, что следует
подумать о другой книге, где центральным было бы переиздание именно
"Пиренейской Гурьи" (см. ниже). Здесь же мы ограничиваемся пока пуб-

* Относительно выбора этих мест см. выше цитату, где говорится о
знакомстве с П.Ландом.

ликацией (в роли предисловия) очерка Ш.В.Дзидзигури "Баскония глазами Марра" (по материалам "Пиренейской Гурки"), где читатель найдет и некоторые подробности, касающиеся жизни Марра среди сулетинцев, его контактов с ними и наблюдений и т.п.

К баскскому языку имеет касательство, наконец, и четвертая заграничная командировка Н.Я.Марра в 1929 г. во Францию, на три месяца, см.Н.Я.Марр. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Африевразии, Л.(Издание Госакадемии Мат.Культуры), 1930, 37 с., доложено 8.УП-1929 в той же ГАИМК (Марр, 1930). Теперь в связи с этой поездкой речь идет о "ступенях стадийального развития в Западной Европе, требующих "трактовки не одного баскского, а всех наличных в районе языков.... в первую очередь... бретонского", поскольку кельтские языки" выявляют, как на К а в к а з е армянские, переходную ступень... между языками первоначального населения Европы, т.е. яфетическими и языками и-е типа" (Марр, 1930, с.1).

Несмотря на особое внимание в связи с этим к бретонскому и основательное проникновение в него, как и вообще в бретонский вопрос, последнему была уделена лишь четвертая часть времени: не в меньшей степени занимает Марра теперь берберский и по-прежнему баскский, а также издательские дела во Франции по тому же баскскому и грузинскому языкам: "Надо было продвинуть знание по берберскому языку; надо было оделать не только то же самое по баскскому, но проверить тексты издаваемой мной хрестоматии баскского языка, особенно в части гилукоанского наречия, равно доискаться точных значений некоторых терминов и выражений составленного С.Л.Выховской баскско-русского словаря к той же хрестоматии" (Марр, 1930, с.2).

Кстати, и сама эта работа "Бретонская речь" (Марр, 1930), несмотря на позднее время ее написания (1929), содержит в изобилии интересные этимологические предложения не только по бретонскому языку, но и баскскому в связи с бретонскими, выделяясь в этом смысле из многих других (ср. о баскском в связи с чувашским и т.п.): мы не говорим уже об интересе этого очерка как для наших кельтологов, так и для самих современных бретонцев.

Выход в 1932 году работы Udagara К.К.Уленбека мог бы послужить поводом для появления нового баскологического труда Н.Я.Марра. Однако к тому времени, когда данная работа поступила в Россию, жизнь этого блестящего и необыкновенного ученого и этого неистового гурийца (до мозга костей) приближалась к концу.

Как уже видно из предыдущего, о переводе на русский язык или без него здесь приняты и предлагаются вниманию читателя по преимуществу такие баскологические труды Н.Я.Марра, которые не носят или почти не носят элементарного характера и которые вместе с тем оказались поставлены вне хода науки и забыты по причинам не научного (или всего лишь

"околонаучного") порядка, что уже обязывает нас к их воскрешению. Как раз воскрешение из забвения (в особенности незаслуженного, когда речь идет об Udagaga, важной в целом), возвращение их в обиход сравнительной баскологии и является главной целью настоящего издания. И эта цель представляется тем более оправданной, что, как мы уверены, такое возвращение не может не быть полезным для самой современной баскологии, так как это баскологическое наследство Н.Я.Марра, во-первых, вполне доступно для использования (не затмешено погружением в элементность), а во-вторых, во многом не устарело.

Акад.Ш.В.Дзидзигури справедливо отмечает: "Даже в поздних трудах Марра есть этимологии, которые забыты, но были повторены и повторяются последующими учеными (без ссылок на Марра)". (Sh.Dzidziguri, 1983, p.393, ср. здесь русский перевод этой работы).

Такое положение не только, однако, заставляет сожалеть о судьбе баскологического наследства Н.Я.Марра (определенной его части) в прошлом, но, вселяя уверенность, что багаж его положительных идей далеко не исчерпан, означает и возможность освоения и делового использования его в будущем, ср.: "Многие этимологические идеи Н.Я.Марра просто ждут своей разработки" (Dzidziguri, 1983, p. 393).

Надо признать, что разработка этого багажа, возможна, разумеется, лишь при условии соответствующего отношения не только к гипотезе баскско-кавказского языкового родства, но и к научному наследию таких ученых прошлого, как Г.Шухардт или А.Тромбетти. К счастью, такое отношение в современной западноевропейской науке есть, и при всей должной осторожности на критическое растерзание "законодателям метода" все это уже не отдается.

Также и мы, понимая справедливость тех критических установок, из которых исходили в свое время К.К.Уленбек, Р.Лафон, Э.Цихлац и др., не можем, как полагаю, оставлять без внимания лучшие достижения плеяды Шухардта. Переоценивая под новым углом зрения тот поразительно ценный материал, который этой плеядой доставлен в работах, близких марровской Udagaga (а тем более - в ней самой), вряд ли мы будем и пвяться к немедленному решению таких проблем, как, скажем, происхождение басков.

Однако ценность наших собственных (гораздо более конкретных, частных и скромных) выводов, сделанных на том же материале, как и всей этой научной традиции, не станет от того меньше.

Гораздо сложнее обстоит дело с теми этимологическими идеями, или "зародышами", "огутками" идей Н.Я.Марра, которые связаны с элементарным анализом: часто они находятся в таком "спяе" со всем неприемлемым, ненаучным, что их вычленение либо невозможно, либо слишком сложно: бывает проще провести исследование вопроса заново, чем анали-

закрывать попытку его решения П.Я.Марром.

Даже при такой произвольности элементарностью дело не всегда обстоит, однако, столь безнадежно. И, во всяком случае, на материалах многих работ, а особенно переиздаваемой здесь уже *Origine* (также "Пиренейской Гургии" и "Бретонской речи") вычленение соответствующих рациональных зерен кажется в ряде случаев возможным и целесообразным (ор. здесь некоторые наши в этом смысле попытки).

Не говоря об этом, вполне здравые (или небезупречные, но вполне доступные и интересные) предположения Н.Я.Марра по баскскому языку содержатся не только в указанных выше, но и во многих десятках (возможно, сотнях) других, неспециальных; например, Н.Я. Марр. Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, Л., 1928; он же. О числительных. - "Языковедные проблемы по числительным", Л., 1927, с. I-96 (повторно: ПЭРЯТ); он же. Илтарь (от богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы) - ЯС, У, с.109-179; Готтентоты - среднеземноморцы. - ИАН, 1927, с.405-419; ср. также остальные работы ПЭРЯТ или такие материалы, как Н.Я. Марр. Отчет о поездке к восточно-европейским яфетцам. - Приложение к протоколу II заседания ОИФ Российской АН от 28.I-1925 г. (к § 41), с.15-29.

Подобные разбросанные повсюду предположения кажутся, во всяком случае, не менее важными, чем те, что содержатся в специальных работах по баскологии. Они-то, эти разбросанные предположения, видимо, и должны быть в каком-то количестве собраны в следующем издании на ту же тему (Марр и баскский язык), вокруг "Пиренейской Гургии" и "Бретонской речи". У нас для этого нет возможности, и поскольку дело касается баскских фрагментов в неспециальных работах, то мы должны были ограничиться лишь приложением в конце настоящей книги библиоиндексов, взятых из *Origine*, действительных только по 1926 г., т.е. по время подготовки этой работы, ор. еще указатели к Избранным трудам Н.Я.Марра, а также издание: Н.Я. Марр. Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии, Л., 1926.

Выше в нашем тексте получили то или иное отражение только заграничные путешествия Н.Я. Марра в Западную Европу, а между тем он ездил (и это, насколько знаем, было его последнее заграничное путешествие, в котором участвовал уже его сын Ю.Н. Марр) также в страны Востока: Грецию, Турцию, Палестину - ор. Марр, 1934, ор. также Марр, Мегрелидзе, Чайкин, 1980, где указанное последнее путешествие Н.Я. Марра овещается на страницах 14, 22-23, 28, 30, 32-34, 249-250, 254.

II, Л.Мичелена пишет, что относительно баск. *uagara* (<⁺*udagara* - Ю.З.) и т.п. был без сомнения прав Аокуэ, вопреки сомнениям Уленбека (RBEV, XXIII, 1932) ставя здесь в качестве преформы композит (*h*)*ur-abere*, букв. "водное животное"^ж (хотя и нет уверенности в приводимом при этом абсолютноком варианте *ugabere* "выдра"). Что же касается вариантов похожего баскского слова с начальным /i-/, то они в той же связи выводятся у Л.Мичелена из формы с начальным /u-/, хотя во втором слоге здесь не было уподобляющего переднего гласного (как в *igel* "лягушка", откуда *igel id.*) и этот слог не начинался с губного.

Рядом с баск. *uagara* (<⁺*udagara* - Ю.З.) Л.Мичелена ставит известный вариант из словаря Пувро: *udagara*, затем дает форму *uhadega*, лаб., баск. *ugadega*, оул. (словарь Жеза) *ūgadega*, а также *ūgañ*, аэск., сал. *uragre* (FNV, с.75; Арбелайо, с. 137, 136), в числе же вариантов с /i-/ дает следующие (в оледущей последовательности): гип. *igabera* (в.-нав. в Лейоа *iyabera*), в.-нав. *igaraba*, баск. *igarabi*, *igarabire*. В цит. при этом BAP, судя по указанию Арбелайо, с.136, к форме типа *uhadega* возводятся Л.Мичеленой и вариант *uhalde* "выдра", очевидно, через^ж *uharde* <⁺*uhadre* (ср. приведенную уже форму *uragre*) <⁺*uhadega*.

В пользу такого подхода говорит, в частности, возможность истолковать баск. оул. *ūgañ* (или *ūgain*, *uhaln* ^{жж}), оул. *uain* ^{жжж} введением их к форме **ugame*, **uhame* и далее **ugabe*, **uhabe*, где во второй части допустимо видеть бывшее *abere*, которое и приходится проглядывать как будто не только в формах типа гип. *igabera*, но также баск. *ugabera*, *ugabere* словаря П.Мухика^{жжж} (P. Múgica Bertrando. *Diccionario castellano-vasco*, Bilbao, 1956, *nutria*).

Наиболее распространенной является форма *ugadega*, идущая первой под особым знаком общности в том же словаре Мухика, однако, она может с таким же успехом восходить к *ugabera* (хотя чаще /-d-/ переходит, наоборот, в /-g-/), как и быть метатезой от ^ж*udagara* <*udagara*. Столь же двусмысленны варианты *ubadega* (сев.-нав. Мух.),

^ж Michelena L., 1961, p.75, 2 ed., San-Seb., 1976, p.75; cfr. Michelena L. en BRSVAP (Boletín de la Real Sociedad Vascongada de los Amigos del País), 6, p.45, cfr. J.-J. Arbelaiz, Las etimologías vascas en la obra de

Michelena, Tolosa, 1978, p.137.

^{жж} Приведено у Уленбека, цит. *Udagara*, с.3 (попытка интерпретации неприемлема).

^{жжж} Приведено у П.Мухика (см. ниже).

^{жжжж} Форма *ugabere* явно под влиянием той же этимоконцепции принята и в эускара батуа - Kintana I. et al. *Riztegi* 80, Bilbao, 1980, *nutria*, *ugabere*.

лаб. (Мух.) *uader, uadera*, восходящие либо к **ugadera* < **udagera*, либо к **udabera*.

Следует, правда, признать, что, судя по Мухика, существует очень большая и крепкая группа форм, восходящих к типу *udagera*: это, - кроме баск. *uagera* также биск. *ubagera* (< *udagera* с частым /-b-/ < /-d/), гип. *ubagare, ubare* (через **ubahare* < **udagare*), биск. *ubegara* (< **udegara*), в.-нав., гип. *uberega* (< **ubegara* < **udegara*), гип. *udara* < **udahara*, оул. *ugadara, udagara*, н.-нав. *urgara* < **udgara* < **udagera*, биск. *ugara* и др. И это уже ставит в центр нашего внимания именно форму *udagera*, однако не только ее этимологическая неопределенность, но и какой-либо ее примат (в том же смысле) отсюда вовсе еще не следует.

И тем не менее, именно форма *udagera* все же является, видимо, важнейшей по следующим причинам:

а. Как бы ни распространена была форма *ugadera* (и примыкающие к ней), вариант *udagera* все же не чужд баскским диалектам, и было бы неверно связывать его только со словарем С.Пувро, Салаберри, а через них с одним лишь нижне-навварским диалектом, как это вольно или невольно подokaзывается статьей *udagera* словаря Аскуэ (R.N.de Azkue, *Dictionnaire vasco-espagnol-français*, I-II, Bilbao, 1909). Мухика именно эту (полную и точную) форму *udagera* дает не только для современного нижне-навварского, но и бискайского, где в виде *uadera*, т.е. с незначительным изменением она известна не только ему же, но и Л.Мичелена, который начинает с *uagera* весь свой соответствующий перечень (см.выше)*. Что же до остальных (измененных) разновидностей *udagera*, то они, как мы только что видели, тоже весьма многочисленны, будучи характерны для разных других частей ареала. Но бискайский с одной, пулетиносский и нижне-навварский, с другой стороны, являются крайними оппозированными частями всего ареала, и сохранение в них форм, наиболее близких к *udagera* по известному закону ареальной лингвистики не может не говорить о древности, аххаичности этой формы (*udagera*) не только по сравнению с соответствующими формами других диалектов, окажем, *ubegara*, но и по сравнению с наиболее известной формой *ugadera, uadera* (a) и др.

Вообще, в принципе в виде *udagera* мы имеем, судя по всему, одно из наиболее аххаичных древних названий для видов в баскском языке - вот что из всего этого следует.

* Л. Мичелена же дает ее как *ugadera* (из *Uza*) и для пулетиносского, где Мухике она известна лишь с метатезой: *ugadara*.

б. Бросается в глаза, что почти все варианты со второй частью типа *abire* или *abi* (с исходом, содержащим /b/ или его носовой рефлекс), т.е. то, где действительно можно усматривать на втором месте этимологическое *abere* "животное", имеют в первой своей части не односложный типа *ig*, *ug*, а двусложный компонент типа *igar*, ср. (кроме приведенных уже вслед за Л. Мичелена: *igarata*, *igarabi*, *igar-abire*) из Мухика: *igaran* (<^{*}*igar-ame* <^{*}*igar-abe*), *igar-ibe* <^{*}*igar-iberi*, *igar-oba*, *iger-ibe* < *iger-iberi*, *igir-ibi*, *igiribigiri*, *igiribe*.

За пределами этого круга остаются, собственно, только *igabera*, которое является, по всей вероятности, контаминацией от ^{*}*igar+abera*, а также *ugabera*, *ugabera* <^{*}*ugar-abere*. Уже этого достаточно, на наш взгляд, чтобы бесспорно отделить всю данную группу форм от группы *udagara*, где, очевидно, не было второго компонента *abere*, и чтобы искать для первой из этих групп (с *abire*) особый этимон (первый компонент) типа *igar*, *ugar*. Кроме того, группа с частью типа *abire* четко ограничена от группы *udagara* почти постоянным начальным /i-/ на месте /u-/, которого нет только в форме *ugabera* <^{*}*ugar-abera* данной группы и который своими корнями, очевидно, тоже уходит в историю этимона *igar*, *ugar*. Последний, судя по всему, содержится в баск. *igeri* и т.п. "плавать", *igel* "лягушка" (также в близких по значению *uger*, *ugaraxe* и т.п.), и можно предположить, что наряду с данными значениями этимон *ugar*, *igar* (прямо уже в этой форме, без второго компонента) некогда имел также значение "выдра".

Тогда для отличия от *ugar*, *igar* "лягушка", наряду с (просто) *ugar*, *igar* "выдра", могло получить употребление образование типа *ugar(igar)-abere*, т.е. "*ugar(igar)* — животное" (крупное): "не-лягушка", откуда и происходит, как полагаем, вся группа форм типа *igarabire* "выдра", не имеющая, следовательно, никакого этимологического отношения к группе *udagara*.

Такая "разграничительная" (дифференциация омонимов) этимология для типа *igarabire* вполне согласуется с поздним, заимствованным характером самого слова *abere* "животное" и вполне допустима с ономастологической точки зрения. Между тем, принимая этимологию *ug-abere* "воды животное" для всех древнейших баскских обозначений выдры, мы не можем не впасть в противоречие с поздним, заимствованным характером баск. ^{*}*abere* "животное", не говоря уже о степени вероятности подобного образования с ономастологической точки зрения.

Действительно, термины "водное животное" или "полевое растение" еще можно представить себе в научной систематике (зоология, бо-

таника), но как факт ономазиологии они, полагаем, не очень часты, во всяком случае, применительно к таким животным, как рак или выдра (а не кит или бегемот). Даже такие слова, как дерево, рыба, не используются обычно для образования композитов типа "горное дерево", "речная рыба", так как содержащиеся здесь определения слишком общи (иное дело тип "камень-дерево, меч-рыба", или "ольха-дерево, оемга-рыба"): ближе к пределу абстрактности стояли бы в этом смысле лишь такие почти тавтологические образования, как "лесное дерево", "лесное животное" или "полевая трава".

Даже вне сочетания с обозначениями воды, само баск. *abere* (в отличие, допустим, от *atrain* "рыба") почти не употребляется поэтому в композиции, а когда оно в ней все же встречается, то (и это весьма характерно) оно выступает вместо каких-либо других обозначений: ср. *abereska* "пчела" вместо *egle*, или, возможно, *abere* "жертва" (в составе *abrildu* "жертвовать") вместо "баран, козел" (если только *abere* здесь не значило просто "баран, козел"), ср. подобным же образом баск. *arbola* "дерево" вместо "дуб" в составе хотя бы того же *bernikako arbola* "Герникский дуб" и т.п.

Если мы уверены, что в баск. *igar-abire* и т.п. действительно содержится баск. *abere* "животное", то нам поэтому трудно было бы мыслить появление здесь этого *abere* на иных путях, нежели дифференциация омонимов.

В том, что касается этимона *igar,ugar* (*igel* "лягушка" и т.д.), то его в данном контексте выдвигает собственно уже сам Л. Мичелена, прямо говоря, что баскские названия выдры можно сравнить с *uger/igeri* и *ugaxo/igel* (РНУ, с. 75). В числе этих сравнимых с *uger/igeri* названий выдры у него выступают, однако, и все единицы группы *udagara*, а в качестве общего элемента выделяется собственно не *ugar, igar* "выдра" /"лягушка, плавать", а *ur* "вода" ("воды животное", с одной стороны, *ur < ur* в составе *uger,ugaxo* и т.п. — с другой). В действительности, как мы видели, только группа названий выдры типа *igar-abire* сравнима с *uger/igeri*, и сравнима во всем объеме первого компонента.

При ином подходе не оказывается возможным выявить и реальную картину фоноперехода /u-/>/i-/ в названиях выдры, собственно поставить самый вопрос об условиях этого перехода в данном конкретном случае: имел ли он место в *ugar* еще до вхождения

данного слова в композиты типа *igarabiri* (в пользу этого говорит /i-/ в составе *igel* "лягушка" и т.п.) или же уже после такого вхождения, будучи стимулирован передними гласными второго компонента *abere*. Судя по широте отражений этого перехода в композитах типа *igarabiri* и т.п., он мог, впрочем, иметь место и до, и после такого вхождения.

Итак, древнейшими обозначениями воды в баскском являются, с одной стороны, *ugar* (по мысли Л.Мичелена, от *ug* "вода"), с другой — *udagara*, по отношению к которому попытка увязки с *abere* не представляется приемлемой.

На наш взгляд, не выдерживает критики и попытка К.К.Уленбека (цит. *udagara*) вывести этот последний термин из и-е. корня **udro* "выдра" > гот. *utra* > баск. **udra, *udara, *udaaga, *udahaga* > *udagara* и т.п. И причина тут не только и не столько во всех тех сомнениях, которые охватывали самого К.К.Уленбека.

Скажем более: последний мог бы весьма упростить свой подход, если бы ему была известна указанная у Мухика форма *ude* "выдра", которую проще всего рассматривать как результат падения /r/ в заимствованном из какого-то источника **udro*. Однако, каков все же (конкретно) этот источник?

В готском **utra* нет ни звонкого /d/, ни конечного /a/, самое же главное состоит в том, что любой термин для воды уже тематически бесконечно далек от всего того, что заимствовалось даже романским населением Испании от готов и других германцев, а уж что касается баскского, то достаточно вспомнить хотя бы тот известный факт, что баскские "олова, которые мы можем поставить на счет готского, составляют совершенно ничтожную группу, при этом почти все они относятся к довестготской эпохе и имеют соответствия в ряде романских языков, т.е. были в общелатинском обороте... В оушности, одно только баск. *eskatu* "требовать" представляет собой пиренейский готский термин **aiskon*. О германских заимствованиях в баскском см. Uhlenbeck Paul-Brauner Beiträge, XVIII, 397-400, Euskara, XVII " — (В.Ф.Шимма-рев, 1941, с.28-29*).

До воды ли тут? До заимствования ли готских названий, например, куницы или хорька?

Х В связи с баск. *odei* "облако, туча" (ср. герм. *ōdhi* и т.п.) процент германизмов в баскском, возможно, и возрастет, но в принципе это здесь ничего не меняет.

Даже для формы *udo*, не говоря об *udagara*, мы должны поэтому искать прежде всего исконный источник, обращаясь, как и в случае **ugar* "выдра", в первую очередь, конечно, к *ur* "вода". От последнего форма **ugar* образовалась, разумеется, на обычном в таких случаях пути: **uhar < *ugar (<ur)*, но столь же обычно и /-r/ > /-d/ в баскском языке, и поэтому вместо **ugar* мы могли вполне иметь **udar*; следовательно, и наше *udo* "выдра" рядом с **ugar* вовсе не является неожиданностью: оно восходит скорее всего к **ugar* или **urhor > *udor > udo* с утратой конечного /r/ на том или ином этапе в силу особенно наличия рядом родственного звука /-r/ или /-d/.

Таким образом, форма *udagara* остается необъясненной и К.К. Уленбеком: она оказывается, так сказать, вакантной для иных гипотез, но прежде, чем к ним обратиться, мы должны учесть, что среди баскских названий выдр имеются совершенно прозрачные по составу композиты типа "воды-животное", "воды-собака" и "воды-кот", ср. у Мухика: биск. *gip.ur-txakur* "воды собака", н.-нав., лаб. *ur-gatu* "воды кот", откуда и *urgaratu* как результат смещения *urgara*. И *urgatu*, ср. также биск. *itxas-txakur* при наличии баск. *itxas* "море", которое при образовании данного композита использовалось явно в значении "вода", так как выдра является, как известно, пресноводным животным^{*}. Несмотря на это последнее обстоятельство, т.е. на такое старое значение слова *itxaso*, эти названия, конечно, поздние, о чем говорит хотя бы уменьшительная форма *txakur* "собака" в этих композитах.

Однако в баскском одна и та же семантическая структура композита нередко воспроизводится многократно, иногда с разрывом в тысячи лет. Поэтому в виде данных композитов мы имеем указание не на отсутствие, а скорее на наличие структуры типа "воды собака" также и в других более древних баскских терминах для выдр.

Из последних первой кандидатурой на композит этой структуры является *udagara*, так как, судя уже по протяженности, это сложное слово, а кроме того в начале его мы имеем /u-/, которое может быть остатком от *ur* "вода", ср. еще у Мухика термин *ibalada* "выдра", в первой части которого содержится несомненное *ibai* "река" или нечто родственное этому слову. Так, еще

^{*} Баск. *ur-txakur* "боложка", букв. "воды собака", ср. исп. *perro de agua* (также *perro de lana* "собака шероти") является омонимом.

не выходя за пределы внутренней реконструкции, приходим к выводу, что баск. *udagara* этимологически значит окорее всего "воды собака", причем часть /u/ в нем <ur "вода", а часть *dagar* является бывшим обозначением "собаки".

Незачем объяснять, насколько такое типологическое подкрепление для этой этимологии получили бы мы за пределами самих баскских диалектов, если бы оказалось, что наиболее распространенным типом композита (или даже вообще типом наименований) для воды является в языках мира композит именно такой семантической структуры: "воды собака" или "воды кот" и т.п.: ведь тогда приведенные данные внутренней реконструкции относительно *udagara*, указывающие на этимологическое значение "воды собака", а с другой стороны, данные типологии языков совпали бы в таком узле, доказательную силу которого вряд ли можно было бы не видеть.

Но именно так в данном случае дело и обстоит: наиболее известной для "выдра" в языках мира является как раз семоструктура "воды собака", и демонстрацией этого факта мы обязаны более всего Н.Я.Марру; из этого мы видим, в частности, что материал его работы *Udagara*, действительно участвует до сего дня в актуальном современном решении проблемы, и участвует самым прямым и живейшим образом.

В самом деле, в этой статье Н.Я.Марра находим указание на греч. *kyon potamon* "выдра", букв. "собака речная", арм. *byb-ži* "выдра", букв. "собака воды", абх. *a-ra-lə* "выдра", букв. "воды собака", не говоря уже о картвельских языках, где ср., например, освр. груз. *colis jaŋli* "выдра", букв. "воды собака" или чан. *evinori* "выдра", которое сами лазы из Хопи разъяснили Марру как *yalis joŋori*, т.е. "воды собака" и т.д.

[Между прочим, первый компонент в чан. *evi-ori* Н.Я.Марр толкует как *ev* "вода" с формантом род.падежа *in*, ср. *in-ev* "вода" в составе *ev-jaŋli* "выдра", букв. "воды собака", но это *ev* < *ev* является, полагаем, окорее всего вокализованной формой от **yal* "вода", сопоставимой с груз. *egal* "вода". Другое дело — компонент *ori* этого же композита, который Н.Я.Марр сравнивает с баск. *hor* "собака". Что же касается названия реки *Zab*, которое, по Н.Я.Марру, значило ранее "вода", то фонетически мы здесь вряд ли можем пойти дальше формы **sal*, **jal* > **jam* > **zam* > **zav* > **zav*, хотя чисто гипотетически можно было бы ставить **dar* "вода", сопоставимое в другой огласовке с широко известным *dur id.*].

Та же этимология для баск. *udagara* за пределами самого баскского языка имеет, однако, не только типологические, но и надежные материальные подкрепления прежде всего у Г.Шухардта (1905, с.227) в таких

приводимых им терминах, как сард. *ghiaçaru* (транскр. *žagaru*) "собака", корс. (в Кальви) *iāçaru* (транскр. *žakaru* "собака"), среднеавест. греч. *žagários*, совр. греч. *žagari/žagários* "ищейка", где заднеязычный произносится и произносился, по Марру (с учетом отражения греческих слов в грузинских средневековых переводах), не как / *g* /, а как / *ɣ* /, подобный груз. / *ɣ* /, а / *z* / может переходить в / *z* /, ср. далее тур., болг., серб., алб. *žagar* "ищейка, охотничья собака", а также ряд топонимов, добавленных сюда Н.Я. Марром в работе *Udagara*.

Как мне подсказывает Ц.Г. Чахнашвили, В.Иллич-Свитыч в работе *Udagara* ("Этимологический", М., 1964), правда, определяет это балканское слово *žagar* (передавая турецкий вариант как *žagar*), а вместе с тем и новогреч. *to žagari* как заимствования из занского, прошедшие к сельджукам через какой-то язык — посредник. В занском на месте / *a* / мы, однако, имеем в данном термине только / *o* /, а кроме того, ясно, что турецко-балканское слово в данном случае входит в цепочку одной и той же лексической изоглоссы, идущей вдоль северного Средиземноморья от картвельского Кавказа до Пиренеев.

В этой предиземноморской основе *žagar, žagar, žagar* "собака" мы имеем, несомненно, нечто исторически идентичное баск. **dagar* "собака" в составе *u-dagar-a* "выдра", букв. "воды собака", и различие анлаутов / *a* / и / *ɣ* / - / *z* / - / *z* / между *dagar* и *žagar* это. в отличие от Марра мы объясняем не дезаффрикатизацией, а, наоборот, аффрикатизацией исконного / *a* / в абсолютном начале форм типа *žagar* при сохранении его в баскском благодаря предыдущему / *u* - *kur*, а до какого-то времени, возможно, и благодаря предыдущему *ur* "вода".

Мы исходим при этом из того, что в самом баскском известны факты падения зубного в абсолютном начале слова при сохранении его после гласного. Так, зубной отсутствует в *ur* "вода", но присутствует в *e-dur* "онег", *i-thurr-i* "источник", в названии реки *A-duri* жившего на ней племени *a-tur*-ов и т.д. Отсюда видно, что в начале слова после гласного зубной мог "опасаться" и от аффрикатизации, тогда как в абсолютном начале слова он мог быть для аффрикатизации открыт.

Кроме того, переход / *a* / > / *z* / является более обычным, чем обратный, ср. белорус. *дзялі* при рус. *дѣлы*, и, наконец, если, как мы видели, какое-то пусть очень слабое позиционное обоснование перехода / *a* - / > / *z* - / в баскском надувается, то для допущения противоположного / *z* / > / *a* / внутри слова, в "укрытом" анлауте после / *ɣ* / или гласного никаких оснований не видно.

В силу этого, в частности, в баск. *zakut* "собака", где первая орфограмма передает рус. / *o* /, груз. / *u* /, этот начальный свистящий может рассматриваться как в конечном счете рефлекс исходного / *a* - /,

а не древнейший вид фонемы, перешедший в /d-/: udagara.

Наличие приведенной цепочки форм типа сард. *ḡadaru* не только, впрочем, наталкивает на мысль об /z-/ < /d-/ в баск. *zakur*, но и ставит перед нами вопрос о древнейшей форме соответствующей картвельской группы: груз. *ḡaḡli* "собака", зан. *ḡoḡori id.*, ован *ḡeḡw* < **ḡaḡw* (ср. дат. *ḡaḡw*, род. *ḡaḡwesh*) < **ḡaḡal* или по другой теории < **ḡaḡl*, для первой теории ср. (Март, 1911, с. 1201); (Рогачев, 1962, с. 227).

Если, допуская связь той же цепочки с данной картвельской группой, мы будем выводить последнюю, а следовательно, и все, что с ней связано, из *ḡaḡl*, то тогда только грузинская и сванская формы окажутся хранителями древнего состояния, все же остальные предстанут как инновации, из которых занская окажется необыкновенно далеко зашедшей, оторвавшейся от остальных: при этом в роли инноваций будут выступать как раз формы (*ḡagaru* и т.д.), которые по своему положению в цепочке, по древности распространения и т.д. должны быть, наоборот, реликтивными и наиболее архаичными. Инновацией окажется и явно реликтивная баскская форма **dagar*.

Этих противоречий, однако, не будет, если мы примем, что в основе всех сравниваемых форм лежит, наоборот, тип **dagar*, **dagal* или **dagor*, **dagol*, сохраняющийся в наиболее архаичном виде в баскском, как и в реликтивной цепочечной зоне, — тип, утративший второй слог в грузинском и сванском, а в занском пришедший к своему нынешнему виду через **dagorḡ* *ḡaḡor*, где затем по ассимиляции со вторым слогом развился /o/ также и в первом слого, дав *ḡoḡor*. (Здесь пока оставляем в стороне вопрос о степени древности самой занской праформы **Jagor*, т.е. вопрос о том, была ли она унаследована от допракартвельского состояния или от пракартвельского, или же развилась в самом занском).

По изложенным причинам мы вынуждены отказаться и от той гипотезы, что в основе сравниваемых форм лежит "звукоподражательная основа некоторых, например, иранских языков *ḡaḡ* "собака" — см. (Климов, 1964, с. 236), где такая гипотеза, правда, не выдвигается, но сама указанная основа в связи с груз. *ḡaḡli* приведена.

Согласно такой гипотезе, указанная основа должна была получить суффикс /l/ и развиться в *ḡaḡl* уже на картвельской почве (с последующей иррадиацией на Запад по северному Средиземноморью в виде полногласных форм типа сард. *ḡadaru*).

Но на фоне изложенного, наоборот, скорее само эту основу следовало бы считать имитативным или каким-то иным отрожением картвельской группы. Во всяком случае, перс. *ḡaḡal* "шакал" и т.п., которое с рассматриваемой серией слов связал уже Г. Шуhardt (1906), является очевидным заимствованием из картвельского или какого-то родственного ему источника с оригиналом типа **ḡaḡal* со звонким, в анлауте (см. ниже)

В персидском *žəyal* (и др.), как подобном заимствовании, заключено, кстати сказать, и единственное, по-видимому, фактическое указание на наличие в прошлом в картвельских языках форм типа именно **Jaʒal* с /a/ во втором слоге, а не только *Jaʒor* с /o/ во втором слоге, причем, ср. нах. *žəal* "собака", то же сард. *Jağar* "собака" и т.п. Допускаемая для занского преформа **Jaʒor* напоминает более всего баск. *zakur* "собака", где первый знак - вновь орфограмма, отражающая глухой свистящий типа рус. /с/, груз. /ც/, и где этот начальный свистящий некогда был, возможно, звонким: **zakur* (эту форму даем в транскрипции). В связи с этим можно вспомнить и о существовании в прошлом у части испанских басков звонкого /ʒ/ из йот, который, как в испанском и в связи с испанским, был впоследствии тоже оглушен, дойдя до звучания /х/ (ср. баск. *jaŋti* "опадать", "вваливаться", в транскр. *xaŋti*, ср. исп. *julio* "июль", в транск. *xulio*), причем данный процесс заведшийся довольно поздно - после XVI века, а в испанском охватывал не только /ʒ/, но и /ʒ̃/, /z/, /z̃/.

В силу плохой документированности истории баскского языка сведений о подверженности такому процессу и о самом наличии в прошлом в этом языке последних звуков у нас, правда, нет, но вся данная ситуация в испанском и то, что известно по связи с ней баскского, говорит в пользу такой возможности: где-то в районе XVI в. на месте нынешних глухих свистящих /s/ и /с/, орфографически /z/ и /tz/, в части баскской лексики бытовой звонкий или звонкие: /ʒ/ и /z/.

Независимо от этого в баскском имеем суф. *hog* "собака" (Акуз и др.) и широко известное (см. Мухоморова) от-а "собака" из **hog*-а с окаменевшим артиклем -а, а в чанском композите *evin-ore* "выдра", букв. "воды собака". И.Я.Марр, как мы видели, выделил компонент *ore* "собака", где, возможно, утрачен в английском опираント или заднеязычный, а корнем является *or*, широко представленный в других кавказских языках, ср. кумык., будух., табаск. *hog* "собака" и т.п. (в табасаранском, кроме того, имеется *hnuj*, *hu*, в агульском *hnuj*, *guj*; в аварском *hoj* и т.п. - см. Хайдаков. 1973, с.27-28, также сб. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков, М., 1971).

Корень того же вида имеется, далее, и в семитических языках (египт. *whr*, копт. *h-hor*, *u-hor* "собака", сомал. *hóŋ-og* "гиеновая собака, гиена" - Schuchardt, (1905, 227), повторно у И.Я.Маррауда-гара) ср. здесь же *saxo kur-kur* "молодая собака", и в совершенно ином ареале дравид. *ku-kur*-а "собака", которые с учетом их /k/ уже A. Albrecht (Zur ältesten Geschichte des Hundes, München, 1903, s.17) сопоставлял с баск. *za-kur* "собака", выделяя здесь, таким образом, часть *za* - как, очевидно, префикс. С финского *koir* "собака".

начинается и соответствующий ряд форм северных языков, а в южных изолятах имеем вновь, по Н.Я.Марру, шумер. *og-gal, ur-gal* "большая собака", *og-tur, ur-tur* "маленькая собака", урарт. *hog, xog* "собака" и др.

Приведенные редупликационные формы *kur-kur, ku-kur*-а говорят о том, что перед нами скорее всего древняя имитативная основа типа гав-гав, ср., возможно, в данной связи и детское явно имитативное баск. *ka-kur* (Мухика) "собака". Евразийская же распространенность корня *kur, hog* свидетельствует не только о его древности, но и о возможной самостоятельности по отношению к типу **hag* "собака" (см. ниже). В частности, это значит, что и в баскском, например, или в кавказских языках корень **hog* "собака" вовсе не обязательно должен всегда восходить к **hag id.* (как и наоборот), т.е. что по крайней мере часть соответствующих форм с /o/ может иметь происхождение, независимое от форм с /a/.

Имитативная лексема, как известно, часто бывает сходна в самых различных языках, в семьях языков независимо от их связей друг с другом. В данном случае речь идет, кроме того, о таком термине, который принадлежит по своей семантике к числу "культурно-миграционных", т.е. широко распространяющийся вместе с соответствующими реалиями культуры (как говорят о них по-немецки: *die leicht wandern*), создававшихся к тому же еще охотниками палеолита во времена, когда миграции как этих охотников, так и самих подобных терминов носили особенно широкий размах. Все это, очевидно, и обусловило обнаруживаемый факт распространенности основы типа *kur* или **kur* в Африке и Евразии, равно как и по отношению к основе *hag*.

Последняя, как параллельная к *hog, kur*, представлена, например, в тех же дагестанских языках, ср. (все в значении "собака"): ботл., *годоб.*, ахвах. *hvaʃ*, карат. *hIvaʃ, gIvaʃ, jwe*, цез. *gvaʃ*, тинд. *hvaʃ*, удин., даггин. (кубач.) *hve*, хварш. *ʃʷve*, *jweʃ*, хинал. *ʃʷve*, гунзиб. *ve*, авар. (в авар. есть и *hʷoʃ*) *hʷve*, *hʷeʃ*, кумыз. *xvaʃ*, багул. *jwaʃ* (см. Хайдаков, 1973), из которых кумызская, хваршинская (*jweʃ*) формы наиболее близки к архетипу **xvaʃ*, выводимому для восточно-кавказских языков (Климов, 1971, с.22; Гигинейшвили, 1977, с.121).

Несомненное отношение имеют сюда, далее, кабард. *ha*, убух. *wə*, абаз. *la*, абх. *a-la*, возведенные Г.Деетером к **h^wa* (Г.А.Климов, 1971, принимает эту реконструкцию и эту связь), а также груз. *res-xver-i* "рысь", в котором, как композите, элемент **xver* "о неизвестным значением" (Fährlich, 1971, с.137-139) далее увязывается Бедером (W.Boeder в кн. *Gamkrelidze, Mchavariani* (1982; Nachwort, с.128) прямо с вост.-кавк. **xvaʃ*, зап.-кавк. **xva* (ср. вновь Кли-

мов, 1971, с.22 и Гигинейшвили, 1977, с.121).

Лично мне это груз. *ros-xveri* напоминает более всего абх. *a-pat-xur* "рысь", где на месте *har, xar* имеем вновь *xur*, для компонента *ros, pat* здесь ср. также баск. *rotze, photze* "большая собака", что (с учетом показываемой ниже семантической связи "волк" и "большая собака") дает для грузинского и абхазского композитов одно из двух возможных этимозначений: "волк-волк", т.е. как бы "хищник сильнее волка", или же "собака-волк", о котором см. ниже.

В Русско-абхазском словаре Х.С.Бгажба (Сухуми, 1954) под "рысь" нахожу, правда, только *abna-ogu*, слово *apatxur* неизвестно и такому специалисту абхазского языка, как Ш.Д. Инал-Ипа, но Г.Ф. Турчанинов, который и сообщил мне это слово, знает его и отдельно, и во фразеологии: "Что ты вцепился в меня, как *apatxur*!". Что касается баск. *rotze*, то оно неизвестно словарю Мухика используемого здесь издания, на Астура дает его для всего лабурдинского диалекта и одного из говоров Нижней Наварры, а в форме *photze* он находил его у Л. Урта, ср. ниже также другие варианты и производные от данной основы. Если обычно *рысь* воспринимают как большую кошку, то при правильности второго из предлагаемых для *rosxveri, apatxur* этимозначений, именно - "собака-волк", та же хищница, т.е. *рысь* могла восприниматься как гибрид собаки и волка, или как собака величиной с волка, большая собака. Однако в виде большой собаки мог восприниматься или, по крайней мере именоваться образно и сам волк, ср. у Марра, 1928 (с.38) абх. *abga daw* "волк", букв. "собака большая" (сейчас *abga* в абхазском значит "шакал") при *abga x^odz* "лиса", букв. "маленькая собака", ср. у Н.Я. Марра же (*Udagara*, 30) зап.-груз. (видимо, оказочное?) *sa-didi* "Волк" < *abga* (абх.) + *didi* (груз.) "собака большая", аналогично зап.-груз. *didi-geli* "Волк", букв. "большая собака" (там же). Последнее напрашивается, правда, на иное, более простое истолкование, именно: как (м)*geli* "волк" с постоянным фольклорным эпитетом *didi* "большой". Однако более простое не всегда является более верным, и если бы абх. *abga* оказалось восходящим к **abgla* "собака", то для груз. (м)*geli* можно было бы, действительно, допустить исходное значение "собака" и соответственно можно было бы рассматривать абх. *abna-ogu* "рысь". Привлечение Н.Я. Марром абх. "лиса" заставляет вспомнить и о баск. *ozar* "собака" при баск. *azeri* "лиса", исп. *zorro, zorra* id., но это исключительно сложный вопрос ввиду имеющейся этимологической традиции с романской стороны, ср. также баск. *to-to* "собака".

Образное наименование волка через собаку, приведенное выше, не является единственным: баскскому известно также и иное: *basa-txakur*, букв. "лесная, дикая собака", с другой стороны, знакомое нам

баск. *potzo* "большая собака" давно уже (Uhlenbeck, 1947; Зыцарь, 1955) сравнивается с баск. *otso* "волк", для которого Н.Я.Марр выявил коррелят в виде части *o*бо "волк" мегрельского наименования оборотня, вампира: *o*бо-*ko*bi, букв. "волк-человек", ср. по структуре баск. *giz-otso* "оборотень, вампир", букв. "человек-волк".

Связь баск. *potzo* и *otso*, правда, поставлена под сомнение из-за различия аффрикат (ФНУ р.143), однако, не говоря о нж.-нав. *potzo* "шенок" (уменьшительное от *potzo* или от *potso* "собака") сул. *outs* "собака" (у Мужика под *perro*) < **owots*=**pots*, **bots* охватывает, как полагаем, эти сомнения - ввиду своей близости по аффрикате и даже анлауту к *otso* "волк", а по значению - к *potzo* "большая собака". Самым же главным здесь нам кажется то, что на фоне приведенных марровских этимологий, показывающих связь значений "волк" и "большая собака", семантическое различие между баск. *otso* "волк" и *potzo* "большая собака" становится понятным, типологически мотивированным.

При этом, не говоря о расширении количества сравниваемых единиц (*potzo*, *otso*, *outs*, *potxo*, *roo* в составе *ros-xver*i, *o*бо в составе *o*бо-*ko*bi), кавказскую, именно - картвельскую аналогию в виде пары: груз. *roo* - мегр. *o*бо "волк" как будто получают теперь я формальные различия в их анлаутах и аффрикатах: если баск. *potzo* близко к груз. *roo*, то баск. *otso* - к мегр. *o*бо. По понятным причинам такого рода соотношения являются, правда, несколько неожиданными и даже обескураживающими (хотя и притягивают самое пристальное внимание), и их интерпретация здесь выходит за рамки наших целей, не говоря о возможностях; то же относится к кавк. типу *ba*го "волк" (по Хайдакову). В таких же формах, как хинал. *ra*гга "собака", компонент *pa* к *ros* * и т.п. отношения, по-видимому, не имеет, и корень здесь - *xr* из *xvar* или **xor* (лишенный и плавного в хинал. же *pxa* "собака", чеч. *pha*и, в русско-ой транскрипции *pi*ху *id*.).

Теснейший параллелизм основ типа *har* (точнее *xvar*) и типа *hor* или *xor* в восточно-кавказских языках, доходящий до наличия обоих основ в одном и том же (например, аварском) языке, ставит перед нами вопрос об их соотношении уже не (столько) как имитативных по происхождению, но и просто этимологически связанных: в данном случае (вост.-кавк.) это к тому же и совершенно очевидно благодаря наличию в составе *xvar* (и ряда вытекающих из него форм) лабиального / *v* /, соотносимого с /*o*/ парной основы. Относительно картвельского, судя по фактам, приведенным выше, мы этого сказать не можем, но не можем этого в данном случае и исключать - если только допустим связь с корнем **xvar* "собака" не только ован. *txar*-е "волк", но и ован. (с губным после /*x*/) *litxvar*-е "охота", ср. мегр. *txor*-ар-а/*txos*-ин-и "охота".

Что касается направления фонетического изменения, то им, как кажется на первый взгляд, должно было быть здесь **xvar > *xor* (лабиализация /a/ под влиянием /w/ и т.п.), что обычно и допускается. Исторической фонетике языков известен, однако, и прямо противоположный переход *o > we*, например, *~* в испанском (т.н. дифтонгизация), ср. исп. *almiérzo, almiérzas, almiérza* "завтракаю, завтракаешь, завтракает" при *almorzar* "завтракать", где дифтонгизация имеет место не просто под ударением, но еще и в слоге, замыкающемся вибрантом. И именно данному фонетическому явлению придавал особенное значение Н.Я.Марр, называя его "раздвоением" гласного /o/ сванского образца и допуская, что, в частности, в самом испанском это "раздвоение" имело в конечном счете баскские истоки.

Все изложенное с самых различных точек зрения говорит о том, что за баск. **da-gar* "собака" стоит корень вида *xvar, har* "собака", а за баск. *za-hur* вида *xur, hur, hur* . Независимо от того, как второй из этих корней связан с первым (вообще и в данном конкретном случае в частности): этимологически или только имитативно-типологически. Элементы *da-* в первом и *za-* во втором случае одновременно идентифицируются как варианты одного и того же окаменевшего префикса **da-*, исторически зависевшие от фонопозиции. Поскольку же речь идет об обозначении животных, то этот окаменевший префикс направляется на истолкование в качестве бывшего показателя класса животных, ср. именно классный префикс *da-*, бытующий до сих пор в ряде (особенно кавказских) языков.

Поскольку, далее, для картвельских коррелятов: груз. *ჭაღი* и т.д. "собака" в качестве архетипа выводится тоже **da-γar* (рядом с **da-γor* или без этого последнего) (ср. аналогичный архетип **dagar* для сард. *ḡagatu* "собака" и для других "цепочечных" реликтов северного Средиземноморья) и поскольку часть *γar* (*γor*) этого архетипа, как и в баскском, обнаруживается в самостоятельном виде, точнее — вне связи с **da-* (*xvərɪ, or-ə* и т.д.), то и для картвельских языков мы, очевидно, можем в данном случае предположить, что в их архетипе **da-γar* "собака" элемент *da-* представляет собой окаменевший показатель класса животных (то же — для *da-gar >* сард. *ḡagatu* и т.п.).

После одной из работ нашего покойного, безвременно ушедшего друга Т.Е.Гудава (Гудава, 1964, с.497), наличие окаменевшего префикса **da* в картвельских языках находится, правда, под сомнением. Однако, Т.Е.Гудава в данной работе показал, что этого префикса нет в таких названиях вещей, как "липа", "огонь", "кровь", а не в названиях животных, ср. груз. *da-tvɪ* "медведь" $\leq$ *da(a)tw* , где выделение префикса *da* не только традиционно, но, насколько знаем, и не-

изменно (Топурия, 1927, с. 247; ср. Климов, 1964, с. 70). Не говорим о том, что тот же префикс в варианте *di- ранее уже пытались (и вполне, на наш взгляд, успешно) выявить и в составе иных основ как баскского, так и картвельских языков, включая материально близкие баск. txindutzi "муравей" < di-ndutzi и чан. di-nɔ̃ki id.

Та палеолитическая культурно-миграционная основа, которую мы повсюду в Афревразии находим в виде теперешних xwaɣ, huɣ, kuɣ и т.п. со значением "собака", оказавшись в баскско-картвельском языковом мире еще в период, когда он был един и в нем жила категория классов, должна была, таким образом (благодаря этому последнему обстоятельству), приобрести за счет префикса специфический вид *da-gwaɣ (/da-guɣ ?) рядом с просто xwaɣ и т.п., затем еще до распространения той же общности от Кавказа до Пиренеев распространиться вместе с ней как в этом виде, так и в более простом типе xwaɣ, huɣ, kuɣ. Вот как-то, на наш взгляд, тот основной итог, к которому приводит нас рассматриваемый материал.

На фоне афревразийской общности соответствующих простых (непрефиксальных) названий (культурно-миграционного, имитативно-типологического и т.д. происхождения) мы, иначе говоря, имеем в данном случае избирательную баскско-картвельскую общность их префиксальных вариантов, явно генетическую по своему происхождению: только, действительно, в баскском и картвельском языках префиксальные варианты рассматриваемой основы (или основ) оказываются общими, и даже если в этих вариантах не допускать наличия окаменевшего префикса - бывшего классного показателя *da, то и тогда нельзя не признать всего значения избирательной общности данных терминов для выводов об исторических связях баскского и картвельского языков. Для того же, чтобы в каких-либо названиях двух разных языковых групп окаменел один и тот же префикс *da, он должен был некогда не только одинаково употребляться с этими названиями, но входить в одну и ту же систему классных показателей, а единство такой системы в прошлом равносильно материальному единству самих данных групп языков. Цепочка форм типа oard, žagaɣ не только подтверждает все это, но и с полной определенностью указывает также на географию распространения в прошлом баскско-картвельской общности вдоль северного Средиземноморья.

Все это не может быть поставлено под сомнение в связи с наличием к югу от коридора морей новоперо. šəɣal "шакал", санокр. oɾgāl-ās id., семит. šū'al "шакал, лиса", центрально-афр. saɣal "шакал" и т.п. (Шухардт, 1905, повторно у Марра Udaɣara, с. 3).

Дело в том, что данный ряд форм, хотя и близкий к баскско-картвельскому архетипу *daɣaɣ "собака", является особым как по значению (компонента "собака, волк" в первом вообще нет), так и в плане

выражения: в анлауте здесь обычен глухой шипящий, а не звонкая аффриката, в исходе латеральной и т.д.

Во-вторых, ряд форм типа *beɣal* принадлежит явно разным неродственным между собой группам языков (и и-е, и семитские, и центрально-африканские), следовательно, здесь в той или иной мере имело место заимствование, что для семитских форм допускал уже Г.Шухардт (там же).

В-третьих, обращает на себя внимание, что, например, перо *beɣal* по своему виду и значению, с одной стороны, приближается к баскско-картвельскому прототипу **daɣar*, но, с другой — гораздо более отдалено от него, чем, скажем, оард. *ḡaḡaḡi*, и так обстоит дело со всеми формами типа *шакал*: в частности, в анлауте здесь всегда будет, как только что говорилось, свистящий глухой, гораздо более далекий от */-d-/*, чем звонкие аффрикаты картвельских или "цепочечных" форм, а значением здесь является обычно именно "шакал", а не "собака". Но значение "шакал" (хотя, по-видимому, и более близкое к "собака", чем "лиса" или "волк"), как показывают приведенные уже примеры из абхазского языка, является скорее всего производным от "собака" (не наоборот), и аналогичным образом свистящие глухие анлауты, как более отдаленные, говорят о какой-то производности, точнее, вторичности соответствующих форм (по сравнению с аффрикатами) по отношению к исходному *daɣar*.

Наконец, если на баскско-картвельской почве формы, восходящие к **daɣar*, расчленяются, этимологизируются, поддаются, как мы пытались показать, интерпретации, тс на семитской, например, почве формы типа *beɣal* всему этому не поддаются.

Общий вывод: в виде типа *beɣal* перед нами скорее всего цепь заимствований, восходящих к **daɣar* через **jaɣal*, в котором при заимствовании была оглушена и упрощена начальная звонкая аффриката.

На наших заключениях вряд ли может, далее, отразиться факт наличия к пгу от коридора морей обозначений собаки типа *hog*, так похожих на баск. сул. *hog*, чан. *ote*, т.к. по изложенным причинам наличие данной основы (где бы то ни было) для заключений генетического порядка не показательны. Наоборот, отсутствие цепочки форм типа *ḡaḡaḡi* (*beɣal* и т.п. в счет не идет) на пг от коридора морей весьма показательно: оно говорит о том, что распространение баскско-картвельской общности было связано с пространством к северу от этого коридора., по крайней мере в какой-то (один и тот же) период (или *par excellence* и т.п.).

В том допущении Н.Я.Марра, что *hog* "собака" пришло к баскам одним путем (и с одной породой собак?), а **daɣar* другим путем (и с другой породой?), не оказывается при этом никакой необходимости,

т.н. речь идет об одной и той же основе в двух ее вариантах. Иначе говоря, как *hog*, так и **dagar* могли оказаться у баска на Пиренеях одновременно и благодаря одним и тем же кавказским (картвельским) этническим элементам, поскольку обе формы сосуществовали в одном и том же языковом массиве еще на Кавказе (как два варианта: без- и префиксальный).*

По ряду причин равным образом не представляется доказуемым то допущение Н.Я.Марра, что баск. *hog* "собака" < *ho-hog* с чисто занским префиксом **ho-*, соответствующим грузинскому *va-* (который, видимо, усматривается Н.Я.Марром в составе *za-kur*).

III. В этой же связи интересно обратиться к вопросу о названиях яблока и груши в баскском и картвельском языках, т.е. прежде всего сван. *visgw* "яблоко" < **visgɔ* (как сван. *žeyw* "собака" обычно < **žeyɔ*), далее - груз. *vašli* "яблоко" < **vañkli* или **vañgli*, зан. *uškuri id*.

Если к этим трем терминам имеют отношение еще баск. *vaagar* "яблоко" и груз. *exali* "груша", как это допускал Н.Я.Марр (см. Origine, § 34 вместе с нашим примечанием, пункт "в"), то ввиду четкого гласного /a/ (перед сонорным) этих двух форм мы должны принимать здесь, очевидно, в общем архетипе исход *-ar* или *ai* при предыдущем *šk:škar*, откуда баск. **šgar* - (ср. *sg* и в сван. *visgw*) > баск. *sagar* в порядке преодоления сочетания *sg* за счет внутренней эпинтезы при груз. *škar* как наиболее прямом (без эпинтезы) продолжении того же *škar* путем фрикатизации /k/.

Но если, далее, такие и *vašl, visgl, uškuri* развились из **škar*, то прежде всего спрашивается: что в них представляет собой часть *va-* и, *vi-*? Видеть за ней какой-либо компонент композита у нас нет оснований.

Вряд ли может это быть и бывший префикс, несмотря на некоторые весьма сомнительные аналогии.

Такую аналогию мы, на первый взгляд, можем иметь, например, в баск. *u-dar-e/ma-dar-i* "груша", где /m-/ второй формы заставляет постулировать /m-/ или /b/ и в первой форме, в которой этому звуку исчезнуть было тем легче, что он оказывался в положении перед губным же гласным /u/: *u-dar-e* < **mbu-dar-e*. В свою очередь, форма *ma-dar-i*, как надо полагать, не утратила начальный /m-/ именно потому, что в составе предшествующей ей **mi-dar-i* произошла ассимиляция первого гласного по образцу второго (> *ma-dar-i*) еще до падения начальнo-

* Впрочем, строго говоря, мы имеем в картвельском мире два простых (*xwag/or*) и два соответствующих префиксальных варианта (архетипы *da-yar/*da-yog*), в баскском же из простых в "несвязанном" виде засвидетельствовано только *hog*, а в "связанном" **dagar/zakur*.

го губного согласного.

В исходной форме ^m/bu-dar-ə, которую получаем в результате этого рассуждения, часть ^m/bu вряд ли может быть интерпретирована иначе, как окаменевший префикс, показатель класса вещей, что подтверждается наличием той же, вероятно, основы *dar "груша" в других языках, например, в албанском (алб. dar-de "груша"), где ее находил Н.Я.Марр: как видим, здесь эта основа не имеет части ^b/m/-, хотя в суффикс -de совпадает с баск. u-dar-ə почти полностью. Если бы не данное албанское слово, то даже относительно баск. udare/madari мы не могли бы, однако, быть достаточно уверены в том, что часть u-/ma- состоит здесь именно от бывшего префикса, а не от какой-либо части слова вида ^w/u/wa-. Но тем менее можем мы допустить бывший префикс в составе картв. vašl, uškur, višgl, где ничто не указывает на древнейший вид анлаута ^b/u/m/ или ba/ma, а все говорит о виде ^w/u-/ или ^w/a/u-.

Однако, если в составе тех же трех картвельских форм соответствующая их часть не была исторически ни компонентом композита, ни префиксом (а видеть в ней органическую часть исходной основы мы не можем, отправляясь от общего архетипа *škar), то нам остается только видеть в ней нечто вторичное, продиктованное фонетическими причинами: например, эпинтезу (в чистом или фонетически трансформированном виде), особенно как раз эпинтезу – потому что речь идет об архетипе *škar) о трудном начальном сочетании (šk) и поскольку именно эпинтезу (правда, внутреннюю) мы уже должны были допускать выше для баск. waqar, как вытекающего из *škar.

В качестве эпинтетического в анлауте перед šk всегда является достаточным, как известно, лишь один гласный, каковой мы и имеем в виде /u-/ в зан. u-škur, в котором и корневой /u/ после šk перед /r/, очевидно, развился из /a/ архетипа *škar под ассимилятивным влиянием эпинтетического /u-/ перед šk после появления (уже) этого последнего: *škar > u-škar > u-škur, которое по своим šk, r и полногласию исторической основы оказывается, таким образом, наиболее близким к исходному состоянию.

Наиболее близко к нему оно, впрочем, еще по форме овоей эпинтазы, поскольку в грузинском и сванском последняя приняла сложный вид (на месте одного гласного в занской форме).

Вся проблема теперь сводится, следовательно, именно к тому, чтобы объяснить, как и почему на месте эпинтетического гласного (u-) занской формы мы в начале грузинской и сванской имеем va-, vi-, и как это сочетается с неполногласием их исторических основ šl < škl, sgw < *sgl. Предложим же такое объяснение.

По причинам, которые будут видны ниже, мы должны с самого начала

принять, что в зан. *uḡkar* эпитетический гласный первоначально имел собственно вид /o/, а не /u/ — так что весь соответствующий ряд по занской линии следует представлять, собственно, как: **ḡkar > *ḡkar > *u-ḡkar > u-ḡkar*. Форма с этим же /o-/: **o-ḡkar, *o-ḡgar* должна была сыграть решающую роль и в дальнейшей истории грузинского и ованского слов: в отличие от занской груз. **ḡkar*, ован. **oḡgar* в какое-то время получают ударение на первом гласном (бывшем эпитетическом): **ḡkar, *ḡgar*, и это приводит сразу к трем следствиям: 1) давокализация бывшей основы **ḡkar, ḡgar*; 2) латерализация выбранных (**ḡkar, *ḡgar, *ḡkl > *ḡgl*); 3) дифтонгизация ударного /o/ **wa, *we-: *ḡkl, *ḡgl > *wakl, *wegl* о последующим падением и вокализацией /l/ > /w/ в ованском: **waḡl, *wegw (> wigw)*.

Последний из этих процессов, т.е. именно дифтонгизация /o/ под ударением, да к тому же в таких более отдаленных друг от друга картвельских языках, как грузинский и сванский, в основном и разъединила рассмотренные три термина, сделав неузнаваемым их исходное состояние и став основным препятствием в проблеме их идентификации.

Не обсуждая вопрос о том, насколько вообще в картвельстике и баскологии известен этот исторический фактор (подударная дифтонгизация /o/), здесь можно указать, что по крайней мере в данном случае без этого фактора вряд ли можно было бы обойтись; и, кстати, уже этого достаточно, чтобы понять, почему Марр заострял такое взволнованное внимание именно на "раздвоении /o/ сванского типа" в испанском и др. языках (см. выше). Все это, правда, не значит, конечно, что только дифтонгизация могла иметься во всех этих случаях, когда мы встречаемся с соотношением /o/ и *wa, we*: поэтому же и в рассмотренных выше основах типа *xwar/xor* соотношения /o/ и *wa, we* с точки зрения возможной стоящей за ними дифтонгизации еще требуют специальной проверки или особого изучения и т.п.

Именно дифтонгизация, как полагаем, могла бы пролить и совершенно неожиданный свет на происхождение этнического термина "баск" (во всех его несомненных и предполагаемых вариантах), поскольку термин этот, по мнению Л.Мичелена (*La langue basque* в коллективном изд. *Être basque, Toulouse, 1983, p. 231*), все еще не имеет удовлетворительного разъяснения.

В самом деле, в терминах *vasc* мы имеем *va-* или *wa-*, т.е. такой же дифтонг, что и, например, в груз. *vaḡli*, и если допустить, что этот дифтонг восходит к /o/, то более древним видом рассматриваемого термина надо будет считать **ḡk*, но как раз основа этно- и топонимов *osk* известна не только в Аквитании (плем. *oskidates*), но и широчайшим образом представлена в древней Испании,

при этом особенно на севере, поблизости от нынешних территорий баскского языка.

Насколько это так, видно из того факта, что в свое время Р. Менендес-Пидаль ввиду именно распространности в древней Испании основы *osk* предлагал даже теорию колонизации или преимущественного заселения части североиспанских территорий в древности осками-италийцами (как уже гражданами Римской Империи). Принята эта теория не была, т.к. в ходе обсуждения выяснилось, что допустить подобное заселение каких-либо древнеиспанских территорий специально осками или умбрами или какими-либо другими италийцами у нас нет оснований, а в итоге за этнотопонимической основой *osk* на Пиренейском п-ове остался презумпция исконности, факт же овладения ее с италийским этнонимом *осков* остался необъясненным (см. обо всем этом у В.Ф. Шитмарова, Очерки по истории языков Испании, М.-Л., 1941).

В число этнотопонимов с той же основой входит, в частности, и *Нисеа* (Арагон), где дифтонг на месте бывшего /o/ является, однако, результатом уже чисто испанской, исторической дифтонгизации (а не какой-либо более древней, которая могла бы породить термин *vask*), так как в антиквизу порту этот город носил название *Osea*.

Некоторые (правда, не северные) древнеиспанские топонимы (если, конечно, они имеют отношение к *osk*), однако, показывают, что дифтонгизация внутри данной основы у части древних испанцев могла иметь место в доисторическую эпоху, ср. *Viroveska*, где *viro* от кельт. *briga* "крепость", т.е. в целом "узкокая крепость" (срв. *Brivesca, Briviesca*), кино-др.-исп. *Vasoi, Vascitani* у Плиния (т.е. народ или племя "уэски, уэскитаны"), *Vascula* у Ливия и т.д. (см. Эппарь, 1965, с.56).

Уже эти последние формы наводят на ту мысль, что дифтонгизидный вариант *vask < osk*, как название тех или иных древнеиспанских предков современных басков, возник в доисторические времена не в среде самих этих предков, а вне этой среды — у соседей (обычно этноним и возникает не как самоназвание, а как название со стороны соседей). Это подтверждается и тем, что в самом баскском языке нет входящих дифтонгов, к числу которых относятся *wa-, we-*, но имеются лишь исходящие типы *ai, ei* и т.д. (особенно ср. *Michelena*, 1983, с.246), следствием чего является, по-видимому, и тот факт, что исходы типа *-ia, -la* трактуются в баскском (особенно в бискайском) как *-iwa, -iba, -iya*, ср. также чередование *ia/a* в исходе ряда древнеиспанских топонимов, как *Alaiza/Alaiza, Otanza/Otaza, Oseua Osea* (последняя пара показывает, между прочим, что и сама интересую-

шая нас основа *osca* может восходить к более древней форме **oska*).

Наконец, стоит в данной связи учесть и то обстоятельство, что историческая дифтонгизация в речи романизованных древних испанцев (т.е. повторение того же процесса в иное время и на ином материале: ср. повторение таких явлений, как ассимиляция переднеязычных перед *e/i*) была характерна прежде всего как раз для ближайших соседей басков: кастильцев и арагонцев с их Уэской.

Поскольку Л.Митчелена (1983) показывает, что со стороны Испании древнейшим вариантом термина "баск" было, собственно, всегда *wascon*, а не просто *wasq*, то за исходную форму для этого термина на Пиренейском п-ве, мы, строго говоря, должны принимать не **osk* > *wasq*, а **osk-on* > *wascon-on*, ср. обычную в древности греческую передачу варианта *wascon* во мн.числе (басконы): *ouascones*, латинскую *vascones* с ударением на первом слоге, откуда, правда, в испанском уже обычно *vascones*, хотя в отдельных топонимах также и *vascones* (например: *Villavascosnes*). Эти последние колебания в ударении, чем бы они ни были вызваны, могут иметь и какие-то свои корни в речи тех испанских аборигенов, у которых и возник этноним *wascon-on*: иначе говоря, у нас нет оснований исключать, что именно к речи этих аборигенов восходит форма с ударением на первом слоге, обусловившем дифтонгизацию: **osk-on* > *wascon-on*. Последняя, впрочем, могла иметь место еще в составе части *osk* формы **osk-on* до присоединения суффикса *-on*.

Вариант *vasco*, по Л.Митчелена, возникает не в Испании, а во Франции и первоначально обозначает только французских басков, причем первое письменное отражение его относится лишь к XII в., имея вид *basoli* "баски" (а не *b/vasoi* и т.п., как следовало бы ожидать). Если не считать этих данных (самого общего характера), возникновение данного варианта, следовательно, представляет собой полнейшую загадку, причем не ясно даже, восходит ли он к периоду до средних веков, как неясен и характер его отношения к термину *vascon*. И все-таки следует, очевидно, принять, что *vasco* является именно лишь вариантом термина *vascon*, т.к., во-первых, их сходство при одинаковой почти этнической "приквашке" вполне очевидно, а, во-вторых, различие в суффиксе *-on* типично для древнейшей этнонимии Пиренейского п-ва, ср.: *aus-on-es* и *auso-ceret* (*ceret* повторяется в *ceretan-i*), *belend-es* и *pelen-on-es*, *bigettri-on-es*, *ilur-on-es*, *ilerka-on-es* и т.д. и т.п.; ср. также замечание В.Ф.Шмидарава (цит. раб.), что *vascon* от *vaso* напоминает собой баск. *giz-on*, "человек, мужчина" от *giz(a)* "человек". Против возможной связи *vasco* и *vascon*

не находим возражений и у Л.Мичелена⁷.

Если, так сказать, "извне" за басками закрепился, (придя в конечном счете и к ним самим) этнический термин *vase(-on)*, то "изнутри" корделатом этого термина (оимоназванием басков) является *vasc*. Последнее, как правило, идентифицируется с этническим термином в Аквитании *ausci* "ауски" — освр. франц. *Auch*, лат. *Augusta Auscorum* и может восходить именно к виду *ausc* (ср. *R.Lafon, Passage de au à eu, e en basque* — RIEV, t.25, 1934).

Форме *vase-* ("внешнего" происхождения) как в Испании, так и во Франции противопоставит, иначе говоря, форма *ausc-* ("внутренняя" *rac excellence*). Сходство этих форм, при некотором различии настолько очевидно, что В.Ф.Шиммарев, например, не сомневался в их связи (хотя теперь Л.Мичелена в ней сомневается). Но если эта связь существует, то как все же объяснить различие, за счет какой закономерности, которая сняла бы всякие сомнения?

Как нам кажется, такая закономерность не только существует, но уже и привлечена нами к исследованию выше: это отсутствие в самом басковом восходящих дифтонгов при их наличии у его древних языковых соседей; еще точнее: восходящим дифтонгам последних отвечают нисходящие и только нисходящие самого басковского; но в форме *vasc-* дифтонг является как раз восходящим, в форме *ausc* нисходящим, ср. аналогичные соотношения некоторых других пришедших к нам из античной древности испанских этнопонимов, как *aus(on)-es/var-at-es, luka/vao-se-i*, также возможно *avar*⁸/**var-d-ul-i, var-di-et-es* и т.д.

К сожалению, мы не очень ясно видим пока конкретный путь, на котором из /o/ могли возникать не только дифтонги *wa-, we-* (восходящие), но и (отделяясь от них или преобразуя их) также *au, eu* (нисходящие). В.Покорный (*Reallexikon der Vorgeschichte*, VI, Berlin, 1926, s.7) с. 7), явно пытаясь связать (правда, на путях морфологии) термины *vasc* и *ausci*, возводил последний к форме **ausci*, что в терминах нашей гипотезы подразумевает ряд: *osk > wask > *awask > ausc*, и это означало бы наличие в прошлом басковского языка восходящих дифтонгов с последующей полной перестройкой их на систему нисходящих. Пора же Полуостровной термин *vaseongado* "баск, басковский", лат. *vaseonice* от *vaseonice* "по-баски, басковский язык" представляет собой, по Л.Мичелена (ранее В.В.Эшарь, 1955, с.56), кальку с баск. *auskal-dun* "баск", букв. "имеющий басковский язык", а не причастие "басконизованный". С чисто формальной точки зрения последнее, думаем, все же не исключено (ср. в испанской Наварре область *Romanzado* от *romance*), но в целом аргументация Л.Мичелена по данной части кажется нам вполне убедительной.

⁸ Речь идет о древнепиренейском (именно), а не о кавказском этнониме.

зительным образом такая форма *auasci* напоминает название абхазов (в греческой передаче) *abaskoi*, и независимо от этого именно восходящие дифтонги реконструируются нами выше для баскско-картвельского в обозначениях яблока.

Если бы, наконец, в самом исходном термине *osk* или в его вокализованной (финально) форме *oska, oskua* начальный /о-/ оказался по происхождению эпинтезой (каковую мы выше устанавливали перед *ġk* в названиях яблока типа *uġkur*), то это открыло бы возможность сопоставления данного термина со словами, а еще более с компонентами типа *ġka* в значении "род, племя" (откуда также "дети, сын/дочь", "улей, рой" и т.п.). Как этнический термин слово с таким значением вполне допустимо, ибо называть какое-то племя или народ словом "племя, народ" (его же собственного или иного языка) так же естественно, как обозначать тот или иной народ, племя словом "человек" данного языка или, например, называть ту или иную реку словом "вода, река".

Здесь мы не можем, разумеется, рассматривать ни чисто фонетический вопрос о возникновении сочетаний типа *ġk* в баскско-картвельских архетипах вида **ġkar*, приведших к возникновению эпинтез перед **ġk* и т.п. (эпинтез, особенно последовательных в баскском и испанском), ни тем более вопрос о качестве исходных сибиллянтов в сочетаниях типа *ġk*. С другой стороны, стоит отметить, что в кавказских языках, так и далеко за их пределами наша основа **ġkar* "яблоко" известна в форме вида *ġag, gal* и т.п., обозначающей все шарообразное, круглое (рус. "шар", перс. *gal* "голова" и т.д.). И самый этот факт, хотя мы вряд ли смогли бы его ныне достаточно однозначно истолковать (как и все вообще этого рода факты), является, тем не менее, явным подтверждением предложенной выше реконструкции.

Уже говорилось, что по своему полногласию (хотя и не по качеству образующего гласного) занская форма *uġkur*, огласно нашей реконструкции, стоит ближе к исходному состоянию, чем неполногласные грузинская и сванская соответствующие формы. Так же согласно изложенному обстоит дело и о полногласной формой *Joŋer* при более отдаленных от архетипа в грузинском *Jaŋli*, сванском *ieŋw*.

[Соответственно должен, по-видимому, решаться вопрос о груз. *tarl-i*, зан. *toruŋ-i*, ован. *tu, tw-i* "мед", если принимать сравнение этих терминов с баск. *sarag, larag* "остатки меда в остах" (Я.Браун, 1981, с.212): ведь исходная баскско-картвельская форма должна быть и здесь полногласной, т.е. иметь в качестве второй части элемент *rag*, что до ее первой части, то баск. *larag* содержит *la-*, тогда как в баск. *sa-rag* содержится, возможно, иной префикс или вариант префикса.

Огласовка сванского варианта, правда, аналогична занской, и это неожиданно и на первый взгляд препятствует здесь построению исходной баскской модели, однако, например, Г.А.Климов (Словарь, с.91) возводит сванские формы к **tuɾ* < **taɾ* "с изменением а > и в соседстве с лабиальным согласным", а само **taɾ* к **taɾl*, что совершенно справедливо (для сванского) и по нашему мнению. Далее, сван. **taɾl* (> *taɾw* > **taw* > **tav* > *tu*) мы, впрочем, уже не отождествляем с пракартв. *taɾl*, а возводим к картвело-баскскому **taɾaɾ* или **daɾaɾ*].

Таким образом, относительно всех трех наиболее известных случаев (*ɟaɽlɪ*, *vaɽlɪ*, *taɾlɪ*) баскский дает показания в пользу первичности полногласных форм (с корневым /a/), а не их вторичности в занском.

Значит ли это, что теории вторичного занского полногласия не подчиняются и все остальные факты, на которых она основана? Мы не спешили бы делать такой вывод: для каждого отдельного случая мы должны располагать конкретным материалом достаточно широкого оравнения (ведь, как мы видели, при значительном сходстве и все три ряда самих рассмотренных форм: *ɟaɽlɪ*, *vaɽlɪ* и *taɾlɪ* имеют существенно различную историю). Пока такого материала не существует, мы не считаем здесь возможными и какие-либо обобщения.

Для тех же трех случаев возможно констатировать трехзвучие корневой в архетипах, которое восходит, по-видимому, не только к баскско-картвельскому уровню, но (в двух случаях, судя по аналогиям вне самого баскско-картвельского мира) и к гораздо большим глубинам. Впрочем, оставаясь в пределах того же мира, трехзвучие корня оказывается достаточно древней "надкартвельской" реальностью, а это, несмотря на стандартность исхода данного корня (судь то вибрانت или плавный или вообще сонант), говорит против возможности выделения его в качестве детерминативного или любого другого суффикса в указанных трех именных основах.

Известно, что вибрانت или плавный обычно завершает исход трехзвучного именного корня и в и-е. языке (Э.Бенвенист и др.), для которого такой исход, однако, не принято выделять в качестве детерминатива, да и для некоторых других языков констатируют достаточно частый корень с сонантным исходом. Из всего этого, по нашему мнению, следует, что в данном случае мы имеем дело с какой-то типологической закономерностью — возможно, с сонантной стандартизацией корневого исхода, обусловленной адаптацией фонетически необычных корневых финалей, накапливавшихся по морфологическим причинам, адаптацией под какие-то более старые произносительные навыки или закономерности, например — под бывший закон равномерного чередования в слове согласных и гласных: *CVCVCV...*

Впрочем, и в этом случае не следует спешить с какими-либо обобщениями на основании всего лишь трех реконструкций. Но подчеркнем, что если бы по части перипичности полногласия соответствующих баскско-картвальяских фактов обнаружилось и гораздо больше – достаточно, чтобы вообще признать такое полногласие для пракартвальского языка-основы, то, как мы уверены, по крайней мере один из авторов противоположной теории Г.И.Мачавариани не остановился бы перед необходимостью пересмотра своих позиций, т.е. эта необходимость его бы не смутила*.

* Так как начало многих высказанных здесь мною мыслей заложено в моей статье "К оравнению баскского языка с кавказскими (zakut-jau11)", предназначенной для сборника памяти Гиви Мачавариани (см. Лингвистический сборник, Тбилиси, 1979) и не вышедшей в нем по чисто случайным обстоятельствам, то я позволю себе привести здесь, пусть и в совершенно ином юбилейном издании, следующий фрагмент (род посвящения) из этой не вышедшей статьи: "Безвременно ушедший от нас Гиви Ираклиевич Мачавариани помимо других лингвистических задач, с которыми он так блестяще справлялся, мог бы, по моему глубокому убеждению, принять на себя и плодотворную, на нынешнем научном уровне разработку давно ожидавшей этого баскско-кавказской гипотезы. Я бережно храню в памяти нашу встречу с ним на конгрессе этнографов в Москве в 1964 году, когда он поразил меня своими знаниями в области истории языков Пиренейского полуострова. Со следующей встречи в Тбилиси (1966 г.) я уезжал уже обогащенный его конкретными рекомендациями в баскско-кавказской области, окрыленный надеждой, что благодаря этому скромному человеку и вместе с тем поразительному лингвисту баскско-кавказские сравнения в недалеком будущем, возможно, действительно останутся более плодотворными, как я допускал это в одной статье 1955 года (цит. Ю.В.Зыгарь. "О родстве баскского языка с кавказскими", с.64).

Тогда, в 1966 году, эти надежды разделял, думаю и Того Евстафьевич Гудава: нас было трое, и мы как-то очень хорошо понимали друг друга, особенно благодаря Гиви Ираклиевичу Мачавариани. Им обоим я могу теперь лишь посвящать статьи на обсуждавшиеся тогда темы (см. кстати, посвященную уже Г.И.Мачавариани мою работу "Пиренейские этимологии". – Сб.: Структурно-семантические исследования на материале западных языков, Куйбышев, 1974, с.305–323)".

О яфетическом происхождении баскского языка
(переиздание)¹

Еще студентом пробовал я ознакомиться с баскским языком. Руководимый грузиноведными знаниями и исходя из материалов лишь грузинской речи, причем исторически плохо освещенных, я тогда отошел от него без сколько-нибудь яркого впечатления в пользу яфетидизма. В то время, впрочем, яфетидизм сводился у меня, собственно, к грузинизмам в зависимости от указанной материальной моей подготовки. Естественно, что знакомый с некоторыми углублением лишь с грузинским языком, но мало посвященный вообще в основы яфетического языкознания, Гуго Шухардт еще менее мог почувствовать, как кавказовед, психологическую близость коренных кавказских языков к баскской речи. Потому-то он и предпочел уйти в разъяснения баскского аналогиями и созвучиями с нубийским, стараясь спастись от безбрежных исканий А.Тромбетти методологической постановкой определенных границ лингвистическим сближениям.

А.Тромбетти уже изображал генеалогические соотношения между языками северной Африки, Пиренейского полуострова и Кавказа геометрической фигурой, легко находя при своем свободном подходе к проблеме о родстве языков достаточно тесное родство между египетско-берберской или северно-хамитической группой и баскским и кавказскими языками; у него получался таким образом своего рода треугольник, вершина которого, наиболее близкая к месту (*point*) происхождения трех этнических единиц, может быть разыскана в северной Африке.³

Из остальных исследователей одни отказывались в принципе от всякой работы по выяснению генетического родства, заявляя себя сторонниками трезвого направления, другие подходили к вопросу о происхождении баскского языка с каким-то безудержным натиском в применении сравнительного метода, доводившим смелость в сопоставлениях до крайних пределов, но в обоих случаях литература предмета одинаково давала искаженное понимание природы и облика баскской речи. Принципиально отказывавшиеся от обращения баскского языка, "этого типического представителя совершенно особой расы", в предмет сравнительного изучения, фактически допускали в разъяснении отдельных особенностей тот же сравнительный прием, сличая их с казавшимися им сродными явлениями в различных языках даже и-е семьи, что часто лишь затемняло истинную природу действительно своеобразной речи. Было неосторожно, когда, напр., противник сравнительных работ генетического значения над баскским языком Ван-Эйс давал место (*Dictionnaire basque-*

français, s.v.begi) сопоставлению ruri в составе баск. be-ruri "брови" с и-е braue(all.), brow(angl.), bhrū(sansk.), по Ману (Bask. Spracdenk.), и в таком освещении торопился усмотреть звук "благозвучия" (le t euphonique) в морфологическом элементе, т.н. функциональном t (/k>g) взращенной основы be-t (/be-g) баск. слова bet-il-le//bet-ul-e "ресницы"⁵.

Нет в мире языкового типа, с которым не сближали бы баскского; роднили его и с китайским, и с американскими языками⁶. С грузинским сопоставление было произведено, как мне стало известно уже из литературы предмета⁷, еще в начале XIX века⁸. "Выдающийся испанский филолог и историк", также обративший внимание на близость этого кавказского (яфетического) языка к баскскому, в поддержку своей тезы о тесном родстве баскского с ним, т.е. с грузинским, ссылался на тождественность приемов в образовании глагольных форм, а также на систему исчисления и т.д.⁹ Однако эти сближения, своего рода сравнительные этюды касательно родства баскского вообще с кавказскими языками, или тем более с одним грузинским, не могли дать ничего прочного, так как авторы мало знали и кавказские языки, и то малое вне освещения сравнительной грамматики яфетических языков, вне яфетической теории. В лучших случаях выявление даже совершенно верно отмеченного сродства общих типологических норм ни к чему не вело, т.к., по справедливому замечанию одного баска, из общих начал не получалось разъяснения своеобразного фактического положения дела,¹⁰ хотя и баскский оставался таким же исключительным явлением, каким он был до тех пор. По существу не подвинул дела вперед и Г.Винклер, подходивший к вопросу с более широкой осведомленностью, но преимущественно культурно-исторической¹¹.

Готовясь к этнолого-лингвистической поездке в Этрурию, в связи с постановкой вопроса об этрусках, к которой вынуждаюсь яфетицистическими данными, я не мог не коснуться языка загадочного по происхождению живого по наши дни народа, что на склонах гор, отделяющих Испанию от Франции, и на примыкающих плоскостях. И от нынешних занятий моих баскским впечатление получалось совершенно иное.

Утверждаю, что баскский язык есть яфетический. Яфетически разъясняется не только по типологическим категориям грамматики, но и по воплощающим эти категории материалам – его фонетика, его морфология, в частности сложная система глагольных образований, в которой лингвисты до сих пор с особенным увлечением находили опору для сближения, и то в пределах одних аналогий, с некоторыми американскими языками. Яфетического же происхождения, притом определенной группы, и коренной состав лексического богатства живой речи басков.

По звуковым изменениям подъем m: b, составляющий часть формулы закона яфетической сравнительной и исторической фонетики v (w)

м>р-б-р , наблюдается и у басков, напр., *Miatrica* (диал.) > *Biaticra* Виарриц, *mia* (диал.) > *bia* "два" и т.п. Сюда же относится *ind-a* из *mid-a* "стезя" при *bid-a* "дорога, путь" (к продвижению гласного к началу слова, общему с армянским, см. и разъясняемое ниже баск. *indaurra* "ореховое дерево")¹². К м> интересную иллюстрацию представляет основа *zab-^{*}ear* из **zam-* "небо" (груз. *sa^{*}oav* "небо" // арм. *ṣaw* "голубой" и т.п.) в составе *aḥo-zab-a1//ao-ear-a1* "небо", букв. "небо рта"¹³. Спирант на 2-м месте, при стечении с зубным, в баскском исчезает так же, как в яфетическом слое армянского языка, да и в халдском, равно в чанском языке, баск. *i-tut-1* (< **hi-tut-1*) "источник, родник" представляет с префиксом *i-* (< **hi*) основу, эквивалент основы груз. *ṣqar-o* "источник, родник", мегр. *ṣqur-g+il* (см. **ṣqur-g+il* *Id.*)¹⁴. Заднеязычный / *k* / в баскском имеет соответствие в виде исчезающего спиранта, как то порой наблюдаем в грузинском (из месхского), в чанском и др.¹⁵ баск. *erd-1* (< **herd-1*) "половина" - др. - лит. груз. *kerj-o* *id.* , др. - лит. арм. *keya* (< **kera-o*) > *keṣ* *id.* , баск. *atti* (< **hart-1*) "камень" - др. - лит. арм. *kar* в *kar-kar* "куча камней", арм. *kar* "камень", сван. (и груз.) *kaṣ* "кремень", баск. *a1* (< **hal*) "рука" - др.-лит. арм. *ka1* "рука" в основе глагола *ka1-n-um* "беру", *qa1-hal* > *a1* в языках шипящей группы: чан. *qa* "ветвь", мн.ч. *qal+e-pe* , атинское наречие *a* (< **a1*), мегр. *ha* "живая ветка на дереве" (ср. семасиологически груз. *toṭ* "рука, ветвь") и т.д. Особый интерес представляет баск. *har-1o* "дуб" - др. - лит. арм. *ka1-ni//kaṣ-ni* (< **kar-ni*) "дуб", букв. "желуди", так как *kar-*, гевр. *har/kaṣ* (в древне-литературном произношении *ka1*) означает вообще "зерно", в частности "желудь, орех" и т.п. (семасиологически ср. груз. *kaḥal* "орех, ядро, зерно"), а баск. - *ic* как арм. *-ni* , окончания мн.числа. Интерес этого сопоставления в том, что окончания мн.числа налицо в виде *-iṣ*// баск. *-1o* в ряде др. - л.-армянских слов, а равно в отложившемся в армянской географической номенклатуре *har-iṣ* > *ariṣ* в значении, очевидно, "дубрава", так в составе географических названий *har-iṣ-a-vaṇq* "монастырь Арича", т.е. "дубравы" (священной?), *arṣo-ariṣ* "Медвежья дубрава, Арджоарич" - название села с монастырем около городища Ани (мы сейчас не останавливаемся и на не случайности созвучия баск. *arṣ* "медведь" и арм. *arṣ* "медведь"). Что основа слова *ar-iḥa* действительно *ar* со значением, "зерно, желудь", это ясно из параллельной разновидности названия дуба *ar-te* с окончанием мн.числа *-te// -ti* , а также формы мн.числа на *-to* > *-do* > *-to:ar-to* > *ar-to* (зёрна, желуди > хлеб) - маис, кукуруза, как-то реально мотивировал В.фон Гумбольдт.¹⁶

В глаголах побудительный залог образуется с помощью показате-

ля множественности, как в яфетических языках, притом именно плавно-го звука, который служит в той же роли в абхазском, и как в абхазском с постановкой его перед основой, напр., баск. *e-katt-i* "носить", а "заставлять носить": *e-ta-kat-ti*. В гибридном сванском, в котором отложение месхского // баскского представляет основной слой, тот же элемент в виде *-te* служит для образования отглагольного имени или неопределенного наклонения, или со множеством объекта, или учаstantialного вида: *li-rtkure* "разбить многих", *li-kau-te* "часто ломать"¹⁷. Как в яфетических языках, в баскском оказались спряжения абсолютные и относительные. Естественно поэтому, что, совершенно не зная друг о друге, мы, яфетидологи и басковеды, имели совпадения в установлении категорий в наиболее оригинальной области яфетической морфологии, именно в спряжении, обращали одинаково особое внимание на различение и местонахождение аффиксов субъектных (у басковедов *les affixes sujets*) и объектных (у басковедов описательно *les signes du datif* и т.п. префиксов (*préfixés au verbe*) и суффиксов (*suffixés au radical*), а иногда сами явления своим тождеством вынуждали нас называть их одними и теми же терминами, так — абсолютное и относительное спряжение (у басковедов *absolu* и *relatif*). Однако не одни признаки общего происхождения выступили ярко в спряжении. Лингвистическими фактами устанавливается, что баскским с яфетическими языками пройдены вместе или параллельно в генетически родственных формах этапы развития мышления от материального восприятия идей к отвлеченному. Так, абсолютных форм у яфетидов в глаголах действия нет. Собственно, и у басков образование глагольных форм действия без всякого отношения также немислимо в принципе, как в яфетических языках Кавказа, но, давно покинув стадию человеческого мышления с физически-материальным восприятием понятий, без дифференциации отвлеченных и конкретных явлений-вещей, они относительные формы, даже с явными элементами, показателями прямого объекта, порождения первобытной народной психологии, используют логически абсолютно, с полным забвением наличия в формах местоименных показателей отношения к объекту, т.е. совершенно так же, как это наблюдается у кавказских яфетидов, в частности у грузин, которым такие формально пережиточные глагольные образования не мешали еще в средние века и воспринимать, и воспроизводить на родном языке с идеальной точностью самые отвлеченные суждения неоплатонической философии.¹⁸

В баскском типологически характерно использование понятия "голова" для образования глагола с возвратным значением, для обозначения слова "себя" и производных от него "свой" и т.п., как то наблюдаем в грузинском, мегрельском, сванском, абхазском, удинском и др. яфетических языках; более того, само слово баскское в значе-

нии "голова" *but-и* имеет не случайно созвучный эквивалент в удинском *bul* "голова". Впрочем, и баскский в данном слове вместо *г* проявляет *l* в составном виде: *bulhute* "венчик". В баскском, равно в удинском, как корень выступает лишь согласный *b*, чистой основой *-be*, а *-и* в баскском, *-ul* в удинском восприняты как суффиксы. От того же корня *b* в форме основы *be* баски имеют род. *be-te* в значении "от себя", дат. *be-ta* в значении "самому себе", заменяющий так называемый активный падеж в смысле "сам", "он же" и т.п.¹⁹.

Слово баск. *bu-tu* (уд. *bul*) в значении "верха" имеется с определенным звукосоответствием и в других яфетических языках, но более любопытное явление налицо в составном с ним слове *be-tutu* "брови", букв. "верх. (< голова) очей", с чем явную параллель представляет абх. *a-la-t* "лоб", букв. "верх (< голова) очей" (ср. также семасиологическое отождествление лингвистами-индоевропеистами греч. *ofrus* "брови" и лат. *frons* "лоб" - L. Meyer, *Ind.-d.-gr.-Et.*, 1901, I, 532-533, у *Boisq'a* *s.-v.* это сближение замолчано). Кстати, с яфетидологической точки зрения далеко не случайно созвучие, полное совпадение слов, означавших "голова" и "глаз", но об этом особо. Укажу лишь на такое совпадение, отнюдь не случайное, слов, означавших "голова" и "глаз", и в удинском, где, впрочем, слово со значением "глаз" вм. звонкого губного *b* проявляет губной средней звонкостир: "голова" *bul* (усечен. основа *be-*), "глаз" - *pul* (усечен. основа *pe-*), причем корень *o* двух согласных (уд. *bl-pl* / баск. *br*), будучи природным достоянием спирантной ветви, имеется налицо в значении именно "глаза" в абхазском *a-bl-a* (по северному, т.е. бзыбскому наречию; в южных наречиях корень теряет еще один согласный, начальный губной при стечении с последующим согласным, по общему фонетической норме влиявшего соседнего языка шипящей группы, мегрельского, и получается *a-la*). Образования от усеченной основы *be* - производных тем *be-g*, если не *be-t* (см. выше) и т.п. в баскских словах со значением "глаз" (*beg-i*) и др. также имеют свои параллели, генетически сродные, в яфетических языках Кавказа²⁰. Но независимо от этого, само баскское слово *but-и* "голова" отложилось полностью в грузинском, где оно налицо в отыменных глаголах: 1) *but-v-a* "покрывать голову/верх", отсюда *aa-but-av-i* "перекрытие, крыша", *but-ul-i* "крыша" (в Гурии специально из особого вида тростника, называемого *ist-i*), 2) *sa-but-v-a* "подносить / жертвовать родным деньги на покойника или на погребение в день похорон", букв., следоуагельно, "бросать или класть подношение на голову мертвеца". Корень собственно *hbr < kbr*, в сибилантной ветви имеющий соответствие в *svr/žvr*, откуда, напр., в грузинском, как языке свистящей группы, *svet-i* "верх, верхушка, кончик, борода"

Исчезновение спиранта не только первичного, но и перебойного (из переднеязычного аффриката или губного) такое же обычное явление в баскском, как в языках Армении, в грузинском, в некоторых говорах сванского и т.д. С учетом баскского закона $r/(s < o) \rightarrow \emptyset$, относя не чужого и яфетическим языкам Кавказа, в баск. $viz-1/ biz-1(viri/biri)$ "жизнь" мы имеем такой же случай утраты начального спиранта, как в эквивалентной его основе weg в составе сванского слова $laweg$ "живой", равно также в эквивалентной его основе rug/ rir в составе арм. $a-pr-el(<a-rug-el)$ "жить"; в сибиллянтных языках подъемное соответствие исчезнувшего спиранта $h(>x/o/\delta)$ в зависимости от удвоения ($\bar{o}/\bar{\delta}$) представлено "гармоническими" группами раздвоения $ox//\delta x: oxovel-1$ "живой"/ $\delta xovag1$, последнее из шипящей группы усвоено языками Армении с обычным для них продвижением гласного к началу: $obxag$ "овца", а также грузинским, где с заменой $/\delta/$ сибиллянтным o : $sxovag-1$, что означает и "живой" ($sxovg-eba$ "жить", $ma-sxovag1$ Спаситель, букв. Животворец), и "овцу", в последнем значении вульгарно — $sxvag1$. Но баскский держится нормы спирантной ветви с потерей спиранта, как то наблюдаем в языках Армении и сванском: баск. $a-bee-e$ "животное", "скот". От этой же основы $aber$ имеем не только $abergao$ "богатый", букв. "обладатель скота", но и составную основу $abg-il$ "закалывать овцу", тему глагола $a-br-il + \phi$ "приносить в жертву", "закалывать", т.е. в этом, по выражению Ван-Зйса (ц.с. в.ч.), "редчайшем культовом термине" перед нами выступает повторение того, что наблюдаем в семасиологии яфетических языков, именно совпадение названия животного, в быту жертвенного, со словом "жертва"²².

Семасиологическим параллелям у баскского с яфетическими языками нет границ, даже в построении составных слов для получения определенного значения, так, напр., "женщина" в яфетических языках выражается составным словом "самка-сын", "самка-дитя" (в грузинском $kal-1-\delta vili$) и то же самое видим в баскском $ema-kume$, где ema/eme "самка" (а вовсе не от $emal$ "давать"), а $kume < kume$ "дитя", причем и входящие в его состав слова также имеют генетически сродные с ними эквиваленты в яфетических языках Кавказа, так $kume > kume$ усеченный по потере $/x/$ в паузе (по формуле и армянской: $r > u > \emptyset$) вид прототипа $^h\text{homex} > komet$ "сын, дитя" представляет спирантный эквивалент сибиллянтного $^h\text{somex} > tober$, наличного, между прочим, в груз. $\delta obil$ "рожденный" ($> \delta vil$ "сын"), причем, однако, в баскском имеется и сибиллянтная разновидность того же слова $seme$ (^hsomex), используемая специально в значении "сына"²³.

В баскском оказались и префиксовые образования, именно неопре-

деленное наклонение; собственно отглагольное имя имеет префикс по спирагентному типу *e-/i(he/hi)* в соответствии *se-/si* свистящей группы сибилантной ветви, в частности грузинского языка, при окончании мн. числа *ri* (*-li* по ассимиляции с *l*), *-te*, *-ki* и др. В соответствии грузинскому корню *svl* "ходить", и в грузинском обращающемся, по перебою сибиланта в исчезающий спирагент, в двухсогласный корень *vl* (*<hvl> // vd*), в баскском имеем отглагольное имя *i-bil-li*/ *диал. e-bil-li* (*he/bilri*) "ходить": в грузинском отложилось слово, образованное с суффиксом *-ik* от баскской разновидности этого корня *bl* в баскской же форме *bil* основе глагола *i-bil-li* "ходить", и это слово - др. - лит. груз. *bil-ik* "путь, стезя". Префикс этот наблюдается и в именах существительных, как, напр., в *e-dur* "снег" (*<e-jur*), ср. *e-lur*, как и *elbur* - позднейшие диалектические эквиваленты с переборами *3, resp. d* в *lh, resp. l*; ср. чан *turi* "снег", равно *m-tur-i* со сванским раздвоением - *tvir-i*, мегр. *tir-i*, равно *tqr-i*, груз. *tovl-i/tol-i*, сван. *δuv-e* "идет снег". Отнюдь не чужд баскскому и префикс *a-<ha/*ya-*²⁴, появляющийся нередко с перестановкой первичного его вида *ya* в *ay-*, как то наблюдаем и в др. - лит. арм. (ср. ниже перестановку в префиксе *in-* см. *ni-*), напр., *ay-cin* (с носовым наростом *ayncin*) "передняя сторона" (*le devant*), *ay-cine-an* "перед" (чем или кем-либо), груз. *qin-a>qin* "перед".

В свою очередь, в самом баскском *bid-e* "дорога, путь" вскрывается связь с этим же корнем и в грузинском, усвоившем замкну плавного/*l*/ зубным */d/* по сванской норме, напр., *mo-vid-a* "он пришел" и т.п. Что касается *v*, то его в данном слове имеем вместо *h* и в баскском, если согласиться с толкованием басковедов фамилии *Vidarte*. Во всяком случае, напрасно отрицал Ван-Эйс пережиточное существование */v/* в начале баскских слов, особенно таких, как *vis-i/bis-i* "жизнь"²⁵. Можно бы думать, что случайно созвучны груз. *bag* "равнина, долина (собств. низина)" и баск. *i-bag* "долина", но со сванским законом перерождения плавного */l/* в */h/* (*/r/* в */j/*), находящим параллель в баскском *h>g* (*>g*), мы не можем не отождествлять баск. *bas* "пустыня, дикий" с яфетическим словом шипящей группы **var-e*, откуда мегр. (и груз.) *ar-e* "пространство", арм. *vajr* (*<var-i*) "пространство, поле", *vajr-en-i* "дикий, букв. "полевой", и груз. *vel* "поле, пустыня", откуда *vel-ur* "полевой, дикий, лесной". Бывает, что при отмеченном уже чередовании */m/* с */b/* в баскском имеем */m/* в соответствии кавказскому яфетическому */v/*, напр., термин груз. *vaz* "виноградная лоза", общий у армян с грузинами²⁶, в баскском представлен с подъемом *m(>z)>e* в виде *mae* "виноград" *mae-e// mae-ti-a*, *resp. mae-ti* "лоза виноградная", *mae-mordi* "кисть винограда" и т.д.²⁷

Характерно образование названий деревьев с помощью суффикса -га, яфетического окончания мн.числа, как в абхазском и сванском и в заимствованиях из них в грузинском: *inḡauḡ-ga* "ореховое дерево", *es-ouḡ-ga* "дуб". Впрочем, и сами основы этих названий яфетические, так, например, основа *in-ḡauḡ* (/in-ḡauḡ) < *in-kaḡ* (< *in-ḡauḡ*), **inḡauḡ* // **in-kaḡ*, *in-ḡauḡ* (отсюда и *inḡauḡ-ti* "орешник", и фамилия *Inchaure* и др.) представляет разновидность с продвинутым к началу гласным /i/ в груз. *ni-goz* "орех", как в армянском *en-koj* (< *in-koj* < **ni-koj* ²⁸).

И морфологически, и лексически яфетидологическое изучение баскского бросает неожиданный свет на спорные и темные вопросы кавказоведной яфетидологии, в частях и современных живых, и древних мертвых яфетических языков Кавказа. Армянский социальный термин *iḡhan* "князь", собственно означающий "властитель, могущий", как установлено, образован от основы *iḡh* (*iḡh*-e представляет усвоение яфетической основы в греческом, где та же основа *egh* известна и с префиксом *bi-/gi-/pḡh* *egh*, *gḡh*); основа *iḡh* должна означать физически "руку", и фактическую поддержку этого до сих пор находили лишь в сванском без префикса: *ḡi-a* < **ḡi-a* "рука", а полнее у сванов же в качестве основы единицы *e-ḡh* "один", в лахском наречии сванского *e-ḡh*, как в яфетическом языке, лексико-фонетически лежащем в перво-основе ассирийской клинописи, где знак со значением асс. *katu* "рука" как слоговое начертание звучит *ḡh* (т.е. также с потерей заднеязычного *x*, *ḡh* *ḡh* и без префикса); баскский для основы *iḡh* с восстановленным теоретически значением "рука" дает полную поддержку в своем слове *esḡh* "рука".²⁹

В этом отношении исключительный интерес представляют числительные баскского языка в вопросе об его яфетидизме. Общая система исчисления и в баскском, как и в яфетических языках Кавказа, по двадцаткам, а не десяткам, самими же названиями баскский отличается, однако его отличие выступает лишь при сравнении с тем, что общепринято в соответственной части в кавказских языках, между тем это общепринятое есть результат их дальнейшего взаимодействия, по отделении басков, сами же особенности баскских числительных не представляют расхождения вообще с яфетической нормой и яфетическими лексическими материалами. Наоборот, баскские числительные помогают установить окончательно картину исчисления яфетидов на ступени первобытной их жизни, как вскрывалась она и данными кавказских яфетических языков; благодаря баскскому еще ярче выявляются связи названий чисел с названиями конкретных предметов, членов тела, а это обстоятельство может

послужить к установлению той эпохи, по всей видимости, весьма и весьма древней, когда баски отделились³⁰ вообще от кавказских сородичей.

Баскский усиливает материальный фонд, содействующий яфетидологическому анализу соответственных клинописных языков. Я был приятно поражен, что предположительно восстанавливаемое мною в только что появившейся из печати работе Надпись Русы II из Маку (ЗВО, т. XXV, с. 25-26, см. также Из поездок в Сванию летом 1911 и 1912 года, XV, II, с. 28-29) для спирантного типа архетип *hug-1 > ug-1* "вода, милость", как достойные халдского языка ванских клинообразных надписей, находят неожиданную поддержку в баскоком, где "вода" *ug-a* диалектически и *hug-a*.³¹

Дело в том, что баскский имеет теснейшую связь именно с известным яфетическим народом, населявшим район Ван в Армении сопредельно с урартийцами, в которых ныне выявляются единоплеменники этрусков. Не случайно, следовательно, что у армян с басками два /г/, один из них мягкий в произношении, и ни один не терпим в начале без предшества гласного, почему когда начального гласного нет перед этим плавающим, слово получает его в виде "а" или "е" в баскском совершенно так же, как в древнелитературном армянском, да и вообще в языках Армении, правильнее — армянской группе языков.

Намечается возможность определить место баскского языка среди яфетических. В баскском имеем один из пережиточных представителей спирантного языка, но типа уже гибридного, скрещенного с родственными яфетическими языками, особенно с одним из языков шипящей группы сибилантной ветви, как то наблюдаем в более ярком проявлении в сванском и также в яфетическом слое армянской группы, даже в древнелитературном армянском. По всем видимостям, это тот спирантный язык, который отложился на Кавказе слоями в гибридных языках — древнелитературном армянском, сванском и абхазском, а одной своей частью посредственно или непосредственно слился с грузинским. Это язык племени масков//мошохов//месков, название которого сохранено за басками в устах окружающих народов в той разновидности этнического термина, в какой на Кавказе оно усваивалось в древности абхазами, именно *basak* с придачей абхазского префикса *a-*: *a-basak* (греч. *abaskos*). Скрещение баскского языка с языком шипящей группы в первый момент представилось происшедшим еще на Кавказе. Может быть, это так и окажется в той или иной степени. Когда баски проявляют в своей речи лингвистические грузинизмы, т.е. особенности свистящей группы сибилантной ветви яфетических языков, то как-быто иного выхода нет: грузинское добро надо признать захваченным с Кавказа, напр., такое первичной чеканки по природе свистящей группы слово,

как баск. ²bagu "мышь" (> *²bagu > *²caqu, откуда с десибилляцией >)// груз. tagu (ам. tagu-1, ново- груз. tagv-1, равно >)// арм. takə-n (< taku-n, Н.Март, I. Петрицкий, груз. неоплатоник XI-XII века, с. 43, прим.) // мегр. čuk + ičəokw-1 > *čogw-1 > чан. tug-i³² Поскольку, однако, один из представителей шипящей группы, мегрельский отождествлялся с иверским (иберским), а иверский (иберский) был и на Пиренейском полуострове по соседству с баскским (многие даже отождествляли баскский с иверским), процесс гибридизации мог произойти и вне Кавказа, в частности в пределах Пиренейского полуострова. Баскскому не чужд эквивалентный абхазскому а- гласный префикс в виде е- в собственном племенном названии bas-k, как оно сохранилось в устах самих басков с утратой внутренней огласовки, что наблюдается и у абхазов, но в устах абхазов термин получил новое окончание мн. числа - wa взамен -k: a-pə-wa, а на баскском у него сохранился первоначальный показатель множественности k: a-wə-k = e-ua-k (> esk), от чего и образовано баскское слово eusk-aga/eusk-ega "по-баскски, баскский язык"³³.

Третий в этом термине коренной заднеязычный звук есть функциональный согласный, показатель множественности, он уступает место сродному с нынешним абхазским /w/ губному показателю множественности b>p еще в архаичные эпохи на южном побережье Черного моря и в прикаспийском районе Кавказа, вообще в бассейне Куры, не исключая и пределов перевального материкового гео-этнического района. Здесь чистая основа того же этнического термина bas с подъемом /s/ > /c/, получив суффикс b1, сохранилась до наших дней в составе basb1³⁴bas-p1 у гибридного относимого к чеченам цова-тушинского народа как его национальное племенное название. В языке этого гибридного народа, у соседей известного под другим этническим названием tuš, в древности, однако, имевшем показатель множественности -k: tua-k (Touakoi) сохранился ряд характерных баскских переживаний, так, напр., род.падеж -ən/-in > ə/ī, несмотря на сильное его перерождение под влиянием языковых норм типа яфетических народов /p/, куда относятся и эламиты. Что же касается показателя множественности -/k/, то он общий у этнического термина bas-k и a-bas-k etrusk и целым рядом яфетических племенных названий Кавказа, причем в самом языке басков сохранился этот показатель множественности, как еще в такой полной мере лишь в абхазском и древнелитературном армянском, с тем, однако, различием, что в Европе он удержался на первичной ступени: это глухой звук /k/, тогда как в абхазском и даже в древнелитературном армянском он же представлен разновидностью средней звонкости /k/, но у европейских яфетидов, как и у кавказских, последних в районах скрещения с инорасовыми племенами, ариоевропейскими, т.е. в приморской

полосе у Черного моря и в Армении это уже не тот аффрикат /x/ (или его более ранние разновидности аффрикаты q < ɣ), что наблюдаем в роли того же функционального согласного у сванов, в живой речи более чистых яфетидов, да и вообще в исторически переданных названиях племен Кавказа kol-x(šog-o-x в названиях реки), tao-x, ĵava-x, meš-x, ka-x и т.д.³⁴

Я не спешил бы утверждать, что яфетидизм баскского может представлять живой интерес для одних интересующихся средиземноморским этнокультурным вопросом. Когда, независимо от искусственно поддерживавшегося положения о родстве оаокского со славянским³⁵, имеем указание с давних пор на "действительно достопримечательную возможность родства в западноевропейских именах, произведенных от названия дерева, прошедшего через арийские племена (за исключением кельтов и греков) во внутрь Пиренейского полуострова из России", то надо ли считаться со связью с абхазским словом, поскольку речь идет об одьхе? Ведь русское слово представляет лишь одну из яфетических форм мн.числа этого яфетического термина *hal-xa, ныне у абхазов al-x₀a < al-x+wa. И есть ли надобность появления этого термина и на европейском Западе возводить к русским или вообще славянам, когда у басков, заведомых отныне сородичей абхазов, та же основа с сохранением спиранта hal, да и без него al имеется в том же значении в форме опять-таки мн.числа, но с другим эквивалентным яфетическим образовательным элементом sa > o, наличием и у абхазов (у них теперь для категории разумных существ): al-sa < hal-sa < hal-s.³⁶

Во всяком случае, считая крайне необходимым непосредственно наблюдать в его реальной жизненности баскский язык, вообще для вопроса о древних европейских яфетических языках и их отложениях в не-яфетических языках средиземноморской Европы, что чрезвычайно важно и для правильной постановки работ по этрусскому, я прошу Конференцию разрешить мне в программу моей шестимесячной командировки внести и посещение района с баскским населением. В заключение отмечу, что Академия Наук не была равнодушна к баскологическим занятиям: один из главных вкладчиков в изучение баскского языка и его диалектов Л.Л.Бонапарт был почетным членом нашей Академии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Напечатано в Известиях Российской Академии Наук (сокращенно об-чно ИАН, иногда ИРАН) УИ серия, т.ХІУ, Петроград, 1920, о.ІЗІ-І42, а также как "Приложение к протоколу №8 заседания Отделения Исторических Наук и Филологии (ОИФ) Российской Академии Наук от 28. УІ - 1920 г". В виду важности этой первой баскологической работы Н.Я.Марра она широко комментируется нами в примечаниях, кото-рые даются в оплошной нумерации после текста, причем авторские примечания помет не имеют, а каждое редакционное снабжено спе-циальной опережающей пометой: "ред."
2. Schuchardt H. Nubisch und Baskisch. RIEV, v.VI (1912), p.3 а.
Ред.: Г.Шухардт сравнивал баскский язык не только с нубийским, с хамитическими языками, но и с кавказскими, хотя особенно на-стаивал на баско-хамитической близости. А.Тромбетти, наоборот, "считал возможным наметить в качестве ближайше родственных бас-кскому древневосточные и кавказские, а также дравидские языки" (Д.В.Эппарь, 1958, с.17).
Искания обоих этих ученых были по-своему одинаково безбреж-ными - правда, со своими различиями - хотя это принято ставить в вину почему-то одному лишь А.Тромбетти, чьи заслуги при этом не-заслуженно преуменьшаются; так что вся эта часть данной работы Н.Я.Марра нуждается по меньшей мере в детализации. И во всяком случае, было бы неверно думать, что Г.Шухардт был менее знаком с кавказскими, чем с нубийским языком, или что он уходил в ха-кие-либо сравнения как в "спасение" от Trombetti или от своего недостаточного знания языков.
3. Trombetti A. Come si fa la critica de un libro, 1907, p.150.
Для нас, исходивших при построении всей системы теории яфетиче-ского языкознания из фактических данных родства яфетических языков с семитическими, связь коренных языков Кавказа, т.е. кавказских яфетических языков с хамитическими, понятно, не по-ключается, но обичает, когда речь о баскском, у нас есть возмо-жность утверждать о более тесном и определенном родстве с ним яфетических языков Кавказа. Ред.: Относительно общей позиции А.Тромбетти см. наше предыдущее примечание - о связи баскского прежде всего с кавказскими языками, как и у самого Н.Я.Марра . Более всего после кавказских с баскским действительно связы-вали именно хамитические языки, но с отрывом их при этом от се-митических и обычно в плане общего суждения о языке басков (см. Дзядзгури, Эппарь, 1983, о.136-147); где-то на этих путях складывалась и концепция А.Тромбетти, а также и самого Н.Я. Марра (речь не идет здесь о том, как в конечном счете это вписалось у обоих данных ученых в их глобальные представления).

4. Совершенно правильное наблюдение, которое и автору в свое время следовало бы учесть на будущее (ред.).
5. Впрочем, предварительно надо разъяснить несомненную связь этого баскского слова с груз. *beṣi-i* "волоок", в частности, и "ресницы"; может оказаться, что *a < t* является и не морфологическим элементом, а согласным корня. Ред.: баск. *be-t-i'*, *be-t-ule* "ресница" состоит из *ile, ule* "волоо" и компонента, заключающего в себе или отражающего баск. *begi* "глаз", т.е. компонента, так или иначе связанного с баск. *begi*. Элемент *-t-* в подобных композитах действительно является по происхождению морфологическим, но затем распространившимся по чистой аналогии, так что относительно многих композитов трудно сказать, что он в них представляет (Я. Lafon, 1947). Если в составе *betile, betule* — элемент *-t-* является в самом деле бывшим функциональным, т.е., например, показателем родительного или вообще косвенных падежей, то допускать для него в прошлом аналогичный элемент *-k(>g)* уже неизмеримо труднее, и так же трудно усматривать такой элемент в составе *be-gi* "глаз". Считается, что *be-gi* "глаз", *ar-gi* "овет" и т.п., оказываясь в составе композитов, теряют свой элемент *-gi* в результате синкопы: *argi-t-iri*, букв. "света близость" *ar-tiri* "утро", *begi-t-ile* "глаза волос" *> betile* "ресница" и т.п.

Если же *-t-* имело свой аналог в виде *-k(>g)* и, стало быть, автоматически, т.е. как бы еще заранее исключало элемент *-k(-g)* в композиции, то это означает не только отказ от допущения о синкопе и т.д., но и визу на постулирование в широком масштабе форм типа **ar-ti*, **ar-di* "свет", **beti* "глаз" рядом с *argi, begi* и т.п. (само *be-gi*, как и *be-ti*, должно быть тогда этимологически происходящим из *beṣti* в виду звонкого /g/, а **be-ti*, допустим, из **beṣti* и т.д.). Но такое направление вообще неразработано.

Что касается баск. *be-riṣi* "бровь", то оно восходит несомненно к *be-t-ṣiṣi*, где второй /b/>/p/ под влиянием предыдущего глухого, а **be* связано так или иначе с тем же *begi* "глаз", *riṣi* же считается идентичным баск. *ṣiṣi* "голова, верх, вершина", в целом следовательно "глаза верх", как бы "надглазие".

Если даже второй компонент *riṣi* в составе баск. *be-riṣi* имеет и иное происхождение ("волос"?), то связывать это все с рус. "бровь", англ. *brow* и т.д. действительно более, чем неосторожно, особенно в плане этимологизации данного и-е комплекса на основе баскского элемента. Дополнительно об этом все речь будет неоднократно возникать и в дальнейшем.

6. Ред.: Совершенно справедливое замечание, которое стало еще более верным благодаря последующимближениям самого автора.

7. Lhande P. L'émigration basque. Histoire-économie-psychologie. (Préface de C. Pellegrini). Paris, 1910.
8. Hervás y Panduro P. Catálogo de las lenguas de las naciones conocidas...Madrid, 1800-1805. Здесь Эрвас доказывал, что баски - выходцы из Грузии.
9. Pita F. Discursos leídos ante la real Academia de la historia en la recepción de F.Pita...Madrid, 1879, p. 77-78.

Вместе с довольно богатой баскологической литературой в петроградских книгохранилищах - университетском, академическом, не оказалось даже этого чисто академического издания, и я знаю и цитирую его по П.Ланду, цит.раб.,с.32. Ред.: Приводимая баскологическая литература носит, действительно, совершенно случайный и крайне фрагментарный характер, ср. совершенно новую библио-оснащенность известного очерка о баскском языке В.Ф.Шахмарова, подготовленного также в Ленинграде спустя двадцать лет - см. Шахмаров, 1941. Здесь, с.7 говорится, между прочим, и об Ф.Фита как об "историке, к сожалению, недостаточно вооруженном лингвистически для разрешения поставленной им себе задачи". В 1926 г. Н.Я. Марр был уже детально знаком с работой Фита и в своем Origine (см.перевод ниже) обстоятельно характеризует работу Фита. Ср. также здесь в нашем примечании II о Г.Винклере.

10. П.Ланд, цит.раб.,с.33.
11. Последнюю известную мне западноевропейскую работу со взглядом сводного характера о басках (Wells Н.Т. The Outline of History, 1919) любезно указал и передал мне акад. Шахматов, когда настоящее предварительное мое сообщение было уже набрано. Судя по ней (с.92), на Западе вопрос о баском языке безнадежно стоит все на прежней точке, и это естественно, пока Запад не располагает специалистом ни по одной действительно кавказоведной части, и по сей день армянский язык красуется среди чистейших индоевропейских групп. Ред.: В объемистом, но более, чем беглом обзоре всемирной истории Г.Т.Уэллса баскам и их языку уделена всего одна бессодержательная страница. Для басколога это совершенно случайная, не относящаяся к делу работа. Говоря о Генрихе Винклере, Н. Я.Марр здесь имеет в виду его брошюру: Winkler H. Das Baskische und der vorderasiatisch-mitteländische Völker und Kulturkreis, Breslau, 1909, с которой Н.Я.Марр ознакомился лишь позже - в первой своей заграничной командировке во Францию, см. ниже перевод Origine, где дается и развернутая критика работы Г.Винклера.
12. Спорадические, впрочем, и в грузинском, напр., in-daqv-i "локоть" рядом с ni-daqv-i.
13. Что касается суффикса ai-au, то это остаток окончания ar, наличного в спирантных разновидностях того же слова либо в виде -ar: kam-ar "небо, небесный свод", вообще "свод, арка", либо в виде -ta:

сван: *kaṃ-ta* "небо", *kaṛ-ta* "челюсть" и пр. Ред.: Баскский композит *año-zarai* "небо" считается состоящим из *año* "рот" и *zarai* "чердак", однако в данной связи возникает то допущение, что, возможно, *zarai* вошло в *año-zarai* "небо" тогда, когда оно имело еще на столь специализированное значение, а действительно, значение "верх, небо", ср. русск. "небо и небо" и т.п. Переход *m > b* в баскском также иногда очевиден (лат. *molīn* "мельница" > баск. имя собств. *Bolin* -)но, во-первых, из форм для "2" исконной является несомненно *bi*, откуда и *Biarritz*, букв. "два дуба" > *Miarritz*, а, во-вторых, Л. Мичелена убедительно показал в одной из своих теорий, что из губных фонем в баскском первична *b/*, фонема же *m/* является как таковая вообще вторичной, что, как мы думаем, верно и для кавказских языков, или их части. Варианты *ar/a/* имеются в исходе баскских слов и восходят к несомненной глубокой древности, возможно также, что в ряде случаев это варианты окаменевшего суффикса мн.ч. *-ar*.

14. О связи по корню с яфетическими же словами, означающими воду, мы здесь не распространяемся, но армянский как древнелитературный, так и современный, дает нам *žur* "вода", и это так же, как баск. *i-thurr-i* является его усвоением из шипящей группы яфетических языков, причем армянским усвоением из этого источника присуща также десобилизация зубного в *ž* и т.п. - см. Н.Я. Марр Яфетические элементы в языках Армении. II.
15. См., напр., чан. *saṛ-i* "вода" рядом *okaṛṛ-i* и др., а в грузинском ряде, притом в составных словах, так *as-ḥae* вместо *kaṣ* "человек" в составе *maṣ-as* "мужчина", букв. "отец, семя-человек", *di-as* "женщина", букв. "мать, семя-человек" и т.п. Ред.: Как видно из этих примеров, в самих картвельских языках речь в данном случае идет о совершенно разном "задняязычном" /*k*/ / сильно различающихся позиций, ибо, действительно, одно дело - интервокальный /*k*/, павший в *maṣakasi, dedakasi* (вряд ли через этап /*b/*/) и совсем другое дело /*q*/ в составе, например, мегр. *ṣur* или его чанского эквивалента; кроме того, баск. *i-thurr-i* "источник" по форме является явным причастием (ср. *e-torr-i* "пришедший") типа "вытекшее, вышедшее" от *thur*, которое значило, возможно, "вода" (ср. баск. *ur* "вода" < **hur*, где /*t*/ мог не сохраниться в силу его начального положения), и, следовательно, вопрос о падении и сохранении задняязычного после зубного в анлауте мы можем обсуждать не на сравнении баск. *i-thurr-i*, а баск. **thur* "вода" с мегр. *ṣur id.* и т.п.

И в этой связи чан. *saṛ* "вода" действительно интересно отсутствием задняязычного в анлауте, как интересно, впрочем, и чан. *skaṛṛ-i* (где *i* выбрант геминирован перед гласным -*i* в исходе, ср. *i-thurr-i*) овоей второй начальной фонемой, т.к. она ближе к

баск. /h/ в составе *thur "вода", чем /q/. В общем складывается то впечатление, что чан. skatti по своему начальному консонантизму представляет собой нечто среднее между баск. *thur с его более слабым в целом начальном (доходящим и до полного исчезновения в слове ur "вода") с одной стороны, и груз. megr. qdai, qdag, qdug с их очень сильным комплексом qd — с другой.

Как центральная, менее сильная, чем qd чанская группа оказывается способной к утрате второго согласного в составе сах "яода", и в качестве центральной же она должна быть ближе всего к тому исходному комплексу согласных или согласному, из которых развилось все разнообразие рассматриваемых выlautов.

Мегр. equrqil "источник", по разъяснению нам И. Лемонджава, этимологически представляет собой сочетание существительного eqi "колодез" или "источник" и прилагательного qil "холодный", которое как таковое и по сей день существует в мегрельском. Мы не исключаем также той возможности, что eqi в этом сочетании имело исходной значение "вода" (в целом "вода холодная", лексически "источник"). Но в любом варианте такое разъяснение представляется гораздо более вероятным, реальным, чем любое другое, связанное с марровским членением данного композита на три части eqi-t-qil.

16. Ван-Эйс: "Поскольку первоначально хлеб приготавливался из желудей дуба". Ведь именно про горцев Испании, включая наших басков (shexri Ovas-konon) Страбон передает (III, 3, 7), что они "два времени года пользуют дубовыми желудями (drubalano) высушив их и измолотив, а затем измолот и изготовив хлеб из муки (artopoeiamenoi), чтобы сложить его впрок на нужное время". Следовательно, баскское слово могло означать вообще "хлеб", и с этим возникает вопрос о возможном происхождении из того же яфетического источника греческого artos "хлеб", в отношении которого легче согласиться с Л. Мейером, что оно dunkeln Ursprung "чем разделить ничего не разъясняющее мнение Прельвитца (Prellwitz): eigentlich das Bereitet! Бузак (Boissac). (Dict, Et, 1908) вторит Л. Мейеру: "Etim. obscura". Для следящих за развитием яфетиологии в России такое происхождение греческого слова отнюдь не представило бы неожиданной встречи с положением И. А. Орбеля (Simitov в италийской надписи и Semidalie, Simila, ЖМНП, 1908, т. 18, класо. отд., с. 521-531), а этот вклад пока в двойственном числе яфетических языков в греческую терминологию хлебных злаков мог бы рассчитывать на радушный прием тех, кто в контроверзе Bertrand-Reinach'a о кавказском происхождении хлебных злаков примыкает к первому. Этот первый, т. е. Бертран имел настолько независимую поддержку в изысканиях Мортильо, что для ослабления впечатления Рейнах должен был прибегнуть к таковому полемическому приему обличения противников в непоследовательности, как сл. фраза (см. Reinach. Le Mirage Oriental — "Ал-тхор": IV, № 5, p. 553 (1893) : "Мортилье идет дальше и пишет de Mortillet. Le préhistorique. Ишеница нигде не растет сама по себе, не является дикорастущим злаком", но это не мешает господину де Мортилье

принимать шпение кавказское происхождение в отличие от Кавдоля, который его помещает в Месопотамия". При нашей постановке вопроса (яфетидологической) опор о правах Кавказа и Месопотамии не меняет ощущения дела в отношении значения яфетического Востока для Европы. Ред.: Как видно, уже в древнегреческом было слово *artos* "хлеб" (в основном шпение), и эта основа известна в языках Средиземноморья, где ее распространение объясняется с т.н. неолитической революцией. Поэтому хотя в известном словаре Бузаса и других происхождения др.-гр. *artos* помечается как неясное, невозможно допускать его распространение из баскского языка. Наоборот, всего вероятней, что в самом баскском это т.н. неолитическое заимствование.

Здесь, в самом баскском, это слово неизвестно в значениях "хлеб", но только "кукуруза" (явный функциональный перенос), а в сочетании с прилагательным *txiki* "маленький" и др. также в значении "просо". Именно о названии: просо название кукурузы в порядке функционального переноса объясняется и типологически: в ряде кавказских языков кукуруза имеет название типа "нартское просо, шахское просо" и т.п., т.е. "большое, гигантское просо" (ор. и груз. *jom* "мамалыга", ранее "каша" и "сорт проса"); эта типология указывает и на то, что при появлении кукурузы у многих горцев последняя либо получала название "большое просо", либо, наоборот, своему просу (в отличие от кукурузы как просто "проса") давалось название "маленькое просо", что, очевидно, и имело место у басков, судя по баск. *arto txiki* "просо", букв. "маленькое *arto*", ор. также *baso-arto* "ооро", букв. "дикое *arto*" и т.п. Баск. *arto* конечно значило не "хлеб", а "просо", что делает еще менее вероятной его связь, по крайней мере, прямую, с исконными обозначениями зерна, желудка и т.п..

Чуждое происхождение баск. *arto* тем более вероятно, что и баск. *zitu*, означающее по Аокэ "злак, урожай, плод" вполне может быть отражением неолитических слов типа греч. *eito* - "хлеб", неизвестного же происхождения, ор. также баск. *gata* "зерно" к лат. *grani* и баск. *ogi* "хлеб" при романских словах типа франц. *orge* "ячмень" < лат. *hordeum* и т.п.

С другой стороны, связь дуба и желудка с камнем в этимологической стороне лексик разных языков вполне понятна, хотя с обозначениями камня названия дуба могут быть прямо, минуя желудок, связаны уже в силу твердости самого дуба, а наименование желудка часто вообще неразделимо переплетены с обозначениями рождающего его дерева, по-видимому, независимо от связи с обозначениями камня, ор. баск. *(h)aritz* "дуб" и баск. *aritz*, *aretz*, *garitxa* "желудок" по словарю Кухика.

Специфические условия Басконии, где всегда было мало хлеба и винограда, но много желудей, а также яблок, проса, а еще позже кукурузы, разумеется, могли сильно стимулировать появление обозначений хлеба с заложенной в них основой типа *kar* "камень" через "желудок", но, как показывает груз. *kaḱali* "орех", который действительно значит также и "зерно", наименования такого рода вовсе необязательно должны

были изначально рождаться в условиях желудевых бесхлебных гор. Поэтому (и здесь у Марра в данном случае заключено самое ценное) та же основа как "камень", минуя "желудь", допустима и в древнейших баскских названиях злаковых, которые могли возникать, несмотря на отдаленность времен, в таких природных условиях, что о питании жемчужинами речи могла идти разве только применительно к свиньям.

И с этой точки зрения интересно по-новому подойти к известному и давно уже обсуждаемому баскскому слову *gar-a-gar* "ячмень", поскольку тем более никто и никогда, насколько мы знаем, еще не пытался даже объяснить причины удвоения основы *gar* в этом термине для древнейшего злака: теперь, если, следуя за Н.Я.Марром, мы будем приписывать данному термину первоначальное лексическое значение "зерно", то удвоение основы в нем нам станет понятно в связи с естественной множественностью самой реалии, т.е. зерна, которое чаще всего предстает перед нами как скопление зерен, ср. груз. *tav-tavi* "колос", букв. "головка-головка"; более того, в баск. *gar-a-gar* "ячмень" было, возможно, удвоено даже не **gar* "зерно" < **gar* "камень", а прямо это последнее, так что этимологически *garagar* может значить не "зерно-зерно", а "камень-камень" = "камышки", т.е. "много мелких камней", ср. лат. *cal-cal* "камышки (употреблявшиеся при счете)", откуда термин калькуляция, т.е. счет и т.п.

Подобным же образом может быть объяснено явное удвоение *kal* в груз. *ka-kal-i* < **kal-kal* "орех, зерно", самое наличие которого является важным подтверждением аналогичной структуры баск. *garagar*.

Допуская для баск. *gar* исходное значение "зерно" < "камень", твердое", мы можем объяснить также и совпадение термина *garagar* "ячмень" с баск. *gar-i* "пшеница", которое обычно сравнивают с груз. *kar-i* "ячмень", рутул. *gargal* "овес", цахур. *gargar* "овес" (см. Bouda, Baumgartl, 1955, p. 63).

Дело тут, очевидно, не в переносе названий с одного злака на другой по их смежности и функции, тем более, что с включением овса слишком велик становится и самый диапазон реалий для такого переноса. Дело, очевидно, в том, что все приведенные термины значили первоначально "зерно" (в случаях редупликации букв. "камышки", в случаях без редупликации букв. "камень", "твердое"), откуда вполне свободно можно представить развитие значения как в сторону пшеницы, ячменя, так даже и овса. Вот почему, в частности и в самом баскском, одна и та же основа содержится в названиях как ячменя, так и пшеницы.

О незапамятной глубине терминов типа *garagar* говорит тот факт, что они отразились, видимо, в имени царя древнейшего в Испании царства Тартесс Гаргориса: связь этого имени с баск. *garagar*

устанавливает А.Товар в цитируемой ниже работе, и возможно, что подобное имя царя тартессов символизирует сам уровень земледелия, саму цивилизацию данного первого государства Испании; во всяком случае символично, что согласно античной традиции Гаргорис не только придумал пчеловодство (а с пчелами связано опыление злаковых), но и был дедом Nabia'a – изобретателя земледелия и законов (а земледелие и законы составляют государство или цивилизацию) для населения тех мест, в низовьях Бетиса, где Геркулес искал стада Гериона (ср. Caro Baroja , 1946, p. 120).

Впрочем, не только это, но и большее – и гораздо большее – узнаем мы о баск. garagar из небольшого, но блестящего этюда А.Товара, который так и называется Gargaris у garl, garagar (см. Товар 1959, pp. 141-145), где, в частности, подводя итог исследованиям целого ряда ученых, первый лингвист Испании указывает на арм. garl "ячмень", агул., табас. gargar , юртин. gerger , рутул. gergel (см. выше gargal) "овес", андийск. qqir , карат. kheru, khora , , чеч. ка , рутул. qir "пшеница" (почти везде, как видим, не удвоенная форма тяготеет, как в баскском, к значению "пшеница", а удвоенная – к "овес"), а в языках Африки хауса и фула gero "сорго", фула gergereri "вид зерна", gauri "сорго, зерно, вообще", ср. еще др.-евр. gera "зерно, боб", gargar "зерно, стручок", араб. gargar "мельница", gahala "молоть", gargara "жернов", girgir "боб", гиз. guegn "гумно", дравид. garagar "вид злака", garl "вид злака", буруш. gur "пшеница".

Вокруг баскской территории ряд относящихся сюда форм во многих работах выявил Губшмид, ср. гаск. gairozo "черная вика", gaurot "горох", исп. garbanzo "турецкий горох" и т.д. (Товар, 1959, с. 143), а в самом баскском ср. еще garilar "журавлиный горох" и др. Баск. igara "мельница", как и приведенные семитизмы типа араб. gargar "мельница", имеет сюда отношение через глагол типа gar "молоть", который тоже связан с gar "зерно", и связан таким же образом, как в ряде языков глагол "ходить" с существительным "нога", "видеть" с существительным "глаз" и т.п., ср. лат. triticum "пшеница" и лат. tero "тереть, толочь, измельчать", и-е *gher и и-е *g'herzd(h) > нем. Gerste etc. "ячмень", *g'er > лат. gramen "зерно" и т.д. (там же).

Подтверждая исходность значения "зерно" для garagar "ячмень" и т.п., все эти факты прямо еще не выводят нас на марровскую этимологию "камень" для самого "зерна", еще более глубокую, но если вспомнить, что первичным мельничным инструментом, первым жерновом или просто измельчителем зерен был камень, и редупликация его названия могла, следовательно, имитировать как действие дробления зерен, так

и сами зерна, служа их названием, то возникает мысль, что в этих же приведенных фактах содержится, возможно, и нечто, уточняющее указанную гипотезу о камне и зерне.

Показательно, в этой связи, что редупликаты основы *gar*, т.е. нечто наиболее имитативное для процесса дробления (и притом весьма древнее имитативное) более всего тяготеет к древнейшему же из злаковых — ячменю, т.е. к тому, чтобы быть названиями ячменя.

Хотя земледельческая основа *gar* прослеживается, как мы видели, и в афразийской, и в и-е семьях, но между баскским и кавказскими, особенно же — северокавказскими языками термиты, содержащие эту основу, обнаруживают явно большую близость между собой, которую трудно истолковать как факт неолитической революции в Средиземноморье; тем более, что и сама данная основа в значении "камень" с наибольшей отчетливостью прослеживается в баскском и в кавказских языках. Речь, следовательно, идет явно о таких названиях ячменя, пшеницы и мельницы у басков, которые попали на Пиренеи со стороны очага первого земледелия вместе с носителями соответствующего языка.

Но дело этим не ограничивается, так как можно, думаем, показать связь и таких картвельских обозначений, как *tavi*, *tav-tav* "колос", сван. *ḡta*, *ḡda* "колос", баск. *uzta* "урожай, зерно", а это уже близость совершенно избирательного характера, опирающаяся к тому же на одинаковые способы и инструменты древнейшей уборки злаков у басков и картвелов, на палеоботанические исследования Н.И. Вавилова и его учеников и т.п.

Что касается специфических баскских названий зерна, то стоит, возможно, упомянуть, что баск. *azi* "зерно", откуда *zi* в названиях желудка и т.п., связано прежде всего с баск. *azi* "расти, растение" (также, возможно "живое"); баск. *bi*, *biiz* *bini* (> *bihi* > *bigi*) и т.п. связано с *mihiz* *bini* "язык", т.е. "язычок", как метафорическое обозначение прорастающего зерна, ср. еще баск. *ale* "зерно", которое тоже, возможно, восходит к значению "язычок", если таково же происхождение баск. *ele* "слово, речь".

17. Ред.: Одно из ценнейших сравнений, так как в самом баскском языке префикс *-ta* все более выявляется не только в каузативном, но как раз и в значении показателя многократности действия.

18. Ред.: Здесь мысль та, что представление о действии или об истинном действии исконно связывалось у басков и лингвистически родственных им кавказских народов с чем-то таким, что имеет обязательно объект, косвенный объект, или и то, и другое, т.е. является так или иначе результативным, адресатным; только нечто подобное и могло составить по той же мысли истинный глгол.

На месте же чего-то "окологлагольного", в будущем абсолютного

или абсолютно непереходного стояло то, что не содержало в себе действия по семантике (инактивность, состояние?) и не было истинным глаголом по форме. Первое имеет свое прямое продолжение в современных т.н. релятивных формах и релятивных глаголах баскского и др. языков, второе - в т.н. абсолютных формах, не содержащих показателей ни объекта, ни адресата.

Столь принципиальной разницы между областью релятивного и областью абсолютного, а также между переходным и непереходным глаголами в баскском языке, однако, не видно - в частности, в самой структуре форм. По этой и многим другим причинам подобный подход, хотя его придерживался и акад. В.Ф.Шиммарев, представляется по меньшей мере сомнительным.

19. Ред.: Насколько важной является намечаемая здесь к установлению, притом во всем возможном объеме типологическая общность ("голова" в грамматике и примыкающей лексике баскского и кавказских языков), настолько же неприемлемо то допущение, что баск. *butu* "голова" имеет суффикс *-ur*, так как это слово по происхождению входит в круг универсальных имитивных обозначений типа **bul* "шар", ср. вариант *bil*, содержащийся хотя бы, например, в слове бильярд; так же неприемлемо, что через корень *b(e)* данное слово связано якобы с баск. *bere* "его, ему самому принадлежащее", и далее с баскским *bere* "он сам".

Последнее не может быть ни бывшим дательным падежом (так как подобных падежных трансформаций в баскском языке вообще не бывает), ни тем более бывшим направительным падежом, который стал якобы дательным, а затем именительным (!). Как увидим, *bere* - это такое же образование от **be* "он" с помощью суффикса *-ra* "же", в целом букв. "он же", что и абхазские личные местоимения *wa-ta*, *ba-ta*, *wa-ra-t* и т.п. Что касается баск. *bere*, то оно образовано от того же **be* "он" с помощью старого форманта родительного падежа *-ra*; ср. *gu-ra* "наш" от *gu* "мы", *ni-ra* "мой" от *ni* "я" и т.п.

20. Ред.: Предлагаемая этимология для баск. *beritu* "бровь" принята в баскологии независимо от Н.Я.Марра (см. примеч. 4) без указанных им здесь типованалогов, сохраняющих, однако свою ценность. Корень типа *ber* "глаз" (именно так в аварском и др. широко известен в языках мира и может быть, по-видимому, восстановлен на уровне крайне отдаленных гипотез (см. выше там же) для баск. *begi* "глаз" **ber-gi*? Более того, возможно, что в конечном счете этот корень окажется идентичным и корню **but/bul* "голова" через значение "шар, круг", способное быть метафорически исходным для значений "голова", "глаз". Однако расчленять этот универсальный имитативный корень на *b* или *be* и *ul*, *ur* или *er*, *el* уже никак невозможно. Относительно части */-g/* в составе

begi как параллельной/t/ см.также выше, прим. 5.

2I.Ред.: Уже как "шар", не говоря о "верх", "голова", имитативный корень *bug, br* и т.п. часто получал в различных языках значение "обволакивать, окутывать, покрывать" (идея, возникшая у нас в совместной работе с Д.З.Гоциридзе) и отсюда, действительно, ряд образований с этим корнем в значениях не только "покрытие, крыша", но, например, и "дымка, кисей, застилающая солнце, туман" и т.п.

Что же касается приведенного Марром культового глагола *ɕabu-tva*, то видеть в нем **ɕbr* "голова" можно лишь при соответствующем объяснении первого элемента, но он остается неясным; если же это *ɕa* "небо", несмотря на иной характер аффрикаты (что соответствует и культовому смыслу данного глагола), то см. о нем ниже в связи с груз. *ɕveri* "верхушка", к обсуждению которого и переходим.

Груз. *ɕveri* "борода, кончик, верхушка" никак не может считаться трехсложным корнем и в этом качестве сравниваться с *ɕabu-tva*, так как, судя хотя бы по баск. *bi-zar* "борода" (сравнение А.Тромбетти) с корнем *zar* и префиксом *bi*, оно состоит из двухсложного корня, а элемент *ɕ* в нем является просто продолжением бывшего лабиального пазвука: **ɕ^wer* (дальнейшие поиски этого корня в баскском могут быть связаны с его значением "верхушка", откуда, в частности, "хребет гор или человека, спина": ср. баск. *zett-a* "спина", баск. *bi-zkar* "хребет гор и человека, спина" и т.д.).

Как двухсложный корень *ɕver* и действительно может быть сравнен с глаголом *ɕabu-tva*, но только с его первой частью *ɕa* как компонентом какого-то (скорее всего копулятивного) композита, редупликата. Как раз подобные композиты позже Н.Я.Марр стал искать (и, к сожалению, находить) повсюду, что стало у него одним из источников элементного анализа, считая другим таким источником переоценку фактора скрепления.

22. Основа *il<hil* означает "смерть", а в глагольной форме как "умирать", так "убивать", но она же могла означать "закалывать", "резать", как то показывают эквивалентные корни в кавказских яфетических языках: *qwl>kw>kl/h²wl(hwy)>h²l(h²ly)>l*; так, груз. *klva<kvla* "убивать", *da-klv-a* "зарезать", мегр. *h²vil-ua>h²vil-u-a* "убивать", ср. *i-p-il-an-x* "я убиваю для себя", чан. *o-qvil-u>o-il-u* "убивать". Чанский язык в данном случае и семасиологически стоит ближе к баскскому, поскольку, как в нижненаваррском *il* означает еще "гасить, тушить", так *qvil>(h²)il* в Хопском наречии чанского языка: напр., *me-pil-ur<me-b-h²ilur* "гашу", *te ka-me-qvil-l* "гаси свет". Настоящее примечание не теряет своего материального значения и

в том случае, если *il* в составе баскской основы *abril* окажется именным суффиксом, т.е. если слово *abrildu* "приносить в жертву, закалывать" овою глагольную природу получает от суффикса *-du*.

От ред.: Относительно бывшего спиранта в андауте баск. *biz-i* "живой, жизнь" (написание *viz* во всех отношениях ошибочно) допущение Н.Я.Марра не является, как мы думаем, невозможным, ср. баск. *giz-en* "жир" от **giz* "живой" (так как само русск. жи-р от жи-ть, как да-р от да-ть), ср. далее баск. *giz* "человек", *iz* "быть" < **hiz* в составе *na-iz* "я есть" и т.д.; однако, при самых смелых допущениях для исхода предполагаемого архетипа **g^wiz* или **h^wiz* мы не можем пока что идти дальше /z/ , а с картвельской стороны -/ç/ или /ç/ .

Кроме того, и звуки /z/ -/ç/ в баскском непосредственно не соотносятся в отличие от /s/ и /t/. Поэтому сравнение сван. *la-weg* "живой" с баск. *bizi id.* на нынешнем уровне баскологии не кажется приемлемым.

Но в виду сван. *la-weg* также в составе груз. *ско-vel-i*, *ско-var-i* мы бы выделили прежде всего элемент *vel*, *var* как один из компонентов композита в значении "жить, живой", что, правда, также не подлежит сравнению с указанным баск. *biz* , исход которого скорее уж напоминал бы часть *ox* в тех же грузинских формах; со сван. *weg* груз. *vel*, *var* мы бы зато сравнили др.-груз. раг-а "скот овечий, деньги", которое первоначально имело, видимо, форму "живое, животное", ср. для значения то же самое *oxvari*, *oxvari* "овца". Что касается баск. *abege* "крупный скот, коровы, лошади" (по Аскуэ), также вообще "животное, зверь", то это слово принято выводить из лат. *habere* "имущество", ср. и исп. *haber* "имущество", но в таком случае и баск. *abrildu* "жертвовать", букв. "убивать *abege*", должно содержать в себе компонент *abege* "животное" или "крупное животное" и быть хотя и языческим, но образованием латинского уже периода, а не более раннего. Однако, как известно, в древности жертвовали, во-первых, не крупных, а мелких животных, овец, коз, следовательно, надо допускать, что *abege*, содержащееся в *abrildu*, значило всё же "овца", а это уже менее согласуется со значением слова *abege* в современном баскском и более приближает его к др.-груз. *рага*.

Не исключено, таким образом, что перед нами - результат взаимной аттракции двух близких во многом, но совершенно разных по происхождению слов, и это заставляет не пренебрегать данным предложением Н.Я.Марра, особенно если верно, что, как он говорит, "совпадение названия животного в быту жертвенного со словом жертва" характерно для кавказских языков.

Наличие у соответствующего чанского глагола "убивать" значения "гасить" для басколога интересно по многим причинам, в частности потому, что в другом комплексе значения "огонь, зажигать", "гореть" оказываются связанными со значением не только "свет", но и "жизнь": ср. баск. *biz-i* "живой" и баск. *piz-tu* "зажигать" и т.п.

23. Ред.: Баск. *seme* "сын" является, по-видимому (таково наше мнение), заимствованием из какого-то *н-е* языка, хотя оно отражено уже в аквитанских надписях, притом весьма широко, и имеет очень ранние производные; дела не меняет и наличие аквитанских имен типа *Sembe*, а также наличие тех теорий, которые порождаются этими именами. Груз. *švil* является по происхождению, как известно, причастием от *šva* "рождать", что отражено и у Марра буквальным переводом "рожденный"; с баскской стороны причастным же, по-видимому, эквивалентом этого слова является **hil* "сын, дочь", выведенное в наших предыдущих реконструкциях из баск. *jil-oba* "внук, внучка", букв. "сына сын, дочь", "дочери сын, дочь"

Что же касается баск. *hile*, *hule*, *hwe*, то оно напоминает скорее занское *hla* "сын, дочь", и в нем вторая часть *me* является либо суффиксальной, либо развившейся по хорошо известной баскологам схеме: *ua>uwa>uwe>ube>uwe*. И в том, и в другом случае, т.е. как в форме **hil*, так и в форме **hila* в анлауте содержится, правда, действительный заднеязычный или спирант, но в баск. **ska* "дитя" (из *ne-ska* "девушка", букв. "женщина-дитя" и из **ska-me* "дитя" в составе *ne-skame* "служанка", первоначально "девушка" букв. "женщина-дитя") этот анлаут выступает уже в совершенно занской форме, т.е. как свистящий, сопровождаемый заднеязычным: /*sk-*/. В одном и том же языке баскско-картвельской группы перед нами может, следовательно, оказаться не только спирантный рефлекс /*h*/ или /*k*/, но и спирантно-сибилянтий /*sk*/. Как видим, картина здесь существенно иная, нежели та, что рисовалась Н.Я.Марру, и порождает она существенно иные проблемы.

24. См. выше *abete* и т.п. С префиксе *i-/e-*, отмеченном в баскском языке (*выше*), а также вошедшем с мексизмами в грузинский язык, надо иметь в виду, что утраченность в нем спиранта (**hi-*) отнюдь не новое явление, поскольку в таком виде тот же префикс появляется в яфетических языках "клинописных" не только в халдском и эламском, но и в месопотамских, где имеем, например, *i-tu* "луна, месяц".

От ред.: Не только в *i-bili-i* "идти", но и в массе других баскских глаголов префикс *e/i-* является показателем причастия, и наличие его в именах существительных типа *ithurri* "источник" говорит об их причастном происхождении. Как в *ibilli*, так и в *ikusi* "ви-

деть", ikuzi "мать" и т.п. у нас нет основания видеть в прошлом суффикс -ti; но только -i, а последний мы не можем связывать со множественным числом: это суффикс причастия и только.

Сходство баск. ibili с баск. bil, bir "круг", "шар", biribil "колесо" является, как полагаем, случайным, так как оба последних слова связаны с bur, bul "круг, шар" (груз. редуликат borbali "колесо" и т.п.), тогда как bil "идти", tur "приходить" связаны с обозначениями воды типа ib-, tur - как эквивалента движения. Баск. ibili не могло поэтому иметь первичное значение, напр., "катиться" и уже впоследствии развиться в значение "идти, ехать": это - древнейшее глагольное образование, сопоставимое действительно с груз. vl и с груз. bil-ik "тропа", и возможно, что это бывшее причастие.

Когда баск. bide сравнивается, однако, с груз. vid (см. абзацем ниже) в составе mo-vid-a, то хотя само по себе это очень соблазнительно, но оставляет нас в некотором недоумении: баск. bi-de является скорее всего именем действия от bil с букв. значением "хождение" с суффиксом -de, но такой суффикс вряд ли можно выделить в корне vid грузинского глагола; следовательно, этот корень мы можем сравнивать только с баск. *bi "путь" от bil, не сблизившись сходством двух /d/.

Приведенные названия снега возвращают нас к затронутым уже наименованиям воды. Подобно тому, как баск. e-ur-i "дождь" является этимологически явным причастием от ur "вода" и означает нечто излитое, изливаемое, подобно этому баск. e-dur "снег" является причастием (периода чисто префиксальных причастий) от *dur "вода"/*thur "вода" (см. выше).

Насколько эта форма реальна, показывает тот факт, что в Испании, во Франции и вообще в Западной Европе элемент dur одержат в своих названиях десятки рек, включая Durius, совр. Дуэро, а вблизи нынешней баскской территории Адур, который в древности назывался Атурис с глухим зубным, ср. также жившее на его берегах племя атуренов и т.п. Формы e-lur и e-lhur представляют собой просто вторичные диссимилятивные образования от e-dur "снег", обусловленные близостью баск. /d/ к /r/, имея в виду не только их контактность в данной форме, но и общую артикуляционную близость.

Вероятно, такими же причастиями, образованными от обозначений воды, являются и приведенные картаельские названия снега типа особенно чан. mturi, и это ставит перед нами вопрос о формальном отношении всей данной группы слов к группе eçali. В виду форм с /v/ как груз. tovl, tviri, а также общий их лабиальности в гласных, связь указанных групп означала бы признание звука /v/ также и в исходных формах этих обозначений воды: ср. такой решающий гидроним, как Mtkvari "Кура".

В случае *e-dur*, также *A-dur, A-tur-is* и т.п. мы имеем в баскском такое же сохранение зубного после гласного, как и в случае *i-thurr-i* "источник", между тем как в баск. *ur* "вода" **thur*, т.е. в начальном положении этот зубной исчезает, как исчезает он и в баскском корне, обозначающем "день", явно **deg*, ср. также *egi*, *egi* "место" и т.п. Если арм. *jur* "вода" является по происхождению тем же словом, что и баск. *e-dur*, то характер его анлаута может быть тоже поставлен в связь с древним падением начального зубного в баскском: преобразование его и там, и здесь оказывалось необходимым в чисто начальной позиции, и состоит оно, в частности, в переходе */d/ > /ʒ/*, а не наоборот, как это казалось Н.Я. Марру.

Такого перехода, собственно, следовало ожидать уже в силу известного значения процессов аффрикатизации, прежде всего – палатализации, порождавшей аффрикаты. Это особенно важно для нас здесь потому, что это говорит о сохранении в составе баск. *u-dagar-a* "выдра", букв. "воды собака" после начального */u-/* более древнего звука */d/*, нежели тот, что имеется в других баскских вариантах слова **dagar* "собака" в начальной позиции.

25. Этимологию слова см. выше. Любопытна мотивировка Ван Эйса: "Не мало авторов пишут это слово как *vizi*, но так как здесь первая буква явно не баскская, то мы не допустили ни одного слова с этой буквой". Перед нами обычная вещь: языковой факт существует, но ученый лингвист его не допускает, не может признать его. При точке зрения яфетического языкознания баскский язык может быть спокойным, что именно существующее в нем будет не только допускаться, а класться в основу теоретического построения, как бы слабо это фактическое существование не было представлено в количественном отношении.

От ред.: В баскском языке нет губно-зубного звука */v/*, а начальный */b/* баскского языка особенно далек от */v/*. В баскском нет и по всей его фоноструктуре не может быть также каких-либо пережитков губно-зубного */v/*, в частности в словах *bizi* или *bidarte*, как бы их ни писать. Оба губно-зубных: */v/*, */ʒ/* чужды баскскому языку исконно, как и картвельским, по каковой причине этих звуков не: до сих пор в сванском языке.

Лабialsный пазвук */w/* во всех этих языках, включая баскский, исконно существовал, и как раз баскское слово *bizi* мы выше возводим к праформе с этим пазвуком **g^wiz*, предполагая, что и */b-/* в *bizi* возникло из этого */w-/* после падения */g-/*. Но одно дело */w-/*, и совсем другое */v-/*. Имя *bidarte* букв. "середина пути" или "междодорожье" включает *bide* "путь", где о пазвуке */w-/* историческом см. выше одно из примечаний.

26. Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений, ИРАН, 1915, 836-838.

27. Ma-hac и т.п. разъясняется как особое префиксовое образование с видоизменением коренного /m/ по закону перебора губного в спирант: m > b/h .

От ред.: С точки зрения закономерностей баскской фонетики здесь возможно и т.н. растяжение (*zerdehnung*), в результате которого долгая форма ma-h-ats < ma-ats происходила бы из mats неизвестной формации. Но есть и еще один подход - Ш.Кинтана: mahats < *bala-ts, где ts является суффиксом собирательности, ср. собирательный характер самой реалии, т.е. винограда, а *bala сопоставимо с груз. *ve-na-xi* "лоза", где тоже есть собирательный суффикс. Последнее, однако, само напоминает и-е слова типа "вино", имеющие и-е этимологии, например, - от ви-ть, ср. груз. образование типа *bi-bil-o* "лоза, пущенная на дерево", от *bil "крутить, извивать" к универсально-имитативному корню *bil "круг".

Два других связанных с виноградарством баскских термина: *hurte* "виноград" (которое восстанавливается нами из названий осенних месяцев) < *hurde* и *ardano* "вино", в настоящее время также "пиво" < **hardano* сопоставимы с груз. *qurjen* "виноград", абх. *a-xardana* "один из известных сортов винограда", но также и с албан. *xardana* "виноград", с учетом, что груз. *qurjen* не производит впечатления исконного слова (В.Гигинейшвили).

Вопрос об истории винограда и названий винограда в целом относительно басков и их языка разработан гораздо менее, чем вопрос об истории хлеба и злаковых (хотя, как думаем, ничто не мешает это сделать), и пока дело обстоит именно так, общее впечатление складывается не в пользу исконности баскской виникультуры, но, возможно, что это впечатление обманчиво. Целую особую область составляют у басков названия, связанные с диким виноградом, но, насколько мы знаем, ими также никто не занимается.

28. Мы не касаемся здесь распространения этого термина в неафетической среде. К перестановке начального *ni*, гевр. *mi*- в *in*- см. выше о слове *inda* .

От ред.: Баск. *ezkur* означает "желудь", а не "дуб"; *ezkurra*, *intxaurra* - это прежде всего формы с артиклем -а, перед которым /-r/ обычно удваивается, и, значит, с современной точки зрения здесь нет никакого суффикса -та . Связать груз. *ni-goz-i* "орех" с баск. *intxaur id.*, было бы конечно, соблазнительно, и даже /tx/бас-

какого слова против заднеязычного в грузинском и армянском не составляет, на наш взгляд, непреодолимого препятствия в виду позиция после *i(n)*, благоприятной для палатализации, но спрашивается, как можно свести вместе, к одному корню исходные звуки /z/h/r/? (ср. выше об этом в связи с *bizi*).

29. От ред.: Несмотря на то, что в баск. *esku* "рука" гласный /e-/ нет оснований считать префиксом, в целом данный раздел комментируемой статьи, по нашему мнению, является в высшей степени важным: во всяком случае, подобных разъяснений для баск. *esku*, насколько знаем, еще никем не было предложено. Дополнительно можно указать, что этимон "рука" действительно встречается в основе числительного "один", также "два", хотя гораздо чаще мы находим его с основе числительного "пять", и что сочетание /sk/ в анлауте обязательно должно в баскском иметь перед собой эпинтезу, обычно /e-/ , тогда как в картвельском наряду с таким же разрешением этого сочетания вполне можно ожидать упрощения группы /sk/ или /ʃk/, что мы имеем в виде *oʃan*. *ʃi-a* , а также в сван. *esɥ* , где упрощение имело место навзирая на эпинтезу.

Армянский, который менее, чем баскский, но все же по-своему сильно тяготеет к эпинтезе, в этом случае ее как раз тоже выдерживает; наконец, в силу той же обычной связи "рука" - "пять" можно предположить, что и груз. *xi-ti* "пять" < *ʃku-ti* в результате упрощения той же группы /ʃk/.

30. От ред.: Реконструкты для 1 и 2 в баскском имеют избирательные связи в картвельских числительных, ряд общих элементов обнаруживается в словах 5 и 10, которые являются несомненно древнейшими числительными (см. исследования В.З.Панфилова). Вопрос о 3 и 4 остается открытым, остальные баскские числительные возникли явно вне связи с картвельскими.

31. Басковеды настойчиво указывают, что *ur-a* "вода" не должно быть смешиваемо с *ur-i* "город", имеющим обязательно в исходе -i (А.Р. Pott, *Baskische Familiennamen*, s. 38 : "так как *ur-a* "вода" никогда не имеет исхода *i* ". Между тем -i лишь именно окончание, как -a в *ur-a* лишь определительный член, и чистая основа формально тождественна *ur-a* в обоих словах, но не можем отрицать и взаимной генетической связи обоих слов *ur-a* "вода" и *ur-i* "город" друг с другом, если понятие "город", связанное с *uri*, имеет значение населенного пункта, а не крепости: в яфетических языках *map* / *van* "строить, насаждение, поселение, село, город", *map* "строить, насаждение, поселение, село" также находятся в неразрывной связи с понятием "вода". Впрочем, *ur* "вода" появляется и с -i в значении "дождь", в некоторых диалектах с префиксом *e-*: *ur-i*, *e-ur-i*.

Ред.: Названия города могут происходить действительно от обозначения крепости, т.е. круга, ограды, в частности от корня *bul, bil*, ср. *vil-bil-is* в древней Испании, но также от обозначения святилищ у воды, священных водоемов и т.п. И потому относительно, например, форм *uri, iri* "город", которые имеются в самых различных языках, важно знать, что именно находилось раньше в их афлауте. Правда, и формы типа *tur* в значении "город", идущие на первый взгляд от обозначения воды, часто выступают в названиях крепостей, может быть уже в силу перехода "город" > "крепость".

32. Ред.: Материал содержится здесь важнейший, хотя в нем недостает сванских форм *stug^w, ädug^w*, ср. также чан. *mtug, mtuj*. В столь полном виде этот материал здесь, по-видимому, также впервые вводится в научный обиход. К сожалению, в силу его сложности этот материал остается до сих пор не истолкованным (см. нашу попытку здесь в послесловии).

33. Префикс иногда и опускается: *usk-ara*, а то исчезает губной гласный *u*: *e-ak-ara*, но порой этот же гласный перемещается: *e-akual-dun* *he-akal-dun*.

34. О происхождении этнических терминов типа баск. *eusk* и т.п. см. введение.

35. Topolovšek J. Die Basko-slavische Spracheinheit, Wien, 1894.

36. Pott A.F. Ueber baskische Familiennamen, 1875, с. 41. Ред.:

В связи с толкованием басковедами фамилии *Vidarte* указывается F. Pott, Ueber Baskische Familiennamen, Detmold, 1879 (sic!), с. 9.

II. БАСКСКИЙ ТЕРМИН *UDAGARA* "ВЫДРА" (перевод с французского)*

Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог бы сказать что-то новое, совершенно новое о баскском языке, смог бы сказать о нем нечто такое, что еще не было сказано или хотя бы угадано заранее учеными или исследователями-энтузиастами. Среди многочисленных высказываний о нем будут, конечно, и такие (и немало), которые совпадут с нашими, и хотя (я это признаю) меня интересуют не столько мысли, идентичные с моими, сколько пути их получения, но я, во всяком случае, желал бы воздать должное тем, кто писал на эту тему, и, если мне это не всегда удастся, то я надеюсь, что они мне это простят, поскольку виною тому не будет ни недостаток желания, ни невнимания к ним. Впрочем, имеются оправдывающие обстоятельства, ибо, не говоря уже о существующих условиях, так мало способствующих попыткам достижения желательных результатов, как и о моем ограниченном стаже в баскологии, я не имел времени разобраться хотя бы в хорошо известных и доступных материалах.

Впрочем, само желание "разбираться" (ориентироваться) в сферах, смежных с основной научной специальностью, не на правах дилетанта является всего лишь мечтой. И вот как раз, чтобы спасти наши исследования от угрозы дилетантизма, Российская Академия Наук приняла решение о создании Института Яфетидологических Изысканий с целью привлечения к общей работе ученых, которые в равной степени интересуются изучением как чисто яфетических языков, восточных и западных, так и других, связанных с ними благодаря скрещениям или влияниям.

Недавно мне стало известно, что баскский термин со значением "собака" рассмотрен в двух статьях Гуго Шухардта¹. Хотя там ни разу не упомянуто слово *udagara*, выдающийся лингвист из Граца идентифицирует одно из баскских названий собаки с грузинским ჯაღ-1. Для основной заключенной здесь идеи прекрасным предзнаменованием служит то, что, отправляясь от разных исходных пунктов, мы с Шухардтом сблизились хотя бы частично, не зная сами об этом. Разумеется, Шухардт опирался на факты, взятые из романских языков и также из смежных филологических областей. Чтобы включить в эту нашу статью (см. тут же ниже) данные и выводы Г.Шухардта, нам пришлось дорабатывать эту статью уже после завершения, и нам кажется тем более необходимым привести здесь место, касающееся баскского термина "собака" в последней интерпретации Шухардта, где он сам подчеркнул различие методов, которыми мы пользуемся, рассматривая

* N.Mart. Le terme basque *udagara* "loutre" - ЯС, с.1-30(Mart, 1922 a).

· этот вопрос. Вот это место :

"48 "собака". баск. *zakur*, *takur* "собака" (последнее является собственно уменьшительной формой, которая, однако, в большинстве говоров потеряла это значение)³. Я указывал (*Z rPh*, 1905, 227) на соответствующие слова в сардинском, в различных языках Балканского полуострова (*zakari* и т.д.) и в кавказских языках (груз. *zakli*) и т.д. и высказывал предположение о связи с ними обозначений шакала (санскр. *ṣṭgālāś* , новоперсид. *beḡal*). По-видимому, отдельно надо разобрать семитическое слово для лисицы, шакала: (he) *bū'al* и т.п. Заслуживает упоминания и среднеафриканское *saḡar* "шакал".

"48 а баск. *ozar* "собака" - см. выше 46 (дело касается слов, обозначающих "лису") и т.д.

"48 в баск. (h)ot, (h)ota "собака" (с окаменевшим артиклем? - Так у Аскуз). Кавказские языки имеют несколько соответствующих форм, как напр., буд. *ḥor* ; в хамитском сюда относятся:

II · *whr* , копт. *uhoḡ* также *uhoḡ* "собака";

III нуб. *vel* , южно-нуб. *bol*, *boal* "собака";

VI сахо *kaḡe* "собака", сом. *hogor* "гиена";

VIII хауса *kaḡe* "собака".

... Наконец, остановимся на баскском *hog* .., в сахо *kurkur*... Последнее обозначает щенка, молодую собаку и напоминает нам дравидское название собаки: *kurkutta* и т.п. С ним Альбрехт⁴ связывал баск. *takur* .., усматривая за этой связью и этим поразительным созвучием тождество самих пород: тибетской и пиренейской собаки. Сколько соблазнительных моментов, которые делают спорными результаты исследований !"⁵

В конце своей первой статьи, после перечисления европейских вариантов баскского *zakur*, *takur* г-н Шухардт позволил себе выразить свое мнение насчет баскского термина (*ibid.*): "Относительно строения этого слова, имеющегося в языках юго-восточной Европы и все еще окутанного мраком, пишет венгерский ученый B. Miksaesi (*Arja es kaukaszsi elemae a finn-magyar nyelvokben*), и я не против его суждений в этом вопросе как относительно баскского *zakur* , так и грузинского *zakli* и т.д.; я добавляю к этому, что термин "шакал" можно также в языковом отношении рассматривать как "предковую" форму для обозначений собаки".

Необоримые факты ныне вынуждают лфетидологию отказаться от того общепринятого мнения, что область лфетических языков ограничивается Кавказом. Постепенно выработалось противоположное соображение, которое, как ни трудно, лфетидолог должен принять.

К лфетическому слову восходят различные языки доэллинистского на-

селения Средиземноморья. С незапамятных времен этнические массы, говорившие на этих языках, являли собой непрерывную цепь родственных племен, распространяясь от Пиренеев до восточных берегов Средиземноморья и от Черного моря до Каспийского и Месопотамии, а также до глубин Азии.

Было ли это население первоначальным? Обсуждение этого вопроса, на наш взгляд, является преждевременным в настоящее время, и мы ограничиваемся тем допущением, что в названных районах многочисленные яфетические языки этих народов предшествовали всем индоевропейским. Следовательно, баскский или зукарский язык может рассматриваться только как остаток одного из этих яфетических языков Европы или скорее всей Евразии.

Понятно, что мы принимаем яфетическую этимологию для баскского термина *udaata*, лишь убедившись в родстве баскского с яфетическими языками. Для нас это родство несомненно⁶. Думается, по своему этническому имени баски являются лишь оторванной частью абхазов, когда-то они были прозваны греками *A-basques* (*Abasqoi*) или же просто баски (кавказские), поскольку начальный /а-/ является просто абхазским префиксом, который, впрочем, известен и пиренейскому баскскому.

По своему имени баски идентифицируются также с месхами Грузии и с мушками, которые были известны ассирийцам в Армении XI века, т.е. в доиндоевропейской Армении⁷. Было бы смелостью утверждать, что идентичность этнических названий не имеет никакого отношения к генетической связи языков, поскольку протобаскский язык оставил следы в яфетических языках Востока, прежде всего в одноименных языках или в языках, где элементы баскского возникли как результат скрещивания, например, в сванском, грузинском и в двух языках Армении. При этом следы, оставленные басками и переданные последующим поколениям путем различных скрещиваний, иногда представляют собой формы более чистые, чем те же формы в современном баскском. Что касается одного из языков Армении, а именно, древне-литературного армянского языка, то там баскский составляет основу яфетического слоя, хайкскую (*haïcasal*) основу. Протохайкский (*haïcasal primitif*) и протобаскский составляют одно и то же под двумя разными названиями (чтобы быть более точным, это две различные формы одного названия)⁸.

Существующий сегодня баскский язык в свою очередь далек от того, чтоб быть чистым типом яфетического слоя (чистым продолжением протобаскского, например): это тоже смешанный язык, и есть все основания ожидать в нем наличия иберийского слоя, который можно было бы идентифицировать хотя бы частично с мегрельским и чанским, тогда как другие черты позволяют усмотреть в нем сванский слой.

Как видно уже из этого, сейчас меня занимает вопрос определения места современного баскского среди яфетических языков – вопрос сложнейшей, если рассматривать его с яфетидологической точки зрения.

Ведь с этой точки зрения дело касается не простой связи одного из праязыков с родственными языками, но связи современного баскского с этим результатом смешивания разных яфетических языков с другими яфетическими языками, которые, в свою очередь, представляют собой результат многоразового скрещивания.

Современная яфетидология не допускает существования ни одного языка какого-либо племени, который остался бы вне скрещиваний. Не намереваясь специально рассматривать здесь эти вопросы, я не могу все же полностью обойти их, поскольку необходимо ознакомить читателя с некоторыми основами яфетической лингвистики, после чего только и можно понять нашу этимологию изучаемого баскского слова.

Нами принято, что в языках, называемых яфетическими, имеется несколько ветвей, включая сибилантную и спирантную: каждая ветвь делится на группы: в сибилантной ветви их две: одна свистящая, другая – шипящая; напр., слово, обозначающее душу, будет в свистящей группе *su1* (груз.), в шипящей *šut* (чан., негр.)⁹

Здесь и далее мы ограничиваемся ознакомлением с основными фактами без углубления в детали, касающиеся диалектных нюансов.

Перебой /l/ > /r/ – это один из фонетических законов, характерных для взаимных связей этих двух групп: /s/ (свистящей) и /š/ (шипящей), хотя в последней мы констатируем два фонетических закона, следуя которым /l/ превращается в /w/ ¹⁰, а /r/ уступает место /ʒ/, геар.-/пʒ/. Отсюда видно, что в языках шипящей группы могло в одном и том же слове иметь место вторичное изменение: *šutʒ > šurʒ*, если здесь перед нами действительно то самое слово, которое до сегодняшнего дня сохранилось в двух языках Армении, в которых остатки языка шипящей группы образуют целый слой как в лексике, так и в морфологии.

В их внутренних взаимосвязях со стороны вокализма обе указанных группы имеют одно строгое соответствие. Случай *su1/šur* сюда не относится, поскольку здесь гласный – лишь пережиток долгого гласного, в котором согласная фонема слилась с гласной, теряя свой естественный облик, различный в каждой группе. В интересах нашего сообщения нужно отметить, что существует звуковое соответствие между /a/ свистящей группы и /o/ шипящей группы, напр.: свист. *ʒag* "презирать" – шип. *ʒog*, свист. *ca1* "опустошить" – шип. *čol*, свист. *paɾ* "покрыть" – шип. *poɾ*, свист. *kaɣ* "мужчина" – шип. *koč* и т.д. Нужно отметить в то же время существование полной вокализации в шипящей группе с дальнейшим превращением фонемы /o/ в фонему

/u/ под влиянием лабиального звука, когда последний оказывается между согласными корня, напр.:

свист. группа	шип. группа
katah "курица"	kotah
kpar "муж"	komoh "муж", но также komol, kumol "самец"
qabl "каштан"	čubur на месте *čobor

Это соответствие настолько важно, что язык идет скорее на изменение согласной (т.к. это для него естественней), чем на изменение исконной гласной, ср. например, свист. xaxl "дом" - *xoxoh-e/i > xoxoh-e > doxoh-e. Именно doxoh-e и употребляется в мегрельском в значении "дворец", но для обозначения "дома" мегрел и чан располагают лишь его трансформацией, возникшей благодаря изменению начальной свистящей фонемы в спирит, затем исчезающий: xohoh-i (< *xoxoh-i // xoxoh-i). Это слово вовсе не принадлежит спиритной ветви яфетических языков: в противном случае, имела бы место совсем иная вокализация, а именно /e/. Не касаясь даже качества согласных, все же наш долг отметить в данном случае влияние на них какого-то спиритного языка. И это яркий пример скрещивания языков: влияние спиритного языка, который слился с представителями шипящей группы - мегрельским и чанским, что проявляется в переходе шипящего начального /č/ в спирит /h/ и в последующем исчезновении последнего.

Нужно все же отметить, что тенденция к изменению /o/ > /u/ выявляется иногда также под влиянием лабиала (это зависит от свойства местного произношения). Впрочем, дело касается факта, уже разъясненного мной в одной из моих статей о яфетических элементах в языках Армении, а именно того, что изменение гласного /a/ > /o/ не первично даже в шипящей группе и что некогда здесь имела место полная вокализация /a/ - /a/ на месте /o/ - /o/, как это можно видеть в словах шипящей группы, которые сохранились в языках Армении¹². Более того, на Востоке, в языках шипящей группы, кроме изменения /o/ > /u/ под действием лабиального звука, иногда независимо от этого, можно наблюдать последующее падение /u/ > /i/, вызванное тенденцией к диссимиляции внутри шипящей группы, как я это показал в моей работе "Яфетическое происхождение армянского слова *patrak "пророк" (с. II 50, II 58): свист. varak (груз.) "звезда" (/ *trak /) // шип. *moročx (šmoročx), откуда чанское mtrich-i (говорящие Хопе и Бице), но мегрельское mtrich-i. На западе, в баскском мы должны констатировать переходящее положение вокализации, и это факт особенно любопытный, так как процесс звуковой трансформации остановился на полпути, переходя от исходного /a/ - /a/ к вторичному диалект-

тому состоянию /o/ - /o/ гевр. последующее /u/ - /u/: это, так сказать, половинная диалектная вокализация: /a/ - /u/ I³.

Что касается согласных, то нужно вспомнить, что независимо от общей тенденции в баскском к упрощению сложных фонем, аффрикаты там всегда представлены простыми звуками, и, что, кроме этого, палатальные композиты (o//č-ž - o//č) заменены соответствующими слабыми сибилантами (a//š, z//ž), а гортанные сложные (les сопросёв guttu-gaх q//k>g²-x/q слабыми спирантами (h/h², ç//j), которые обычно исчезают.

Вследствие этого груз. Jaḡli "собака", регулярно представленное формой Joḡori в двух языках шипящей группы, без этого диалектного перебоя /a/ > /o/ имело бы форму *Jaḡar в той же шипящей группе I⁴. После упрощения сложных звуков, неизбежного в виду звуковой структуры баскского языка, т.е. после замены /ž/ звуком A / и /ç/ звуком /g/ в баскском, мы должны иметь в данном случае форму *daḡar I⁵. Но именно ее-то мы и имеем в древнейшем по своему вокализму баскском термине u-daḡara, дословно означающем, как мы увидим, "водяная собака".

Однако в виду возможности существования рядом с древнейшей (по ее вокализму) формой Jaḡar, а также рядом со вторичной Joḡor третьей формы (промежуточной или переходной) с вокализмом /a/ - /u/ мы приходим к форме *Jaḡur > *čakur, которая и представлена в баскском с особенностями, соответствующими звуковому строю этого языка, т.е. в виде čakur и čakur, из которых первая лабурдинская, а другая принадлежит нижненаваррскому, сулетинскому и другим баскским диалектам Франции (неточно, т.к. других баскских диалектов, кроме указанных, во Франции нет - прик.пер.). Третья баскская форма vakur (орфографически zakur), принадлежащая гипускоанскому диалекту (в Испании), претерпела влияние свистящей группы, Баскологи находят в противоречии с реальностью, когда утверждают, что первые два слова (čakur, čakur) являются просто формами уменьшительности от третьего I⁶.

Эти утверждения не соответствуют употреблению того же слова у басков, тем более - истории баскского языка. Напротив, в словах čakur, čakur мы имеем более древние варианты, и это несмотря на тот факт, что в баскском композите u-daḡara содержится еще более древний вариант, чем даже данные два, независимо от того, будем ли мы судить о его древности по его вокализму, или по качеству анлаута, представляющего полную степень звонкости (d < ž) на месте средней (č). Причина сохранения столь древней формы в данном композите останется неразъясненной. Имеем ли мы перед собой просто образования далекого прошлого или нечто пришедшее через неизвестный сегодня баскский диалект, сохранивший эту пережиточную форму шипящей

группы яфетических языков?

Начальный гласный в *u-daḡaḡa* представляет собой остаток целого слова *ur* "вода" с утраченным конечным плавным, который падает, когда в композите за ним следует другой согласный. Этот факт давно уже объяснен баскологами. В частности, еще в 1873 году, касаясь термина *udaḡaḡa*, Ван Эйс сделал тот вывод, что элемент /ч/ в нем, вероятно, остается от *ur*. Но и форма *ur* не представляет полного слова, так как в ней отсутствует начальный спирант /h-/, который все же вновь возникает в баскском, в некоторых из его диалектов, в таких образованиях, как, напр., ниж. - нав. *hurta* "орошать", "поливать" и *hur-kari* "водонос". Здесь в *hur* мы имеем, как показано, неоспоримый вариант яфетического наименования "воды", вариант из шипящей группы (*ḡur < ḡur < ḡur*), где, однако, под влиянием спирантной ветви произошла, как это обнаруживается обычно, спирантизация алаута с последующим его исчезновением. Но именно этот вариант появляется в лапидарных надписях Армении, страны, с незапамятных времен населенной басками, где указанный вариант проник в халдский язык ванских клинообразных надписей, датируемых IX веком до н.э.¹⁷ В том же слове баскологи восстанавливают редкий случай отсутствия геминации /x/ в положении между двумя гласными в исходе слова, ср. обычную форму с определенным артиклем (h)*ur-a*, но дело в том, что это явление, по-моему мнению, не органическое, оно имеет лишь функциональное значение и служит для отличия от того же слова, когда оно обозначает "жалость, сочувствие", ср. *hur-r-i* "несчастный", *hur-rikal* "несчастье, жалость" и др.

Основанием здесь является одна из особенностей всех яфетических языков, в которых с помощью одной и той же основы выражаются два значения: "вода" и "сожаление; милость, милосердие".¹⁸ Вернемся, однако, к случаю, когда огласовка, свойственная шипящей группе, связывается с одной из характерных черт спирантной ветви, а именно, с конверсией корня в спирант /h²/, как мы только что рассмотрели в связи с h² "охот" на месте "воход" "дом" - этот пример взят из шипящей группы яфетических языков Кавказа. Дело в том, что халдский язык ванских клинописных надписей показывает тоже скрещивание в фонетике особенностей шипящей группы с чертами спирантной ветви. Но и в пиренейском баскском наблюдается такое же скрещивание, осложняемое случайными явлениями, а именно: а) спиранты согласно общей тенденции в баскском теряются, когда они не усилены подъемом до /k/; б) в виду отсутствия долгих гласных два идентичных гласных звука, следующих подряд, сводятся до одного, и вследствие этого баск. *ḡoḡor*, *ḡeḡor* под фонетическим влиянием спирантной группы оказывается заменено словом **hoḡor*, которое реально представлено формами *oḡ* (**oḡor*)/*oḡor* "собака".¹⁹ Для истории баскского языка мы считаем весьма по-

казательным тот факт, что в композите *идагата* в его части со значением "собака", не принимает участия ни скрещенный вариант *hor* - *or*, ни "половинчатый" вариант с огласовкой /a/ - /u/: *ḥakur*, *ḥakur*, ни, наконец, полностью трансформированный вариант /o/ - /o/: *ḥoḥot* (мегр., чанск.): в баскском это было бы **dogot*, из которых последние два восходят без ущерба для их корней (согласных) к шипящей группе (принадлежат ей).

В составе нашего композита выступает еще один вариант: *dagar*; это слово той же группы, но более древней эпохи постольку, поскольку оно сохраняет в чистоте исходную огласовку /a/ - /a/, приближаясь таким образом к овистящей группе. Скрещенный вариант *or* (< *hor*), предельно сносенный и выглядящий как намного более новый, можно было бы приписать лишь пиренейскому баскскому или зукаррийскому (который иногда даже среди баскологов не считается автохтонным), а еще точнее - тому его предку, в котором уже достаточно поздно имело место переплетение сибилантичного типа со спирантным. Однако этому препятствует наличие одного очень интересного термина на Востоке, да к тому же в таком из яфетических языков, который обладает древнейшей письменностью, именно - в шумерском, где мы имеем, видимо, форму *or* "собака". Кунеологи-графисты²⁰, правда, читают ее, как /u/, что объясняется, может быть, тем, что в клинообразной письменности не различают /o/ и /u/, поскольку для обоих звуков существует лишь один клинописный знак.

В яфетических, как и в древних семитических языках, которые следуют традициям, завешанным им яфетидами, диалектное колебание между /o/ и /u/ было общим явлением, предопределившим ненужность создания для этих звуков двух различных знаков. Вследствие этого один-единственный клинописный знак служит двойному выражению как /o/, так и /u/, ср. в арабской письменности "надстрочный знак" *ḍamma*. Так же обстоит дело с графическим изображением *e/i* или *v/w/m*, причем и этот ряд явлений письменности органически связан со звуковыми свойствами яфетических языков. Впрочем, мы констатируем тот же факт и в ванской клинообразной письменности, которая лишь приспособлена к природе одного из яфетических языков Кавказа - хаддского.

В то же время для слога *ur* клинообразная письменность Месопотамии располагает рядом знаков: там имеются для его выражения два вида композитов, один из них состоит из пяти клинообразных знаков   , другой - из шести знаков, из которых один знак удвоен (*a double tête*)   . Спрашивается, не представляет ли один из них, может быть первый, во всех случаях звук /o/. При обращении ко всему подобному с точки зрения лингвистической реальности чувствуется необходимость пересмотра. Кунеологи-графисты довольствуются тем, что ставят над буквой "u", как она представлена во второй

группе, условный знак, а именно accent aigü, и не стараются установить за этим фонологическую реальность, как лишенную, быть может, интереса с точки зрения семитической филологии.

Наконец, никак нельзя исключать и того, что в шумерском языке фонема /o/ могла превратиться в /u/, как это очень часто бывает в некоторых яфетических языках, и тогда собака должна была называться по-шумерски ug вместо og. Единство того же термина у басков и шумеров не выводит нас из единой среды яфетических племен, которые соседствовали в доисторическую эпоху в одной ограниченной области, образуя тесное этническое единство, восходящее к их общему происхождению. Если слово hug - ug "вода" оказывается общим для баскского и яфетического языка доиндоевропейской Армении, т.е. для языка халдского народа (который занимал район, граничащий со страной мушков, на их племенном уровне тех же басков), то другой термин hog - og, гевр. ug "собака" выясняется как общий для басков и шумеров, народа, носящего, согласно яфетидологии, название, общее с иберами, этими соседями басков как на Востоке, особенно в границах Армении и Грузии, так и на Западе, на Пиренейском полуострове.

Мы не располагаем басспорными фактами, чтобы настаивать на том, что этого слова не было в языке халдов, господствующих в Ванском царстве: его отсутствие в известных нам до сих пор кинообразных халдских надписях может иметь не одно объяснение, и самое показательное из них то, что в этих надписях, ни в одной из них дело не касается собаки. В то же время, имеются некоторые указания в пользу того, что Руши, или Разы (Rases), более известные под географическим названием У р а р т у (у р а р р т и й ц ы)²¹ народ, некогда селившийся в границах Армении вместе с мушками, халдами, и иберами, даже опережая их, называл "собаку" тем же именем hog или с анлаутом на более высокой ступени - og-hog. Мы находим следы этого у лезгинцев, выходцев из того же народа Рушов, или Расов (ibid., с. 329), которые оставили свои этнические названия, преобразованные в языках разных групп, в таких топонимах Армении, как Урарту и Арарат (Н.Март). Надпись Сардура II, сына Аргишти в Даш-Керпи на Чалдырском озере. - "Записки Кавказского музея", серия В, I, Петроград, 1919). Архетипы hog - og с падением конечного звука /t/ > /j/ явно выделяются в следующих словах разных лезгинских племен, всегда означавших "собака": авар. hox, дид. {wa} < {xo} (судя по хваршинскому juw), ботл., годоб., ахвах. хвај (< xoј) и др.²² И, наконец, в районе Памира живут вершики, племя также яфетического слоя, имевшее такие же особые лингвистические отношения с народами Армении и Пиренеев, что и с народами северного Кавказа: у вершиков имеется (с основой hu) слово huk [hu-k] "собака" (Зарубин), перешедшие от них или от их родственников также к кунджутам (Андреев).

Что касается шумерского варианта, то он составляет общий тип с баскским словом, будем ли мы произносить его как *ur*, согласно законам, уже установленным кунеологами-графистами или пересмотр вопроса нас вынудит принять его фонетически за *or*, как я это предлагаю. В шумерском он более употребим, чем в баскском, и входит в серию шумерских композитов: *ur-gal* (*or-gal*?) "большая собака", *ur-tur* (*or-tur*?) "маленькая собака", *ur-barra* (*or-barra*?) "дикая собака". Впрочем прилагательные, которые следуют за *ur* в перечисленных образованиях, также находят свое лингвистическое объяснение с помощью материалов, которыми располагает яфетиология: а) ср. то объяснение слова *tur* "маленький", которое недавно было опубликовано (Н. Я. М а р р, Надпись Русы II из Маку - 380, XXV, 1921); б) ср. *galgal* "большой" или его удвоенную форму *galgal* со значением "очень большой", также "большой" в удийском. *kal-a* (< *gal-a*) "большой" и в сванской форме с удвоением *gangal* (< **gal-gal*) "превосходный", "изумительный", "важный"²³; в) что касается прилагательного *bar-ta* "дикий", дословно - "полевой", итал. *forrestiere*, то оно образовано с помощью основы *bar*, объясненной с яфетидологической точки зрения в моей предварительной статье о яфетическом происхождении баскского языка: там это прилагательное рассмотрено в паре вместе со словом *bañ* "дикий", "пустынный" - его баскским вариантом. Вариант *or*, геар. *ur* выявляется у шумеров также в составном термине, который непосредственно касается нашей темы: это шум. *ur-a* (*or-a*?) которое обозначает собственно "водяную собаку", что, несомненно, подразумевает "выдру": обычный композит в яфетических языках, служивший для выражения этого понятия.

При освещении в работе по армяно-грузинской версии "физиолога" армянских и грузинских эквивалентов греческого термина *ἐνυδρίς* или *ἐνυδρίον* мне представлялось (это было в 1904 году)²⁴, что слова соответствующих кавказских литератур могли действительно иметь структуру греческого термина, до раз названные греческие слова были образованы далеко не по ожидаемой модели²⁵, оставалось допустить что в "П" (греческой копии нашей армяно-грузинской редакции) это животное имело, вероятно, название *ὄβροχύων* (при условии наличия самой статьи с "выдрой"). И действительно, у греков есть название *χύων* *Ποικύων* применительно к "бобр", как это уже отметил Neusinger²⁶. Да и вне греческого также находят нечто похожее на отнесение названий выдры к бобру и наоборот, что осложняет самое их употребление; для подобного переадресования названий существуют, впрочем, и другие причины, объяснение которых касается сферы лингвистической палеонтологии.

Из того факта, что арабский термин соответствует греческому,

Хойзингер выводил, что греческий в данном случае мог быть образцом для арабского. В моих работах о физиологе я не уделил достаточного внимания элементам, происходящим из народной речи, участвовавшим в образовании армянского композита հան-ջր^1 "выдра", что значит собственно "водяная собака", как это отмечено в той же проанализированной книге; кроме этого я не обратил внимания на другой вариант также народного происхождения, который существует в армянском диалекте Հսythoun^a : հան-ջրuk .

Я также не учел, что тот же способ образования композитов в значении "выдра" очень распространен в других яфетических языках, как и в тех, которые насыщены яфетическими элементами, напр. в курдском, который в своем диалекте Мок имеет, по сведению Орбели, соответствующий композит $\text{sa} \text{ } \text{âvek}$ (также более редкое $\text{sa} \text{ } \text{âve}$). Правда, по своим материальным элементам этот курдский композит восходит к персидскому, но существование идентичного по своему составу термина в персидском — $\text{سگن} \rightarrow \text{سگ} \text{ آب}$, еще не есть в данном случае свидетельство иранского происхождения, как не является свидетельством турецкого происхождения османское выражение su-köröki "выдра", употребляемое в пояснительном тексте большого армянского "Словаря" ²⁷. В то же время речь идет об этнических единствах, очень многое унаследовавших от своих предшественников яфетидов и шумеров, и дело не только в заимствованиях, но и в физических смешениях.

К несчастью, в языкознании почти не подозревают о реальности и значимости этой проблемы, хотя и неоднократно ставившейся. Лишь затрагивая ее и я, напоминая, в частности, что интересующий нас термин оставил следы, которые прослеживаются вплоть до шумеров ²⁸

Наконец, при подготовке моего издания физиолога, которым я занимался уже довольно давно, я в свое время не понял (было бы точнее сказать — не смог понять), что древнегрузинский термин հան-ջալ^1 это композит местного происхождения, который передает значение "выдры" тем же способом и который означает буквально "водяная собака".

Дело в том, что мне казалось, что ჯაլ^1 "собака" здесь добавление искусственное и лишнее, ибо уже самая простая форма հան обозначала в грузинском выдру. Что касается второй части ჯაլ^1 — дополнительной части, которая казалась мне возникшей благодаря грузинскому переводчику, то я ее объяснил тенденцией переводить дословно армянский оригинал, от которого зависел переводчик, а также и тем, что, исходя из этой тенденции, он старался передать армянский композит грузинским композитом же, ср. тот факт, что грузинское შ-հან^1 уже в простой форме означает "выдра", "бобр", и в этом значении данное слово без префикса (հան) употребляется в сванском ²⁹.

В действительности дело обстоит так, что само по себе др.-груз.

м-сав-1 только потому всегда обозначало выдру, что при нем всегда (же) подразумевалось ჯაღი "собака" (эллиптируемое), а само м-сав-1 этимологически значило лишь "вода", но не "выдра", но именно это-то все же в свое время и было трудно, невозможно понять. Это все мною было осознано позже, когда неожиданно появилась возможность установить эламский вариант яфетического слова, обозначающего "воду", а именно *wa* (< *zaw*);³⁰ (с. 61) эламский архетип *zaw* послужил нам основой для опознания в грузинском слове м-сав-одного из фактов эламского или другого близкородственного, яфетического языка. То же эламское слово всплывает в названии реки *Zab* (Zāb сир. ܙܒܐ и ܙܒܐ, араб. الزاب), которое представляет в отличие от ряда других наименований рек в яфетическом мире лишь нарицательное слово "вода".

Наконец, та же форма имеется в группе абхазо-адыгской или баскско-зыхской, где благодаря вмешательству синкопы³¹ (с. 5-6) и пермутации в паре "согласный + w" (ibid, с. 6-7) архетип развился в *bja* (к-*ja*) у зыхов (откуда идет а-*ja* у абхазов, этих кавказских басков по названию) (ibid, с. 38) и в *rea* у адыгейцев (Zykhne), также у абхазов в композитах со звуком /p/ на месте /p/: а-*re-lā* (к а-*re-lā*) "бобр", но скорее все же "выдра" (буквально: "водяная собака").

Аналогично вышерассказанному, арм. *žan-žri* и груз. м-сав-*jaŋl-i* и др. передают понятие выдры с помощью описательного композита, состоящего из слов "вода" и "собака", но имеется различие в порядке этих слов, определяющего и определяемого, что зависит от синтаксиса. В древнелитературном армянском (язык, производящий множественное число с помощью -*k*) так же, как и в персидском и курдском и шумерском, этот порядок иной, чем в грузинском, поскольку определяемым там опережается определяющее: напр., др.-лит. арм. *žan-žri* составлено по типу французского синтаксиса, оно означает "собака воды", или "собака водяная", тогда как в грузинском м-сав-*jaŋl-i* показывает порядок, противоположный потребностям французской речи, а именно "воды собака", или "водяная собака".

Несмотря на это, мы находим ту же структуру сложного слова и у армян, в том их языке, который сегодня малопонятен, который образует множественное число с помощью /r/ (+e-ar > er// -ir), и где до сих пор и сохранился наш термин, сконструированный в соответствии с грузинским типом *žri-žan* "воды собака". Мы встречаем то же слово также в тексте 1689 года "Описание Версаля Шахмурадом"³² (с. 394-395) и в диалектной форме *žri-žan* у моков или моковцев наших дней, по записям проф. Орбели.

Такова структура того же описательного термина и у чанов, чистых яфетидов, которые мне передали бобра словами *yalib žoyori* "воды собака". Мы имеем несомненно тот же тип композита (с первым неоформленным грамматическим членом) в баскском *u-dagar-a* (< *hur-dagar-a*).

"выдра", что означает "водяная собака" (буквально: "вода собака").

И этот композит представляет собой интерес для истории баскского языка, поскольку в нем видна встреча двух разных слоев, отложившихся в баскском: ср., с одной стороны, $\text{п, гәбр-иг} \leftarrow \text{һиг}$ "вода" – порождение слоя спирантной ветви яфетических языков (правда, уже не чисто спирантной, а смешанной с шипящей группой), а с другой стороны, $\text{dagar-a} \leftarrow \text{ᵛdagar}$ как слово, неизменно представлявшее только шипящую группу сибилантной ветви. Если допустить, что первое слово представляет в баскском его аборигенное начало, которое на Кавказе идентифицирует с языком месхов и мушков (и отсюда под соответствующим влиянием, возможно, форма иг "вода" в халдском языке ванских клинообразных надписей), то ᵛdagar-a будет скорей остаток сонского или ᵛau'p ского языка, представленного сегодня на Кавказе в наиболее чистом виде чанским или лазским и мегрельским, с которым, видимо, идентифицируется и язык восточных или кавказских иберов; однако в этих яфетических языках Кавказа мы наблюдаем изменения вокализма в соответствии с некоторыми вторичными диалектными тенденциями (ᵛoᵛot), тогда как баскский сохранил исходный вокализм, как это имело место также в элементах той же группы, сохраняющихся в языках Армении.

Мы встречаем скрещение того же порядка, т.е. соединение двух слов, принадлежавших тому же яфетическому слою, но различным его племенам, и в грузинском эквиваленте этого композита ш-сав-ჯაჲ1-1 , где ჯაჲ1-1 изначально грузинского происхождения, тогда как ш-сав , точнее его основа сав , происходит из племенной речи, архаичного диалекта языка ахеменидских надписей второй категории – языка, называемого условно эламским (ново-эламским).³³ С тех пор, как грузины имеют в характерном для них композите это слово, сав оно явно имело право быть употребленным в каждодневном разговоре, как заимствованное от племени, с которым они были в близких отношениях, если, конечно, это слово не пережило процесс этнического скрешивания.

Народ, говоривший на языке ахеменидских надписей второй категории, оставил явные следы на Кавказе, особенно в Грузии, где их находят в топонимике³⁴ (с.43–44). Наконец, слова, восстановленные из архетипа, который совпадает с эламской формой, встречаются также у адыгейцев (зыхов): рвз , у убыхов: взз и у абхазов а-зз (см. выше). Все это хорошо известно, но мы не знаем, как назывался язык надписей второй категории, или, точнее, его диалект, осуществивший свое влияние в случае слова ш-сав .

В то же время, в лице грузинского мы безусловно имеем гибридный язык, в котором вместе с исходным языком свистящей группы имеются элементы сванского, месхского или баскского, адыгейского или зыхского, иберийского, картского, кроме того – одного языка скрешива-

ного типа; а именно, *во-шех*, т.е. сванско-мехского. Незачем скрывать, что мы не знакомы еще с названием изначального языка свистящей группы, который явился основой грузинского. Но здесь встает вопрос: откуда, из какого из этих многочисленных языков вошло так называемое эламское слово *zax* (← **zaw*)? *zax* "вода" в грузинский язык?

Если бы грузины создавали этот композит следуя правилам флексии, то на месте *sav-zaxl-i* у нас оказалось бы слово **svis-zaxl-i* с соединяемым впоследствии префиксом **m-svis-zaxl-i*. В то же время, если, оставаясь верным сонорному типу, слово сохранило бы в генитивной форме свой суффикс, который характерен также для эламского (*-in*), мехского (*-in*), баскского (*-en*), адыгского (*-en*-*n*) и бацбийско-чеченского (*-l-in*), то мы имели бы форму **svin-zaxl-i*, которой нет, как нет и **svis-zaxl-i*; впрочем, генитивная форма *svin* сохранена и в грузинском, и в мегрельском, в их общем слове *svin-ox*, которое обозначает именно "выдру" и имеет в качестве своей второй части компонент от явно в значении "собака".

Несомненно, из этого же слова происходит в грузинском *ox-e* (или *ox-a*), что в лексиконе Сулхан-Саба Орбелиани поднимается, как "посуда собаки" дословно "для" (*-a//a*) "собаки" (*-ox*).

Действительно, мы уже констатировали наличие *ox*, означающего "собака" в яфетических языках. Это слово сохранено на Западе пиренейскими басками и на Востоке шумерами. Следовательно, дело касается языков мехского (баскского) и иберийского (шумерского), как это установила яфетическая палеонтология. Ясно, что тем не решается еще вопрос, из какого языка исходит органически каждая часть композита и какому языку принадлежит сам композит в своей цельности, откуда идет этот термин доисторической древности, который обосновался в грузинском и мегрельском, так же, как в чанском. Нужно, безусловно, остерегаться соблазнительных догадок.

Современные носители древних этнических названий не могут рассматриваться как хранители соответствующих племенных языков в древнейшей их чистоте: в лучшем случае они лишь хранители пережиточных слоев или изолированных элементов.

Так, с одной стороны, адыгский или зыхский со своими родственными языками сохраняют до наших дней основу эламского слова *zax+m-i* в ее регулярной трансформации и серии морфологических фонем того же языка; с другой стороны, чанский или лазский, один из языков шипящей группы, выделяет в виде другой серии морфологические черты, общие с эламским; чаны унаследовали от своих предков (на территории, которую они давно уже занимают, хотя на сегодняшний день в пределах ограниченных) правила образования множественного числа с лабиальным показателем множественности.

Такое же образование множественного числа *plurale tantum* предо-

тавлено в той же области названиями городов *Sin+o-re, Xore*. Соответственно, чанский сохранил термин *evinor*, но, принятый как форма чисто чанская, он был приспособлен к более новой чанской морфологии, развившейся благодаря скрещиванию, как это показывает сама форма *vin-ar-i* (Хоре), откуда *vin-ar-i* (Атина). Термин *evin-or* явно не чанского происхождения, как и не грузинского, даже если примем современных чанов за хранителей проточанского. Продолжая рассматривать язык ахеменидских надписей как исходно эламский, мы все равно не омогли бы признать компоненты того же составного термина (в целом) также и эламскими по происхождению.

Однако с точки зрения лексикологии и морфологии в рассматриваемый термин вошло слово гибридной природы, и в котором мы опознаем результат скрещивания элементов эламских и баскских (месхских) или эламских и шумерских (иберийских), или, наконец, сванских, месхских (баскских) и адыгских (зыхских).

Лишь одно бесспорно, что композит несет не себе отпечатки по меньшей мере двух племен. Каких же? Пока не знаем. Можно быть уверенным, что постепенно появится возможность для окончательного решения вопроса и что на него смогут, наконец, дать ответ, основанный на убедительных материальных фактах. А пока отметим лишь, что в окрестностях чанского города Атина, в ущелье Атина, имеется одно место, называемое "местом бобров", на чанском *no-vin-ar-ge* (← **no-vin-ar-ge*, **no-vin-or-ge*), префикс которого *no-* относится к сонорному типу.

Следы варианта *šakur, rešp. šakur* в значении "собака" также прослеживаются на Востоке. Похоже, что слово было распространено там в среде языков шипящей группы, где первоначально существование яфетического населения засвидетельствовано наименованиями мест, там, где название реки *Halys (χάλυς)* является не более, чем нарицательным *χάλ-ι* (*u > w*) "река", принадлежа одному из языков шипящей группы, именно тому, который господствовал в свое время на южном берегу Черного моря. Там, в Пафлагонии, мы и можем выявить наиболее древних представителей варианта приведенного выше — *šarog-a* и *šarog-ia* (*sio!-red*) в названиях гор, которые, соответственно стандартам греческих и латинских надписей приняли вид: *Σάρωρον* (*Marc.*, 73), *Σάρωρα* (*Attian*), *Σάρερα* (*Ptol.*), *Zacoria* (*Tab. Peut.*). В том же районе то же слово имеется в наименовании местности *šarog-a* и в форме множественного числа *šarog-ia*; как и следовало ожидать, в транскрипции Итолема это *Σαχόρα, Σαχόρια*³⁵ Использование названия собаки в географических именах распространено далеко на Востоке, оно засвидетельствовано на территории, где когда-то господствовали племена, говорящие на языках шипящей группы. Название одной окраины Кутанси *šarog-ia*, по всей вероятности, не грузинское слово "свинарник"; в противном случае оно имело бы форму *šarog-ə*, но

можно восстановить слово, приспособленное в произношении своего начального согласного к грузинской фонетике (/s/ на месте /š/), т.е. ჯაგორია - эквивалент мегрельского ჯოგორია, которое до сих пор употребляется у мегрелов, как собственное имя³⁶.

Известно, что огрузинивание западной части исторической Грузии, в частности Имеретии, некогда этнографической Иберии, это процесс сравнительно нового времени, который каждодневно продолжается: несмотря на это, на огрузиненной территории встречается множество географических названий мегрельского происхождения. Выражение понятия собаки словами этой категории-факт сам по себе представляющий большой этнологический интерес, когда дело касается Малой Азии и аджарских берегов Черного моря; ведь собака относится к числу животных, бывших объектами культа в определенном круге дфетических племен, причем это животное, должно быть, являлось их тотемом.

Пережиток этого культа давал о себе знать в христианскую пору, он чувствуется и до наших дней на восточных берегах Черного моря, в основном у абхазов, соседей мегрелов³⁷ (с, 81). Христианская легенда, упоминающая людей с собачьими головами, заставляет нас искать место жительства этих сказочных существ на южном берегу Черного моря. Вопрос заслуживает серьезного внимания ученых, всестороннего его рассмотрения и уточнения его материалов, тем более, что античный культ собаки оставил свои явные следы в памятниках искусства Средиземного моря. То-есть это вопросы того же порядка, что и вопросы этнических религий, этих реликвий материальной культуры, сюда относятся также и многие вопросы лингвистической палеонтологии.

Дело не только в схожести собачьих видов, которые по исследованиям г-на Альбрехта (см. выше) связывают эти районы, такие отделенные друг от друга. Наименование собаки у вершиков, т.е. буриш-ков или кунджутов, живущих в горах Памира, ho-k (<*hor-k, см. выше) связывается с названием, употребляемым у пиренейских басков hor, хотя родственность этих двух народностей, в особенности их языков, зависит, конечно, не от страны, где они живут, а от общего дфетического происхождения.³⁸ В то же время достоверное существование двух вариантов одного термина daga//hor в крайних точках их распространения на Востоке и на Западе - это факты, указанные Шухардтом, которые нам помогают уточнить существование этнических и лингвистических потоков, связывающих Кавказ и Месопотамию (Памир включительно) с крайним западом Европы: направление же этих потоков в Средиземноморье показывается распространением двух типов одного и того же термина, обозначающего "собаку": *ჯაგარი ზორ (<*hoγor), одного на Севере (Черное море - Балканы, Сардиния, Корсика), другого - на

Юге (Месопотамия - Африка) со встречей в Испании, где оба эти типа отложились в баскском языке.

Несомненно, южный тип был принесен на север Кавказа и на Памир волнами миграции, как это подтверждено по крайней мере нынешними наблюдениями. И вновь при этом встает вопрос: достиг ли баскский язык запада в своей первичной (пусть относительной) чистоте? Стал ли он смешанным языком на Пиренеях, или было бы вернее считать, что, оказавшись там, он уже был скрещенным и принес с собой с северного Кавказа термины двух типов, которые сосуществовали в этом районе? И какие именно народы (tribus) проложили таким образом на Средиземноморье эти два полностью различных пути, метя их двумя разными типами речи, шипящим **ḡaḡar* и спирантным *hoḡ*(*ḡhoḡor*), т.е. тем же, но подвергшимся влиянию спирантного типа.

Конечно, решение этого вопроса было бы в наших силах, если бы была возможность признать в шумеро-иберах племя с шипящим языком, претерпевшим влияние спирантной группы. Но мы далеки от завершения исследований по шумерской фонетике. К тому же невозможно свести число яфетических языков, повлиявших на Средиземноморье, к языку басков, иберов и этрусков или пелазгов.³⁹

Остается палеонтологическая сторона вопроса: происхождение слова *dagar-a*(*ḡakar*)/*hoḡ*, его первоначальное значение. Идентификация с типом шакал здесь не случайна, но она ничего не решает (ср. выше) пока она не основана на фактах палеонтологического значения. Что касается близости с семитическим - евр. *ḡal* *su'al*[*ḡū'al*] , то ее осуждение требует другого подхода, с яфетическо-семитической стороны. И это действительно вопрос другого порядка, хотя более доступный, чем думают некоторые; мы просто не имеем права рассматривать в одном аспекте вопросы разного характера, касающиеся фактов, различных по значению. Законы перспективы, быть может, не менее обязательны для ученых, чем для художников. И более того, можно ли зреть о существовании других семитических вариантов того же слова - араб. *su'ālat*, сир. и т.д.

И не только с этими семитическими словами будут вынуждены считаться ученые, но и с их яфетическими эквивалентами, о существовании которых даже не подозревают.

Вопрос этот, кроме того, вовсе не таков, чтобы его рассматривать в деталях в нашей статье, и мы к нему вернемся в отдельном очерке. На этот раз я ограничиваюсь следующими замечаниями. Г. Шухардт, к счастью, в связи с поставленными вопросами уже указал на близость названия "лисы" (все же здесь нужно было прибавить "и волка") с термином для обозначения "собаки" (см. выше). Но палеонтология яфетической лингвистики дает нам, полагая, возможность рассмотреть еще одно баскское слово: *u-hader-a* (в словаре Ван-Эйса, из

Лувро, см. под этим словом, также под u-hain) > u-ader-a (см. в словаре Аскуэ под этим словом) в значении "внуча", причем последнюю форму ошибочно считать сомнительной.

Я уже не говорю о таких объектах специальной палеонтологической статьи, где можно было бы основательно разобраться в сложных связях их сравнительной истории, как баск. o-tso "волк", ср. otso-gison или gis-otsd'оборотень, вампир", a-war-i/ ha-weri+a-der-i "лиса"; см. Ван-Эйс p.v.azarj. В лабурдинском azeri (чит. azeri) означает скорее "большая лиса" и метафорически "хитрость" (по Аскуэ в.в. : "хитрый человек"); asheri (чит. aheri) лишь "лиса", ср. близкие по происхождению слова, которые действительно существуют в яфетических языках Кавказа, особенно в языках северных районов, и которые имеют значение "лиса", напр. в аварском šer, в дидайском zig-u, в чамалальском hak'har, в удийском hor, в грузинском (рачинском говоре) uoog-kuda "коварный, хитрый" ⁴⁰ дословно "с хвостом (kud) лисы (o-co)", в понтийском районе Кавказа с значением "волк" ošo(<o-šor), что путают с мегрельским oš-i "козел" ⁴¹ из коих первое сегодня встречается лишь в мегрельском композите ošo-koš-i "оборотень, вампир", собственно "человек-волк" ⁴².

Наконец, только с помощью лингвистической палеонтологии объяснимы взаимосвязи сванского имени txar-e//txer-e "волк", которое со своим комплексом согласных восходит к "txor "собака", "волк", "лиса" (шипящего типа, но со сванской огласовкой), со сванским глаголом li-txwar-e "идти на охоту", мегр. txoz-in-i/txor-ar-a "преследовать", "охотиться".

Достигнув того отдаленного этапа, к которому восходит связь яфетических терминов со значением "собака" и "волк", "можно осознать и частое употребление названия волка, также, по-видимому, тема как раз в тех районах, где в наименованиях мест отмечаются следы обожествления собаки, в частности в районе Понта и вообще всей Малой Азии. Действительно, в этих районах название волка очень распространено в географических терминах: в пяти районах существуют реки с именем "Волка" (λύκος), именно в Понте, Bithynie, Фригии, Лидии, Киликии. В Армении есть немало топонимов, восходящих к соответствующим именам нарицательным, включая названия не менее двух рек (Gałl).

В Западной части Грузии название волка встречается обычно вместе с прилагательным "большой": Didi-geli (груз.) "Большой волк" (< "большая собака"), а также и в другой форме Ga-did-i (вместо bga?), вероятно, полугрузинское образование на базе абхазского термина a-bga-d'w ("волк - собака большая").

Поскольку дело касается баск. uadaga, мы подошли, полагаем, достаточно близко к его этимологии или к уточнению его этимологии.

Правда, из относящихся сюда материалов исчерпаны далеко не все, но этот термин и его компоненты, особенно *bagar* в эквивалентном *bag* имеют массу родственных параллелей как на Западе, так и на Востоке. Но эти материалы мы отложим для статьи, где вопрос будет освещен с точки зрения лингвистической палеонтологии.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- I. "Ibero-romanisches" - Zeitschrift für romanische Philologie, XXIX (1905), 220-227; "Baskisch und Hamitisch" - Revue Internationale des Etudes Basques, VII (1913).
2. Цитируется Н.Я. Марром по-немецки (т.е. без переводов на французский с немецкого текста Г. Шухардта). Мы даем по-русски (перев.).
3. Буква /з/ баскской орфографии передает здесь обычный свистящий, идентичный русскому /с/ или грузинскому /б/, а /тх/ аффрикат типа /с /, т.е. русск. /ч/, груз. /ჩ/ (перев.).
4. Albrecht. Zur ältesten Geschichte des Basken, München, 1903, s. 17.
5. "Ibero-rom." (Schuchardt, 1905), s. 22-24.
6. Марр Н.Я. "Об яфетическом происхождении баскского языка (приложение к протоколу VIII заседания Отделения Исторических Наук Российской Академии Наук, 23 апреля, 1920 г)". Перевод этого предварительного текста, так же, как и предисловие, наброшанное во время моего пребывания в Бейонне, были доверены попечению г-на Р.М. де Локуе, который предложил мне опубликовать их в ближайшем будущем на испанском или баскском языке. Я пользуюсь случаем, чтобы публично выразить отважному исследователю баскского языка мое безграничное уважение и самую глубокую признательность за благосклонное содействие, оказанное мне в деле изучения баскского языка, и вообще за его доброжелательность во всех отношениях.
7. Մայիկ, Մոյիկ, а по опрелитному типу *Moik, откуда Moik название одной провинции в Армении и т.д.
8. Марр Н.Я. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян (ЗВО XXV, 1921).
9. Номинатив: sul-1 / *hur-е, генр. hur-1.
10. Влияние ованского. Это основное явление в фонетике ованского языка.
11. Звук /ǰ/ это последующий подъем звука /ǣ/ на месте /r/. Полную форму этого правила можно представить таким образом: r/ǣ(<ǣ)> ǰ (nǰ) в шипящей группе / ɛ(<-ɛ)> ɟ (nɟ) и т.д. под влиянием свистящей группы. В этом явлении мы имеем дело о ротапизмом.

12. Предполагаемое в шипящей группе ранней эпохи/а/на месте/о/ вынуждает нас отнести баскское β^2 agи "мышь" к этой же группе, а не к свистящей, как я это делал в своем предварительном сообщении о яфетическом происхождении баскского языка : согласный / β / решил этот вопрос. Факты, собранные Г.Шухардтом (1905, с. 229), представляют значительный интерес для вопроса миграции яфетидов, поскольку в романском диалекте Корсики (Калви) отмечается наличие того же баскского слова в композите *saosa-pinuto* "летучая мышь". В связи с конечным /а/ на месте /и/ (особенностью, интересующей также г-на Шухардта) нужно отметить то же слово *taka-n* в др.-лит.армянском в основах -а, см. Н.Марр, "Иоанн Петрицкий" (Марр, 1909), с.23.
13. По этим вопросам см. о связях мегр. *ჭაბურ-ი*, груз. *ცაბლ-ი* и удийского слова *савул* "каштан" в сб. "Древняя Грузия" (на груз.яз.), т.II, 1913, ч. III, 270 сл. От ред.: все эти замечания даже не намечаются в этимологических гипотезах (на конкретном материале) и почти всех перечисленных фонем в баскском языке нет, включая / ϵ / и / ξ /.
14. Вероятно, отсюда же и армянское (*pl-tantum* с основой тоже только для *pl.tantum*), образованное с помощью суффикса -*ti(>di)*: *ծոյտի-կ* "нечистые, мерзкие животные", собственно "собаки", затем "трупы собак" и т.п.; для пейоративного значения здесь ср. русск. псына, пес, псыться и т.п. Что до начального гдлогого / ξ / в этом слове на месте / $\tilde{\zeta}$ /, то его надо отнести уже за счет исторических особенностей языков Армении.
15. Нам приятно отметить, что Г.Шухардт (1905, с. 227) дает нам возможность утверждать реальное наличие на Средиземном море этой формы, реконструированной нами теоретически, прежде всего - на Сардинии: *giagaгu* (*жагаг-и*) "собака", затем на Корсике (в Калви): *јакагu* (= *жакаг-и*) и далее в греческом средних веков *жагагiоs*, греч. совр. *јагагi* / *јагагiоs* "ищейка", в произношении *жауагi*, где конечный /-и/ имеет номинативное происхождение, а фонема / $\tilde{\zeta}$ / может ослабляться до / ζ /; ту же форму *жагаг* имеем в турецком, болгарском и албанском в значении постоянно "охотничья собака" или "ищейка". Груз. *јауаг-а* "меховая оторочка, опушка" идет, вероятно, отсюда же, и в нем входят / ζ / на месте / $\tilde{\zeta}$ / имеем, вероятно, в соответствии со свистящей природой грузинского языка.

16. Van Kys., *Dict. Basque* (s. zakur) пишет: "Лабурдянская в сущности представляет собой уменьшительную форму : ср. у проф. R.M. de Azkue, *Dictionnaire Basque-Espagnol-Francais* (s. zakur): "Примечательно, что различные уменьшительные формы потеряли свой характер, как это имеет место несомненно в L и в N (ср. также *Is., s.v. tsakur* и *zakur*). С этой же точки зрения рассматривает вопрос Г. Шухардт (см. выдержку из его статьи, приведенной нами выше). От ред.: баск *типхакур* (орф.) является несомненно уменьшительным от *zakur* (орф.), что нами здесь обсуждается специально (см. послесловие).
17. Мы находим в аварском то же слово с гортанным придыхательным, онобренное в то же время более древней огласовкой *h³or*, диалектное *h³ör* (основа афлатива *h³atida*, см. *Dict. Материалы для изучения языка и наречий андо-кавказской группы*, Тифлис, 1909, с. 108) "река", ор. чух. *h³ör id*; придыхательный звук этого слова аварского языка ослабился на столько до спиранта /h /, как в чухском диалекте, но также до /j/, как это подтверждает название реки *Jor* (в груз. *Гор-и*), которое обозначает просто "реку"; в свою очередь халдский и баскский варианты *hur* с регулярным подъемом /h/ > *χ* (< q) имеем в названии реки *Kür* (рус. Кура, авар. *hur*) которое также значит "река", см. Н.Я. Марр. Непочтительный источник истории кавказского мира. Из третьей лингвистической поездки в Дагестан (- Известия АН, Петроград, 1917, с. 330).
18. Впрочем, слово *hur* "вода" / *hur-1* "милосердие" будет нами рассмотрено особо.
19. Согласно исторической фонетике афлативских языков, существует также другая возможная линия появления того же *hur*: падение в архетипе *hur* первого гласного: > *hur*. Но в виду некоторых реально существующих вариантов мы не имеем права отказаться от линии предположительной связи форм. Существует также палеонтологическая проблема, связанная с мергельским термином *hur* "собака" / баск. *zakur* "собака", который наводит на мысль об архетипе **hur*, *hur*. Ред.: баск. *hur* содержит корень в чистом виде (см. введение) и вообще нет оснований выводить это слово из **hur*.

20. Я позволю себе употребить этот солицизм в применении к ученым, имеющим безусловно высокие заслуги, жертвующим собой до сих пор ради изучения клинописных текстов, изложенных на яфетических языках, но опирающимся в своих пояснениях лишь на технические данные клинообразной письменности и на данные семитической филологии, не имея никаких знаний в языках, принадлежащих яфетическому слову, от которого они далеки и в значительности которого они сомневаются.
21. Марр Н.Я. К вопросу о происхождении племенных названий "этруски" и "пелазги" (ЗВФ, XXV, 1921).
22. Бэцбийцы (пова-тушанцы), эти кавказские носители этнического имени, относящегося к термину "бакокий", остаются верными тому же названию собаки, поскольку бэцб. *ph-ч* (мн.ч. *ph-аг-џ*) представляет ту же основу **hw(< "hwar")* *hor* с изменением группы *hw* в группу *ph* (аг мн.числа в этом случае может быть рассмотрен как восстановление в своей цельности стертой в ед.числе основы); чеченцы и ингуши различаются в обозначении этого термина от лезгин и приближаются к народам сибирянской группы, производя несмотря на это в своем варианте *ʒhəl-1* "собака" согласные, характерные для двух разных групп, шипящей (*ʒ:ʒoʒot*) и свистящей (*-1:ʒəʒ1*). Это явление, хотя оно полностью изолировано мне представляется самым значительным, как образец скрепления языков, тем более, что оно поддержано уже отмеченным фактом, что чеченский усвоил некоторые морфологические черты грузинского языка, вообще сибирянской ветви, с которой он близко связан путем скрепления. Можно ошибиться, и в гласном / *ə* / чеченского слова признать влияние сваянского вокализма (ср. ован. *ʒəʒw* "собака"), но в *ʒhəl-1* мы имеем эпентезис, влияние последующего гласного / *i* / при чистей основе *ʒhəl*; ингушский язык подтверждает ту же историю, имея равнозначное *ʒhəl* "собака" (по сообщению, которое сделал мне лично М. Яковлев, *ʒhəl* < **ʒhəl-1*).

23. Мы имеем удвоение того же характера в древнелитературном армянском *mesamec* "очень большой", "большой" от *mes* "большой", в древнелитературном грузинском *did-did-n-i* "очень большие", "громоздкие" от *did-i* "большой" и т.д. Существование слова *gal* в удийском тем более значимо, что мы имеем причины видеть в этом языке потомка большого кавказского народа, современного с халдами из Вана, их соперника, этническое имя которого *e-ti-~~ch~~-i//a-te-en-e* // *u-ti*-ксохранилось в наименовании одной из хорошо известных провинций исторической Армении.

Следовало бы, впрочем, подвергнуть сомнению, что эти описательные названия означали в действительности то, что мы сегодня думаем, переводя их дословно. Мне кажется, что *ur gal* (or-*gal*?), *ur-*

tur (or-*tur*) обозначают более определенные виды животных, чем их механические переводы "большая собака", "маленькая собака", но эта существенная деталь касается палеонтологической области. Лянгвистическая палеонтология открывает, что мегр. *mel-a* (груз. *mel-i* < *nvel-i*, ован. *ma-wl>mal*) "ляса" обозначало некогда также "собаку", и мы имеем причину признать в мегр. выражении *mela-tur-a* или *tur-a-mela* тот же термин, обозначающий маленькую собаку. Раздельное употребление двух элементов этого композита представляет, несомненно, последующее явление. История термина *tur-a* особенно поучительна. Мы в ней находим серию трансформаций, как реликт в Пехлеви *tōr-ak*, в курдском *tūr-e* и т.д. Впрочем, мы далеки от точки зрения такого знаменитого арменолога, как Хюбшман, который утверждает (Petersische Studien, 1825, с. 80): №. *ḡayal* заимствовано из индийского, как это и Andreass предполагает, так что *tōra* чисто персидское слово для "шакала" (ср. Horn, Der pers. Etimologie, Nr. 403).

24. Тексты и разыскания (Marr, 1904), с. II 7.

25. Впрочем, еще нерешенный вопрос, не имеем ли мы в полученном анализе данных двух греческих слов образец народной этимологии, и, более того, нет ли необходимости в пересмотре этимологии лат. *lutra* "выдра".

26. *Meletemata quaedam de antiquitatibus castorei et moschi*, 1852, P. G: "Kalb al mā responderet graeco *κύων τοῦ καστορέου* quo auctores graecos uti quidam perhibent, sed nescio qualiam auctoritate; inferiores scriptores arabistas hoc nomine uti videbimus sed forsitan ex commutatione cum rhoca vel lutra originem ducit".

27. Я не нахожу следов аналогичного турецкого слова в турецких словарях.

28. В чанском языке мы находим форму, параллельную тому же композиту, но с оставшим значением "кошка" вместо "собака" *ḡali katu*

"кошка реки", хотя это слово обозначает больше бобра, чем выдру (см. Марр Н. Грамматика чанского(лазского)языка с хрестоматией и словарем, Спб., 1910, с.153).

29. Без префикса же мы встречаем это слово *sav* также в бадбийском или цоватушинском, где, впрочем оно означает "бобр".
30. Марр Н.Я. Определение языка 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (ЗВО, XXII, 1914) .
31. Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических (Материалы по яфетическому языкознанию, V, 1912).
32. Орбели И. Описание Версаля в армянской записи 1683 г. (ИРАИМК, I, Петроград, 1921).
33. Это лишь одно из многочисленных названий, которыми ученые именуют данный язык, названный и отождествленный прежде, чем быть понятым, несмотря на вытекающие отсюда серьезные последствия для этнологической (не исторической) классификации племен. Вообще от этнологической науки отделяют лингвистические исследования лишь в пользу искусственных теорий, связанных с мертвыми и литературными языками и создаваемых в ущерб сложным реальностям, которые следуют из исследования живых языков.
34. Марр Н. Я. Определение языка второй категории, § 43 (Марр, 1914).
35. Суффикс *-ša* служит также образованию фамилий у сванов, откуда он перешел к абхазам и гугарам, древнему народу Кавказа: ср. *Aḡḡi-ša* (известны несколько принцев с именем Аршута), *ṣarwa-ša* и др.
36. Цагарела А. Мингрельские этюды, I, прим.2. Кипшидзе И. Грамматика мингрельского(иверского) языка, с.26.
37. О маленьких культовых хлебах, посвящаемых собаке у абхазов, см. Джанашиа Н. Религиозные верования абхазов.- Христианский Восток, IV, 1915, с.81.
38. Яфетическое происхождение буришков или вершиков было предметом моего доклада, сделанного на ассамблее петроградских ориенталистов в Музее Азии.
39. Корсика была довольно тесно связана с Этрурией (Schulze, Zur Geschichte lateinischer Eigennamen, и)однако неше "Jaḡar, если судить по его облику, вряд ли выводимо из этрусского или пелазгского.
40. См. Беридзе В. Грузинский(картский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам, Пб., 1912.
41. Цагарела А. Мингрельские этюды, I, с.46; Кипшидзе И. Грамматика мингрельского(иверского) языка и др.
42. Ср Цагарела А., I; Кипшидзе И., I.

Ш. К вопросу о префиксовых образованиях в баскском языке (переиздание)¹

Уважаемый голландский коллега проф. К.К.Уленбек отрицает почти полностью значение префиксового образования в баскской морфологии. Констатируя, что вопреки большой роли, равной с суффиксами, в спряжении они, т.е. префиксы, малозаметны в именах, он пишет: "Верно, что можно указать на несколько редких префиксов в области образования имен: тем не менее, именное словообразование в баскском имеет вообще тот же суффиксальный характер, что и в урало-алтайских языках или в индоевропейских" (I, p. 3).

Уленбек должен был бы отметить, что он говорит о современной способности баскского языка воспринимать в именах префиксы по слово-производству, и тогда, может быть, он был бы прав, но историю баскского языка без префиксового образования абсолютно нельзя понять. Впрочем, совершенно неожиданно Уленбек в другом месте пишет при обсуждении суффикса *-та*: "И сейчас не буду углубляться в вопрос о том, должны ли мы допускать в баскском существование префикса *та-*", ср. его же замечание под суффиксом *-за*: "Что касается возможного префикса *та-* в некоторых прилагательных, то мое мнение об этом еще не сложилось, и я, следовательно, не могу его высказать".

К сожалению, я не располагаю в Ленинграде работами почтенного голландского ученого, чтобы иметь представление о тех случаях использования префиксов *та-* и *за-*, которые он имеет в виду, если они где-либо им конкретно трактованы. Вообще же префиксы *та-* и *за-* не только возможны, но, например, *та-* имеется в таких бесспорных префиксовых образованиях, как *та-dar-i* "груша", *та-ко* "крик".

В последнем слове у основы *ко* усеченный вид с обычной утратой */r/* в паузе, восстанавливаемый же вид *ког* налицо у армян в значении "согнутый". Независимо от этого *ког* представляется спирантизованным видом с утратой спиранта */h/*: **hког*, в сибилантной ветви долженствовавшим иметь эквивалент **hког*, и вот этот вид также с потерей исходного плавного: *-ско* (как и его спирантный эквивалент *ког>ко*) в самом баскском языке налицо в основе образования с тем же префиксом, но в огласовке окающей группы (*шо-*) в значении "клев": *шо-ско*, ср. **мо-hко > мо-ко* "крик".

В данной основе сибилантный, как и спирантный, прототипы (*ско < *ског*, *ко < *ког*)² представляют собой окающие разновидности акающих **skar*, **kar*, что с префиксом *ni-* и суффиксом *-t* в грузинском (т.е. в языке, по основной своей природе акающем) дало *ni-skar-ti*, *ni-kar-t-i* "клев".

Основа баскского слова *ma-dar-i* "груша" появляется в баскском же и с другим префиксом: ^або- оканшей же (гевр. шипящей) группы, но группы спирантизованной, как и шипящая на Кавказе, почему и имеем в баскском, собственно, не ^або-, а ^ано>о еще точнее (с сужением губного гласного): *u-dar-e* "груша".³

Основа *dar* представляет собой двухсогласный вид корня в подъеме с утратой аффрикатности (*дз*) и с подменной плавным /л/ плавного /х/ равным образом по норме шипящей группы (<^аʒal), в результате скрещения, которое, очевидно, привнесло и префикс также шипящей группы *u-*, а это, как и низшая его ступень глухого ряда *wal*, гевр. ^аh^аal > ^аhal, представляет то же, что и груз. *axal-i* "груша" с подъемом *h > x*.

Другими яфетическими разновидностями этого слова мы настоящего изложения не осложняем (2, с. 835-939), но любопытно, что в грузинском это слово также появляется с губным префиксом, но без огласовки шур: *m-xal-i* в живой речи *p-xal-i*. Впрочем, непочатая баскская основа *dar* налицо, как уже указывалось, и в албанском⁴ здесь без префиксов, но о яфетическом суффиксом мн.числа *-de darde* "груша".

Префиксовые образования в баскском языке отнюдь не ограничиваются перечисленными случаями, их десятки, но они видны лишь при учете сравнительной грамматики яфетических языков, а без нее можно делать ошибки и обратные, т.е. принимать корневую часть слова за префикс, как это произошло с Уленбеком, который к префиксам отнес по недоразумению начальный корневой согласный /б/ в баскских словах, представляющих сибилланта эквиваленты спирнтных разновидностей с утраченным спирантом /h/, как то:

<i>dingar</i> - <i>inhar</i> (< ^а hinhar)	"искра"
<i>dingurri</i> - <i>inhurri</i> (< ^а hingur-i) - <i>inurri</i>	"муравей"
<i>distu</i> - <i>istu</i> (< ^а histu)	"слюна"
<i>hime</i> - <i>hime</i> < <i>hime</i> (< ^а qimer > <i>himer</i>)	"ребенок"

Все перечисленные примеры, однако, в яфетических языках имеют свои закономерные соответствия, из которых видно, что в отношении начального /б-/ не может быть речи о префиксе.

Соответствие /б/ исчезнувшему спиранту /h/, гевр. /h²/ происходит по следующей известной формуле:

сиб. *ḥb ḥ* - спир. *q* (> h² гевр. *h*) > б

Спирнтная разновидность *hime* так и сохранила спирнт /h/ вместо /h²/, в подъеме /к/ вместо /q/ (> ḥ) > х. Мы уже говорили, что *hime* восходит к *himer*, гевр. *himer* эквиваленту *himer*; что в подъеме и дало *himer*, с потерей /-т/ в паузе *hime*.

Из остальных слов о *dingurri* теперь имеется особая статья Г.Шу-

хардта по сопоставлению с груз. $\check{z}in-\check{z}vel > \check{z}in-\check{z}vel-i$ "муравей" (З, с. 104-110), и совершенно правильному, как будет показано в специальной работе по вопросу, где будет вскрыта палеонтология термина и его и-е дериваты.

Сейчас остановлюсь на $\check{z}in\grave{g}ar-in\grave{h}ar$ "искра", так как оно дает основание разъяснить один до-эллинский термин, который признается за таковой и французским исследователем Кюни.

Баск. $\check{d}in-gar$ составное слово, и во второй части его мы имеем такой же упрощенный за счет спирантизации до двусогласия (т.е. до состояния простого двусогласия) вид слова (вместо $*\check{y}gar$, гесп. $*hkal-\check{z}kal > \check{z}kal$), как $\check{d}ar$ вместо $*\check{d}yal < \check{s}hal$, т.е. для $\check{d}in-gar$ мы имеем в яфетических языках совершенно закономерные соответствия отнюдь не с префиксом, а именно: груз. $\check{c}in-\check{c}qal-i$ "искра", а в языках шипящей группы (с действительным префиксом $no-/na$) чан. $no-\check{c}ink-\check{s}hal-e$, $no-\check{c}inc-\check{x}al-e$ id., ср. также мегр. $na-in-\check{s}hal-i$, $na-\check{s}x-\check{s}kel-i$, $no-\check{r}cxva$ "горящий уголь", сван. $\check{c}k\acute{e}nt$ "уголь (горящий)", интересное своим - nt ($< n\check{d}$, гесп. $n\check{z}$) - $/r/$.

Если бы в баск. $\check{d}in-gar$ вторая часть была представлена сибиллным эквивалентом, то мы имели бы двусогласный корень $t-r > d-r > or$ с той или иной огласовкой в зависимости от группы ($a//a$), причем, так как простые зубные здесь являются пережитками доисторического согласного $/h^s/$ в подъеме, или же пережитками в исторические эпохи ax (группы) ($> t\check{q} > t\check{k}$), то соседний гласный мог стать долгим вместе со спирантом: так при $th-r:ther$, $t(h)ar > t\acute{e}r$, tar , и вот греч. $\acute{e}pinter$, мн. $\acute{e}pinteres$, Ил. 4. 77 (производное $\acute{e}pintarides$, см. гимн Алполоху 442), лат. $\acute{e}scintilla$, для которого со спирантизацией начального $/s/$ (ср. $\acute{e}pilen\check{z}i / *h\acute{p}ilen\check{z}-i > pilen\check{z}-i$ "медь", $\acute{e}pil-o$ $*h\acute{p}il-o >$ "слон" и т.п.) в яфетических языках Кавказа имеются эквиваленты мегр. $no-\check{p}in-\check{c}qal-i$ "искра", груз. $na-\check{b}er-\check{c}qal-i$ ⁶.

Надо оговориться, что Кюни совершенно основательно отнес эту греческое слово к числу до-эллиских. Конечно, теперь рассуждения Кюни излишни по существу, но очень интересны, когда с приведением формулы $\acute{e}pinter$ $\quad aster$ (также совершенно прав-

$\acute{e}scintilla$ $\quad stella$
видно, но в ином сематическом разрезе) он пишет (4): "à oeci près que $*aster$ "étoile" est un mot indo-européen". С другой стороны, не индоевропейский $/t^h/$ этого слова представлен в латыни звуком $/i/$, в греческом $/h/$ как в $lorica$: $\lambda\omicron\rho\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}$, так и в $fortica$: $\phi\omicron\rho\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$. Трудность состоит в $/x/$ при $/k/ = (o)$ в латыни. Но все объясняется, если допустить, что перед нами заимствование, сделанное независимо. Как греческим, так и латинским с доэллинского оригинала $*\acute{e}scintir$, которое дало, с одной стороны, $\acute{e}piter$ по диссимиляции, с другой - $*\acute{e}scintir$ по той же причине с разными, естественно, результатами в дан-

ных двух языках".

Все это, по части данных рассуждений, в такой же степени не нуждается в путешествии из греческого или из общего для обоих языков источника, в какой и сванское *okant* > *skint*, resp. *skint* (к группе *ak* > *sq* > *ox* в начальной позиции ср. еще чан. *m-aka* "искра") с прототипом **oxir* > **skir*.

Сам суффикс *-ill-a*, resp. *il* есть яфетический пережиток с функцией форматива уменьшительных слов, как в том же сванском *-uld/-ila*, resp. *-ul/-il*, напр. *štak-il* "зубок", *keo-il* "винный кувшин" от *keo id.* (по Стоянову, "яма" для вина") и т.п.

Что же касается появления суффикса *-il* в данном термине, то ср. наличие равнозначавшего суффикса *-id* в атинском говоре чанского языка в составе *qil-id-i* "искра"; где, кстати, основа *qil* (<*eqil*) является лишь разновидностью прототипа для сван. *okant*, именно *oxir* > **skir*.⁸

Для *og* или *ok* в чанском языке *okar-i* "вода" при наличии в атинском говоре этого же языка *qar-i* "вода". Одновременно при этом начинает вскрываться палеонтология термина чан. *qin-qal-i* и т.п. со значением "искра" в линии словоупотребления, напр., и перс. *ab* "вода" в значении "блеск", поскольку чан. *okar-i* "вода" (откуда и чан. *m-sda* "искра") идет, собственно, из чан. *okali* "вода". И, конечно, группа *og-okak* (лат. *eo*) представляет абсолютно не вторичное явление, как-то хотел бы строить индоевропеист Кюни.

Что же касается использования "воды" в значении "света, огня, искры", то это находится в связи с яфетическим прототипом "небо+вода (/огонь)", и потому-то звуковые эквиваленты груз. *sa-sav* "небо" по шипящей группе (ср. мегр., чан. *ša* при *sa*), в аварском языке *šwa*, в дидойском *ša* означают "искра".⁹

ЛИТЕРАТУРА

1. C.C. Uhlenbeck. Suffixes du basque servant a la dérivation des mots pour servir a la connaissance de la formation des mots en basque. — RIEV, t.III.
2. Н.Март, Яфетические названия деревьев и растений (pluralia tantum). — Известия Российской Академии Наук, СПб, 1915, где теперь анализ арм. *tanj* "груша" несомненно подлежит пересмотру, но думаю — исключительно в отношении основы *tan*, так как */-j/* остается окончанием мн. числа, ибо *tan* — не фонетическая разновидность основы *exal* или, следовательно *dar*, а лишь семантический ее эквивалент, происходящий от другого племенного названия (именно йонского по сибилантной ветви) без деосибилации

qan, resp. çan, ср., котати, груз. çan-çur-i "слива" (особый вид).

3. H. Schuchardt. "Txingurri". - RIEV, 1912.

4. A. Cuny. Les mots du fonds préhellénique en grec, latin et semi-occidentale. - Revue des Etudes Anciennes, 1910.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Доклады Российской Академии Наук за 1924 г., с. 159-162. (Самый доклад имел место в Отделении Истории и Филологии 7/У-1924).
2. Ред.: знак /h²/ перед /к/ у автора здесь отсутствует.
3. Ред.: независимо от иной трактовки этого слова во введении, попытка видеть здесь вновь избирательно-занский префикс не кажется вообще приемлемой.
4. Яфетический сборник, I, с. 63-64 (Марр, 1922). Ред.: это очень важный факт (отдельно нами комментируемый здесь) в виду баск. udare/madari (но, конечно, не xali и т.п.). И очень важна мысль о значении в прошлом суффикса -de.
5. Ред.: Все формы, приведенные только что в значении "ребенок", требуют по меньшей мере перепроверки: так, обычно приводятся. kime, hime, ime, и если что-либо подобное txime (орф.) существовало, то оно может содержать вторичный /tx/, связанный с уменьшительностью.
6. Ред.: в современных грузинских словарях дается форма с /p/ на месте /b/: na-per-çkal-i
7. Ред.: данный отрывок цитаты оставляем без перевода. К этому же отрывку в воспроизводимом издании работы Н.Я. Марра имеется следующее подстрочное примечание: "Совершенно такое же, по существу, индоевропейское, как слова первой группы". Далее цитата из указанной только что работы Кюни, у Н.Я. Марра приводимая на языке данной работы, т.е. на французском, нами дается уже в переводе.
8. Ред.: сван. oxənt выше в этой статье приводился в форме oxənt "уголь".
9. Ред.: все подобные предложения по связи значений "вода" и "небо" или "вода" и "огонь", представляются совершенно необоснованными.

IV. Две новые работы К.К.Уленбека по баскскому языку (переиздание) ¹

К.К.Уленбек по яфетидологии знаком лишь с двумя, именно не материального характера, работами моими – "Третьим этническим элементом" в немецкой версии и напечатанной в "Востоке": "Яфетидами". Обходя сейчас молчанием, в какой степени теоретические рассуждения Уленбека могли бы быть иные при знакомстве с другими наличными в печати работами, притом специальными по яфетическому языкознанию, мы должны признать, что Уленбек свои рассуждения по поставленному им вопросу о возможном родстве баскского и яфетических (палео-кавказских) языков в конечном итоге обосновывает на самостоятельно им же проработанном материале.

На 29 страницах он дает список баскских слов с кавказскими яфетическими параллелями, который, действительно, вмещает слова, до 67-ми, повторяющиеся у различных исследователей, затрагивавших тот же вопрос; многие из этих сближений, если не большинство, входят и в круг моих отождествлений, но достаточно взглянуть на гнезда, посвященные раздельно "лисе", "волку" и "собаке", чтобы сразу заметить, какая разница в трактовке материала. Вопрос тут даже не в том, что слово *dagat*-а "собака" из составного баскского термина *u-dagara* "выдра" вовсе не принято во внимание (I, с. I-30); вопрос, да и сущность дела в том, что сопоставления производятся без каких бы то ни было палеонтологических по языку исследований и генетической классификации яфетических слов. Это набор созвучного материала, между тем есть десятки, многие десятки, если не сотни слов, не менее, иногда более бесспорных случаев родства, в которых вовсе нет и созвучия.

Возьмем для примера слово, сравнительно для нас, яфетидологов, легко анализируемое, так как яфетические языки имеют, между прочим, префиксовое образование, одни в полной мере, другие зачаточно. Нам естественно было в баскском *biho* усмотреть префикс *bi-* (< *mi*, *shi*). Сравнительная грамматика яфетических языков дает в наше распоряжение формулу перебой *г-ž*, *гезр. пž* (мегр., чан.), на низшей ступени /*ž*/ (сван.), причем наличные из шипящей группы отложения в армянском языке нас научили тому, что в языках названной группы перебой /*г*/ в *ž* (*гезр. пž*) имел более широкое распространение, чем это определяется случаями указанного соответствия, он налично и при *овиот. (груз.) /л/-шип. (ныне лишь мегр.) /г*/, как мы это видим из арм. *փոշփոշ* "дыхание" – мегр. *bir-i* при груз. *bul-i* "душа". Того же порядка перебой нами теперь показывается иногда чуваш-

ским, которому он присущ в разновидности 1/r-а/ё и т.д. На Кавказе этот перебой в шипящей группе дает основание подойти к выделению в ней особого наречия, проявляющего близость к языкам Армении. С другой стороны, в баскском, имеющем много поразительно близкого, даже тождественного с армянским, тот же перебой обнаружен опять-таки сравнительной грамматикой баскского, как одного из яфетических, но в баскском вместо аффрикатов шипящего ряда $\text{ʃ} > \text{ç}$ налицо, когда аффрикатность сохраняется, часто /o/ орф. z /. Если обратимся к разновидности т.им. слова "сердца" в баскском по основе, то их оказывается, при тождестве "префикса" bi- , три: $\text{goc} > \text{-hoc} > \text{oc}$, именно: bi-oc , bi-hoc , bi-goc (2, с. 48), и вот этот $\text{goc} (< \text{go} \text{ʃ} - \text{*gu} \text{ʃ})$ представляет точное соответствие мегр., чан. $\text{gur-i} // \text{груз. gul-i}$, закрепивших у себя огласовку, вместо открытого гласного /o/, узким /u/.

В то же время, когда с баск. ahisra (орф. ahisra) "жены сестра", "сестра" сравнивается абх. a-ноща "сестра", Уленбек не представляет, что абхазское слово есть составное из $\text{h}_0 (< \text{*hew, гевр. хев, хiw} > \text{хе, хi} > \text{hi})$ "женщина", разобранного мною, между прочим, еще в известном спорном митанском женском имени хе-ра, хi-ра (3, с. 121 сл.), собственно термине "девушка" ($< \text{"женщина+дитя"}), и ша "брат", т.е. в целом абхазское $\text{a+h}_0 \text{ща}$ -это "женщина-брат", гевр. "сестра" (4, с. 428 сл.), и если, как то допускает Уленбек, абх. $\text{a+ h}_0 \text{ща}$ есть разновидность баск. $\text{a-hi-sra} (\text{a-hi-zra})^3$, то таково, значит, положение и в баскском, и в таком случае, отвлеки определение hi- "женщина", с префиксом *a-hi , мы во второй части сра (орф. zra) получаем в значении "брата" слово, представляющее лишь разновидность груз. zra "брат" ⁴.$

Когда речь о баск. $\text{b}^2\text{еше}$ (/ исп. диал. id.) "сын", никак нельзя с ним не отождествлять ни баск. b^2ejn (орф. sein) "дитя", ни груз. je "сын", да еще не упоминать, что je остаток от зep , восстанавливаемого своей коренной /п/ в глаголе зep-а^1 "приобретать" ($< \text{"рождать"}).$ Иногда Уленбек восстанавливает баскскую праформу со звездочкой, так для баск. harr-i "камень" (harr-i) в виде совершенно правильного *harr-i , но не зная, что восстанавливаемое им со звездочкой kar налицо в древне-литературном армянском без изменения в форме удвоения kar-karr "куча камней" ⁵ (см. также kar-karra-kojt с тем же значением), в топонимике Армении - Kar-karr , название местности близ Мокса, ныне в Турецкой Армении, толкуемое, как то сообщил мне проф. И.А.Орбели, "каменистая"; да у тех же армян в обоих их языках с передвижением заднеязычного *k на третью ступень звонности /к/ - kar "камень"; кроме того, именно первичное его состояние kar представляет со сванским перебоем /т/ в /ʒ/ слово kaʒ , наличное и в грузинском в значении "кременя", и нет основания утверждать то, что говорит тут же (с. 23) Уленбек: будто "большинство палео-кавказских языков име-

ет другие слова в значении "камя", тем более, что история этого слова значительно более сложна и на Кавказе, и в Ииренеях, чем то представлялось всем тем работникам по совокупности, на изыскания которых считает достаточным опираться Уленбек и в 1923 г. Дело в том, что звук /t/, имевший в сванском эквиваленте /ʒ/, в шипящей группе перерождается в /ʒ/, гезр. nǝ, в языке с мутацией ǝ, гезр. nǝ, и именно в этой линии приходится толковать усвоенные из соответственной яфетической лингвистической группы др.-л. арм. kīč "камень твердый и блестящий", т.е. "мрамор", опять арм. xīč "камешек", равно груз. kēč и арм. kīnč "камешек", в частности "избирательный камень", наш "избирательный шар" (5, с. 316). Появление /i/ гезр. /e/, в соответствии аканию каго объясняется тем, что kīč (<*qīč>) xīč, гезр. kīnč, kēč идут из шипящей группы, где закономерное соответствие гласного /a/ есть /o/ (- /u/), обычно представляемое его позднейшим перебойным эквивалентом /i/ гезр. /e/, однако и эту архетипную форму шипящей группы с первичной огласовкой /o/ Кавказ нам сохранил в сванском обычном слове коʒ, означающем "скала", и в ряде его разновидностей в других яфетических языках. Но этого мало. В самом баскском языке в значении "скалы" известно слово haʒe (орф. haiz) > auz (орф. aitz), что представляет ту же основу haʒc падением /t/ в 1 паузе перед согласным и /j/ (закон, общий у баскского с армянским), и, казалось бы, окончание мн. числа -с (<ǝ->ǝn), на самом деле не ставший еще окончанием пережиток йонского племенного слова того же значения. Это - сал-йонское скрешение. Оно с сохранением /t/ в виде aʒc налицо в баск. прилагательном aʒo-a (орф. artza) "каменистый, скалистый". Полная архетипная форма этого слова была бы *haʒ-ǝn > haʒ-ǝ, и, очевидно, ее имеем мы в арм. aʒ-ǝn "скала", и с тем же значением aʒ-ǝ в составе aʒǝǝn "эхо", букв. "глас. скалы" (6, с. 45 сл.). Основа haʒ < kaʒ имеется и в сибилантных разновидностях, притом многочисленных: и те, и другие широко распространены также в Европе, даже западной, о чем речь будет особо в связи с археологическим вопросом о каменных памятниках и их культовом значении. Сейчас, думаю, и без того достаточно, чтобы видеть, что Уленбек и яфетидологи находимся в положении ученых различных подходов, если не эпох.

Его же статья с заглавием "Berichtigungen zur vergleichenden Lautlehre der baskischen Dialekte" - Verhandelingen der koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam: Afdeling Letterkunde. Nieuwe reeks, Deel XXIV, NI (Амстердам, 1923), т.е. поправки к известной работе автора по диалектической сравнительной фонетике, нас возвращает к тому же положению. Здесь мы не можем так длительно останавливаться на трактуемых автором предметах, так как иначе пришлось бы вернуться и к основной работе, к которой настоящая заметка пред-

ставляет лишь поправки. Однако несколько общих мыслей и конкретных фактов из нее способны, думаю, осветить положение дела.

Когда вопрос идет о баскско-романских общих словах, то нельзя с той легкостью судить о принадлежности термина к баскскому, как это делалось до сих пор. Одного романского лингвистического подхода не достаточно, как, само собой понятно, не достаточно одного баскологического, не подержанного опросом соответствующих материалов яфетических языков Кавказа и других мест, — опросом, обобщенным на сравнительной грамматике яфетических языков. Так, Уленбек *legun* "скользкий", "гладкий", "мягкий" (диал. *leun, laun*) отмечает из коренного состава баскских слов как романское на основании разъяснений Щухардта. Думаю, что это поспешный шаг, так как баск. *legun* /> *leun/laun* две групповые разновидности яфетического слова, с недостатком третьей — **logun* по оканшей группе, и все они — представители спирантной ветви с потерей спиранта, и с суффиксом — *gun* < —*kun*-(h)*un*, без сужения губного гласного —*kon* < *kon* — **lah-kon, loh-kon, leh-kon* сибилантные их эквиваленты *las-kon, loñ-kon, leñ-kon* сохранились у армян с утратой *on* в виде *lañk* (вм. *las-k*) / *leñ-k* (: *ler-k*) "гладкий" (7, с. 144), а у лезов или чанов, естественно, с оканием, но рядом с *los-k* с сибилантным двойником и суффикса — *-ki-t* и даже в полной форме *los-ton-i* "скользкий", "гладкий" [—*t* < *ton* не суффикс, а пережиток 2-й части скрещенного слова]. Сибилантный вид основы *leñ-*, гезр. *lev-* и в баскском сохранил двухсогласный состав корня, но с перерождением сибиланта в /г/ (ср. арм. *ler-k*), между двумя согласными *rr*, в глаголе *letr-a, letr-a-a+tu, letr-a + oen* "гладить".⁸

Уленбек к сказанному им на с. 19 своей сравнительной фонетики в настоящей работе делает такую поправку: "То, что я говорил об *geztera, geztera, eztera* "оселок", "точильный камень", подлежит уточнению, так как в основе этого слова лежит, по Щухардту, исп. *aguzadera* "оселок". Испанского в данном случае я не касался, м.б. *aguzadera* "оселок" и происходит от *aguzar* "острить", но вообще это слово, по дополнительному замечанию преждевременно погибшего проф. Д.К. Петрова, имеющее природу литературного или, следовательно, надуманного термина, к баскскому народному выражению не имеет никакого отношения. А если бы имело, то от испанской этимологии пришлось бы отказаться как от так называемой "народной", т.е. надуманной в лаборатории с кругозором, без учета живой среды, кабинетно-мыслящего работника.

В самом деле, когда речь о таком предмете бытовой материальной культуры, как "оселок", то у басков есть основания притязать на принадлежность еще им, до зарождения испанской речи, такого "термина цивилизации". И осторожность в этом смысле диктуется потому, что,

тогда как у испанцев это описательно *piedra aguzadera* "точильный камень", в единой форме, у басков в трех диалектических формах *guztera* (орф. *guztera*), *gestera* (орф. *geztera*), то же, но и в пикорие *gestera*, *geütera*, *estera* (орф. *eztera*), в значении *maule à aiguiser* "оселок", или, как на Кавказе, да и вне Кавказа говорят, *oax* (местами *oax*) "колесо для точения", *ḡax-wa* "острить", "шлифовать". Кроме того, этим же словом по-баскски называется и "жало змеиное", совсем не по связи с "оселком" или "точильным камнем". Дело в том, что в этих словах мы имеем так называемый префикс двух групп: оканной (go-) и эканной (ge-), первый - с сужением губной огласовки (gu-), второй с падением /g/ в исчезающий спирант (ge-χ[h]e)¹⁰. Эти две разновидности gu-/ge- одного и того же, казалось бы, префикса, тем же, что в баскском слове "ложь" - *gu-sur* (орф. *guzur*), *ge-sur* (орф. *gezur*), причем основа, собственно 2-я часть скращения - *sur* одна в яфетических языках появляется как прилагательное, в армянском с озвончением *s > z* в значении "пустой" - *zur*, в грузинском с подъемом *v > o* и с природным для него стечением согласных в начале в значении "ложный", "лживый" - *oṣi* (<^a*sur*), откуда у грузин "ложь" с префиксом *si-*; *si-ṣi-e*, как в баскском, казалось бы, с *gu-/ge-*. На самом деле в этом яфетическом языке *gu/ge-*, на низшей ступени *he-* (/hi-) не стали еще префиксами, это пережитки I-й части скращения, их имеем в массе случаев баскской морфологии, как, напр., в *he-sur > e-sur* (биск. *a-sur*) "кость". представляет стянутый вид вместо **bovor* (χ^a **bovor* - **boxor* χ^a **bovor* (ср. чув. *boṣe* "кость", св. *ḡi - ḡw id.*), формы шипящей группы, и палеонтология лежит в одном кругу со свистящим в таком случае его эквивалентом груз. *ḡval* "кость" (спирант. налично в чанском: *ḡvil > il*) 0 префиксе *o-* и его палеонтологии (восходит, разумеется, также к племенному слову) особо, но во всяком случае арм. *o-akor* <^a*o-akur* *o-akur* "кость", а с ним и баск. *ge-sur > e-sur* "кость" нельзя разлучать не только с греч. *osteon*, ав. *ast-*, но в известной мере также, конечно, с пехл. *a-stu-xwān*, новоперсид. *u-stu-xān*, причем, однако, в последних уже средне- и новоперсидских, но отнюдь не столь новых образованиях, придаточный звуковой комплекс - *x^wān*, на яфетической почве *xwān > xān/χān*, гебр. *koṣ* - самостоятельное слово "кость" в состоянии скращения¹¹, унаследованное персидским и вообще иранскими языками, вроде курдского, от докатория всей Передней Азии вплоть до Памирских высот, т.е. на всем протяжении подлинно-иранского мира воспринято, следовательно, в этнических путях от его доисторического населения с яфетической речью, я, конечно, это не курьезная или в какой-либо мере случайная примечательная форма или, как именует Горя (кв. 85) *die merkwürdige Form*, с распространением от курдского района в Передней Азии до памирских диалектов Средней Азии,

езде, по его мнению, "заимствованное (из персидского) слово". Для исчерпывающего разъяснения напрашивающихся сближений, впрочем, требуется палеонтология не одних форм, но и значений, палеонтология семантики, по которой значения возникали не по психо-физическому восприятию, а по общественной функции предмета, и "кровь" носит скорее одно название с "братом" (это разъяснено теперь нами особо), а не наоборот, не говоря о том, что "брат" отнюдь не из абсолютно первых слов, поскольку была эпоха даже звуковой речи без нашего представления о брате, а у "крови" свое происхождение от "воды" тоже по функции ¹². К кругу этого порядка "префиксов" относится и $gi - (gu < *gi : *gip)$, наличный в названии местности $Gi-rusk-oa$, что собственно значит не "Баския", а "Ионобаския", неполный двойник Кантабрии, также ион-берского скрещения, но с излишком ta , салского племенного слова.

Следовательно, во 2-й части баскского названия "оселка", скрещенного термина, мы имеем дело с оалским словом $ster$, синонимом ионокого $gi-(gi-ster-a)$, $ge\gamma(h)e-$ ($ge-ster-a$, $ge-ster-a$, $e-ster-a$), а это не что иное, как или "небо" > "круг" ($I-\hat{a}tar$; $Asteria$ и т.п.), "колесо" и т.п., или тоже "небо" > "гора" > "скала", гебр. "камень" и в связи с этим в обоих случаях "точильное колесо", $sa\gamma$ -или "точильный камень" (груз. $sa-le\dot{s}i$ kva) (франц. $meule$ (a $aiguise$)) и т.п.

Двадцатеричная система исчисления, по мнению Уленбека, не доказывает ничего по историческому родству. Мы предпочитаем формулировать наше мнение так, что расхождение в системе исчисления, наличие в одних языках десятичной, в других двадцатеричной системы, не исключает вовсе родства языков (мы это наблюдаем в кругу самих яфетических), но если налицо одна двадцатеричная система, то это, несомненно, говорит при других сопутствующих признаках о более тесной связи. Смеем думать, что и всякий иной признак, взятый вне совокупности всех "природных" черт, сам по себе ничего не решает по вопросу о родстве языков; что же касается конкретно соотношений числительных в баскском и яфетических языках Кавказа, то этот вопрос, как все прочие, нельзя ни в каком смысле решать без учета сравнительной фонетики яфетических языков, обоснованной уже на палеонтологии. Теоретически в этом отношении невооруженному глазу естественно не найти ничего общего даже между баск. $bo\dot{s}t$ /boro "5" и груз. мегр., чан. $ku\dot{t}$, сван. $wo-xu\dot{s}o$ "пять" ¹³.

Об яфетическом характере перерождения $\hat{a}t > go$, как в груз. $\hat{a}t > go$, можно не упоминать. Важно то, что "пять" яфетически выражается "пятерней", "кулаком" ¹⁴ и баск. $bo\dot{s}t$ "пять" с разложением $\hat{a} / \hat{a}t$, как $\hat{a}t$ на востоке, получается из $o/\hat{a}t\hat{a}t-1$ (груз.) < $mu\dot{s}$ "кулак", восходит к $bo\dot{s}$. Семантический вопрос о восприятии этого слова в смысле "сжатой пятерни", "кулака" или "раскрытой пя-

терни", как бы "лапы", разрешается самим бытованием, так *roṭ* "платерня" в грузинском воспринято было в смысле "лапы", и поэтому на-лицо груз. *roṭ-in-i* "простирать к кому-либо руки", собственно, "облапить", "хвататься".

В книге Брауна (Браун, 1932) приведено еще нем. *Faust* "кулак" в связь с нашим словом, и совершенно верно. Тут нас могло бы смутить не мнение природного грузина о сомнительности такого факта, а недоумение, что ни один природный представитель германской племенной группы, будучи несомненно чаще германистом, чем грузин бывает грузиноведом, не подумал проследить далее (кстати, это могло бы быть проверкой предлагаемого утверждения Брауна на посрамление яфетидологии), правда ли германское *st* представляет разложение яфетического, *гезр.* доисторического δ (/ ϕ)? Не знаю, когда удосужатся для проверки такой детали специалисты германской филологии, попутно снабдив себя и филологическим, и лингвистическим знанием грузинского, несколько больше, чем тем располагают обидчивые т.н. кавказоведы вроде Боржа⁴⁵ или наш скромный друг М. Церетели, искренне думающий, что располагает необходимым теперь научным знанием грузинского языка (правда, это вовсе не легко, и, может быть, нам, грузинам; более чем иностранцам, особенно немцам, если бы действительные ученые из них принялись за дело!). Но как яфетодолог не могу не указать того, что формула $\phi/\delta > st/\delta t$ имеет приложение не только к отношению герм. *st* (туда же *Staub*, *Stimme* и др., как то разъяснено будет в своем месте), но и слав., *гезр. рус. st* к его эквиваленту в яфетических языках⁴⁶; так, сейчас интересно нам отметить, по связи случая также и с баскским, такой пример из русского, как "пустой", "пустыня" и т.п., с его славянскими разновидностями, в числе их на германской почве прус. *rausto* "дикий". Не касаясь сейчас связи *st-sx*, остановлюсь лишь на интересующей нас части формулы, именно *st < ϕ* (/ ϕ),

преддрекающей неотделимость звука /t/, как какого-либо форматива от /s/ в слове "пустой". Яфетическая основа в нем (берск. *rust- < rus/ruḏ* (> *ruḥ*) - (или саяск. *ṛuḥ > ruḥ* отсюда: груз. *ruḥ* - "гнилой", "пустой" (орех), груз. *ruṭ* + *ur-o* (< *ru-ḥuro* [скреп. бер.-сая]), "пустое, *гезр.* полое", "дуплс", арм. *ruḥ* "пустой", "тщетный", арм. *rut- < bud* "гнилой" (см. *rut-kaṛ* "особый сорт камня" (8, с. 25), баск. *huc* (орф. *hutz*) "пустой" (точнее, *hutz*,- ред.).

В состоянии разложения архетип *boḥ*, на востоке *ḥuḥt*⁴⁷, *гезр.* **buḥt*, с сужением губной огласовки /o/ в /u/ при губном коренном, и как до палеонтологического углубления казалось, по спирализации с ротатизмом, одинаково присущих армянскому, в нем далось основание возникнуть разновидности **buḥt = buḥt-in* "к.лак", но теперь исходя из яф. *h/* (в арм. *tt*) - *ḥ/ < ḥt / st <* $\phi >$ o, именно к *buḥt* мы восходим,

как к архетипу, окапшему виду берского племенного слова. Для нас сейчас важна простая основа *boδ*, в разложении *boδ = boδt*. Это основа грузинского глагола *boδa* "загреб", "забрал", синонима и разновидности другого грузинского глагола *x-veδa*, со скрещенной сал-берской основой, при закономерном грузинском слиянии *ve* в /u/, дающего **xud*, на 3-й ступени звонкости **xud, gvar. xud*.

При *x-veδa* в грузинском мы в языках шипящей группы должны бы ожидать **xwaδk*, а раз этого нет, то /δ/ в грузинском есть смещение /o/ под влиянием шипящей группы, т.е. чистый грузинский вид **xveδa*, следовательно, шип. *xwaδ* с дессилибиацией *xwat*, чего, правда, не досчитываемся ни в чанском, ни в мегрельском, но его сохранили воспринявшие в себя наследие скифской речи славяне, ибо отсюда рус. "хватать" и т.п. Что груз., мегр., чан. *xat* восходит своим зубным /t/ к аффрикату *δ* (/o/), это ясно из его сванской разновидности с разложением *δ* в *bo - vo-xuδe*.¹⁸ Таким образом, и в этой работе проф. Уленбека, чрезвычайно интересной специальными замечаниями по деталям, мы в идеологической основе видим положение, нас различающее как работников двух различных эпох.

Правда, в Ленинграде не располагаем исправленной переработкой основной работы голландского ученого, но и в *Berichtigungen* к ней выступают некоторые общие положения, вынуждающие автора к тем или иным поправкам, и есть потребность и возможность их отметить осознанно как вклад, иногда поддерживаемый и яфетодологическими соображениями. Таковы, напр., когда при установлении баскской междиалектической корреспонденции *a-e* Уленбек устраняет ряд случаев, в которых такое соответствие есть показатель не диалектических фонетических соотношений, а или морфологии, или истории гласного /e/, получающегося из /ai/ (*gvar. aj*), т.е. когда /e/ вторичный.

Когда Уленбек недоумевает перед чередованием огласовки *e/o*, то надо помнить, что это — часть формулы *a/o/e*, характеризующей огласовку трех групп в яфетических языках, и нет повода подвергать сомнению на этом основании связанность баскских *tekim toki*, одинаково означавших "место".

В поправке к с. 70 читаем (с. 8): "Собственно изменения *p : t* не существует вовсе"¹⁹. Приведенные случаи подлежат иному обсуждению. Что касается *ahispa, aispā : aista*, здесь мы имеем дело, может быть, с различием суффиксов".

Т.е. выходит так, что Уленбек в конечных слогах — *pa* и — *ta* слов *ahispa* и *aista* "сестра" склонен видеть суффиксы, между тем, как мы уже видели, *ahispa > aispā*, если признать его отождествление с *abx. aηuца*, — составные слова, каждое со значением "женщина+брат", и вторая часть — *-spa* значит "брат", как и груз. *zpa*, и в таком случае ни о каком выделении слога — *pa* как окончания не может быть речи. Что

же касается *aj-sta* (*aizta*), то это также равнозначное составное слово из *ahi-sta* > *aj-sta*, причем здесь вместо *ari* имеем *sta*, именно /s/ в подъеме *e* > *i*, да в разложении, с утратой исходного согласного, но не губного *pʁ* из архетипа **sar* (> **star*) > *Jam* (*Jamia* "братец"), как мы предполагали раньше, а плавного /l/ другого равнозначившего слова с архетипом **sal* (> **sta* [l]) > *Jal*, к которому, а не к *Jam*, восходит, между прочим, -*Ja* в составе как скрещенного термина груз. *J-ma* < *Ja-ma* "брат" (ср. *Ja-m-la* "братец"), груз. *bi-Ja* "дядя", букв. "отца брат", с дессилибацией - *da*. В виде *da* это "сестра": дифференциация использована для отличия от *Ja* "брат". Следовательно, разница между *ajsa* "сестра (сестре)" и *ajeta* "сестра (сестре)", собственно, за общностью *a(h)i* "женщина", между вторыми частями этих слов, означавшими "брат" - *s-pa* (< *sa-pa*, гесп. *sa-ba*) и *sta* (< **sal*) такая же, какая между *J-ma* (< *Ja-ma*) и *Ja*, из коих груз. *Jma* употребляется самостоятельно в значении "брата", *Ja* в том же значении в составном груз. *bi-Ja* "дядя" ("отца брат"), а груз. *da* в значении "сестры" ²⁰.

Все это давно уже разъяснено в печати, и, думаю, повторение уже известного по этому или другим номерам того же списка слов Уленбека ничего не прибавит, разве последует опять повторение мысли, что мы пока разлучены как работники различных эпох, причем нам возвращаться в давно минувшие времена нет ни надобности, ни даже возможности, без отказа от знаний, которые теперь имеют основание почитаться элементарными. Однако речь идет не столько о знании технических приемов и правил, сколько о самом мышлении. Когда в этих же *Berichtungen zur vergleichenden Lautlehre der baskischen Dialekte* предлагается этимология *ilargi* "луна", превосходный баскский материал не дается согласованию и примирению именно потому, что языковое мышление, диктуемое яфетическими языками, чуждо исследователю языковеду. Когда вместо *ilargi*, гесп. *irargi* появляется *iretargi*, то признание Уленбеком в звуке /t/ соединительного согласного в составном слове, разъясненное, мол, в своем значении Шухардтом, конечно, не может оспариваться, это есть голое утверждение зримого факта, хотя без понимания его природы, ни даже того, что здесь налицо -*et*- (а не один согласный /t/), окончание мн. числа в восприятии род. пад. *ir+et-argi* "светило" *il*, ов или *ir*, ов ²¹. Но здесь легко столковаться. Иначе обстоит дело с пониманием смысла термина: *il*, восходящий в архетипу *h1l*, *hel*, утратившему спирент, и его двойник *h1r*, *her* воспроизводят спирантный вид сибилантного *sir*, *ser*, в баскском в форме мн. ч. *serc*, означающий "небо", в частности "нижнее небо", "преисподнюю", "мрак" (в связи с этим и значение "умирать"), а как частичное проявление неба и "луну", основу греч. *sel-en-a* ²². В самом баскском же *il* появляется и в значении "луны" в выражениях *il-begri* "но-

вая луна", *ila bethe-ila bete* "полнолуние" и т.п. Но когда имеем составное *ilargi*, то это не "свет мертвых", как толковали раньше и по существу ближе к истине, и не "лунный свет", как толковали впоследствии Венсон и Шухардт, а "светило преисподней" или "ночного неба" 23.

Вот эта подоснова, совершенно иное языковое мышление, требующее соответственно отличного подхода, повторяю, более, чем технические познания, различают нас с Уленбеком. Хотелось бы верить, что не надолго.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Яфетический оборот, I. (Март, 1922 а).
2. Olavide'tar Bgailun. Giza-Sona, Tolosa, 1917.
3. Март Н. Нарядательное значение термина хера в "митанских" женских именах (по яфетическим данным). Прил. к прот. УІ заседания ОИФ РАН 24 марта 1920 г. I21, особенно I24-I25.
4. Март Н. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства (ИРАН, 1912).
5. Март Н. Непочатый источник истории Кавказского мира. - ИРАН, 1917.
6. Март Н. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (к увязке языкознания с историей материальной культуры). Л. 1926.
7. См. Март Н. Яфетические элементы (Март, 1910 в), I, §3, где анализ дан без учета того, что открыла с тех пор палеонтология.
8. Н. Март, Сборники притч Вардана, I (§ 22). (Март, 1899).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Марр Н. Я. Две новые работы С.С. Uhlenbeck'a по баскокому языку и литература, I, Л., 1926, с. 261-278. (Переиздается с сокращениями. - прим. ред.).
2. Префикс имеет свою палеонтологию, некогда он представлял самостоятельное слово; в составе сохранившегося басками звукового комплекса для выражения "сердце" оно одно могло означать и, как теперь выяснилось, означало "грудь-сердце": баскокое слово в целом двуплеменное бер-салское окращение, двойник сал-берского у семитов - араб. *ḥalb* "сердце" и др. Баскокий порядок ор.о груз. *bur-ka* ("сердцевина" >) "косточка плода". (Ср. *gur-ka* < *kur-ka* id.).
3. Со слогом *au(a)* в начале слов надо быть очень осторожным, так как этот, казалось бы, префикс, восходящий к архетипу *ag-*, здесь лишь опирательная разновидность слова -ша "брат" (налицо окращение).
4. Уже теперь, в ноябре 1925 г., когда пишу эти отроки настоящего примечания, вскрыта палеонтология вообще термина "брат", в том числе и индоевропейских слов, не исключая русского, и семитических и, конечно, яфетических: яфетические и индоевропейские термины двуплеменные окращенные слова, первые в общем сал-берские (груз. *3-ṣa* < *ṣa-mal*, баск. *-ṣ-ṣa*). Ред.: абзац содержит предельный по оложности узел, полный как далеко идущих этимологических идей (элемент *ra/ṣa* в значениях "дети" и "брат/сестра", в составе и абхазских, и баскоких терминов, и картвельского *3-ṣa* и т.д.), так и внутренних противоречий, обреченных приемов, прямых ошибок и т.п. В баск. *aḥiṣ-ṣa* (орф.) "сестра женщины" (никак не "женн") на втором месте должно содержаться действительно "ра" "брат/сестра" (а на первом, в составе *aḥiṣ* какое-то слово со значением "женщина", но этим словом может вовсе и не быть "н" "женщина", поскольку мы не видим его следов в самом баскоком).
5. Откуда груз. *kar-ka* с тем же значением "куча камней".
6. В баскоком за утратой этих звуков шипящего ряда появляется или десятибильзованный их вид *nd*, *resp. d* и *nt*, *resp. t* или эквивалент свистящего ряда *s*/(орф./*tz*/).
7. Объяснение Аскуп *Diccionario s.v. (Azkue, 1905)* о производстве от *atṛi* с помощью суффикса *tza* не соответствует действительности. Ред.: наоборот, реально именно это объяснение.
8. Ред.: Последняя форма буквально значит, собственно "в глажении", инфинитиву соответствуют вторая форма (причастие) *alegatzte* "глажение" (масдар).
9. Здесь кончается цитата Марра из Уленбека.

10. И в данном случае мы не останавливаемся на вскрывшейся уже за последние месяцы палеонтологии этого префикса, также пережитка племенного названия, племенного слова.
11. Унаследовано персидским и вообще иранскими языками, вроде курдского, от доистории всей Передней и Средней Азии вплоть до Памирских высот, т.е. на всем протяжении подлинно-иранского мира воспринято, следовательно, в этнических путях от его доисторического населения с яфетической речью, и, конечно, это не курьезная или в какой-либо мере случайная примечательная форма или, как именует Горн (№, 85) *die merkwürdige Form*, с распространением от курдского района в Передней Азии до памирских диалектов Средней Азии, вездю, по его мнению, "заимствованное (из персидского) слово".
12. Ред.: Еще один сложнейший узел идей с важными указаниями на возможные сравнения для баск. *gezuz* (орф.) "ложь" и баск. *hezuz* "кость" (орф.).
13. Я не прослеживаю сейчас ни усеченных форм этой же основы, напр., чан. *х₁*, *абх. х₀* в составе *х₁-ба* и *х₀-ва* ни иных ее разновидностей.
14. Семантическая история в палеонтологическом разрезе может быть и иная: "руки" (> "кулак") > "много" > "пять" / "десять" / "двадцать" / "сто" и т.п.
15. См. его изумительную по смыслу при абсолютном незнании с яфетидологии *quasi*-критическую заметку.
16. Интересно в этом отношении отождествление русского *st* с арм. *ծ(ժ)* в русском слове "хвост" / арм. *բօժ*, где мы наблюдаем имеющее громадное распространение соответствие *х₁/r*, собственно *х₁ > h₁ -av > (h)p* (---ар), где, кроме того, палеонтология вскрыла, что *х₁ > h₁ -av* - пережиток I-й части скрепленных слов, но обо всем этом особо и впоследствии, когда образуется хотя бы элементарно подготовленная для восприятия более сложных яфетидологических положений аудитория. Пока мы видим неспособность, вообще нерасположение и в нашей среде, не только понять даже элементарные вещи, но хотя бы и слушать их без: 1) шор и 2) европейской визы.
17. В персидском имеется и *тиѣ*, как подсказывает мне Ю.Н. Марр, на основании учебника Хан-Меликшана *nikhist nama* (Тегеран, 1324 гиджры).
18. Этимология, в извлечении предложенная здесь, по частям разбросана у меня в различных работах моих и более обстоятельно в работе проф. Брауна, *Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen*, но полное изложение она найдет там, где придется разъяснить яфетическое происхождение вообще индоевропейских числительных. Что касается замечаний М. Перетели (см. отступление в

связи с баск. *bozt*) в его рецензии на работу проф. Брауна, то они плод сплошных недоразумений, как и вся эта претенциозная критика.

Ред.: Вся эта (связанная с числительными) часть марровского "потока сознания" уже уходит из-под возможностей какого-либо комментария, и не только потому, что, как обычно, в этой части есть более чем уязвимые положения – наряду с гениальными догадками – но особенно и потому, что в самих этих догадках все "уязвимое" – слишком (по крайней мере, для нас) синкретично слито и слитно со всем положительным. По-видимому, за сколько-нибудь серьезные комментарии к этой части (как впрочем, и по многому другому у Н.Я. Марра) сможет взяться только ученый будущего.

19. Ред.: Имеется в виду, что в баскском нет чередования *h/l* на фоне *r/t*.

20. В баскском подлежат привлечению сюда и другие термины родства, особенно "отец" (< "муж") и т.п., в виду семантической палеонтологии термина "брат", о чем особая статья, печатающаяся в ИАН. С учетом устарелости некоторых частностей груз. *bi-ja* и др. см. Н. Марр, Абхазское происхождение грузинского термина родства *bi-ja* (ИАН, 1914, с. 143–146). Ред.: Здесь – каскад фантастических построений с внутренними противоречиями и с противоречиями предыдущему (см. предыдущий материал по баск. *ahizpa*). Комментарию не поддается, в некоторых пунктах имеет исключительный интерес.

21. Ред.: Это, как и бесконечно многое другое, конечно, тоже возможно. Однако вероятней всего, что форма *ir-et-argic* /-et/ на месте обычного соединительного /-t/ возникла в данном случае из **ir-targi* в силу близкого соседства двух /r/, а /e/ в *сос-таве* /-et-/ является чисто эвфоническим.

22. Ред.: В связи с чем *vel--el* в яфетических языках служат основаниями глагола "подниматься". Ред.: баск. *zelu, zeru* (орфографически) "небо" заимствовано из латинского (*coelu* id.). Значений "нижнее небо, преисподня, мрак, умярять" и т.п. не имеет. В то же время сравнение баск. *il* < **h₁il* "луна" как с греч. *vel-e-na* и др., так и с целым рядом кавказских слов в значении "ночь" представляет особый интерес.

23. Ред.: Иначе говоря, "оветило смерти", ср. баск. *il* "мертвый" и т.п., что вовсе не оригинально. Вместе с тем это и недоказуемо, а главное – это проигрывает по сравнению с теми этимологиями, которые учитывают прежде всего данные самого баскского языка, в частности – наиболее распространенные в нем композитные типы.

У. Яфетическое происхождение баскского языка
/перевод с французского/ I

ВВЕДЕНИЕ

Теперь уже незначит доказывать самую обычную родственность, связывающую баскский язык с яфетическими языками Кавказа, чем занимаюсь мы пять лет тому назад.

Во время моего первого пребывания у басков после того, как я под непосредственным впечатлением составил первое представление об их языке во Франции, со стороны испанских носителей этого же языка последовало воодушевлившее меня обращение, говорившее, в частности, о внимании и по ту сторону Пиренеев, т.е. в общепаскском кругу.

По любезному предложению Р.М. де Аскуэ представить соображения к проблеме происхождения баскского языка я в срочном порядке напечатал французский перевод моего предварительного сообщения на эту тему, доложенного за несколько месяцев до того Российской (ныне Советской) Академии Наук. Этот перевод сопровождался обширным письмом, заменявшим введение, в котором я заявлял, что мои исследования, только что проведенные в Байонне и имевшие первостепенное значение для изучения доисторической Европы, не ставят под сомнение, а, наоборот, все более подтверждают положение о яфетическом происхождении баскского языка, высказанное уже в том же предварительном сообщении, в русском его оригинале (Н.Я.Марр, Об яфетическом происхождении баскского языка. — Известия Российской Академии Наук, 1920, с. 131-142).²

Уже в то время в Байонне возникавшие задачи не рисовались в том плане, чтобы только констатировать указанное родство, но попытаться более точно определить место баскского языка среди яфетических и принять меры к составлению его грамматики как одного из последних, а также к интенсификации баскологических исследований на основе принципов яфетической теории, на Западе, естественно, неизвестных.

Я говорил "естественно". Но также "естественно" было и то, что на Западе /яе/, включая и баскскую его часть, указанное столь любезное предложение не получило развития и продолжения: переводу моего предварительного сообщения о яфетическом происхождении баскского языка, как и сопровождавшему его письму (а в настоящее время оба они нуждаются уже в уточнениях), не суждено было увидеть свет так, как это планировалось.

Впрочем, о некотором устарении указанных материалов мы ведь судим уже с точки зрения собственного несколько иного (более современного) понимания яфетической теории. Вообще же для научного мира

указанное мое предварительное сообщение все же остается новостью, и не лишено актуальности также мое письмо к монсеньюру Аскуэ. Вот это письмо.

I

Дорогой коллега мсье де Аскуэ!

Направляя на Ваше попечение на предмет издания французский перевод моей предварительной статьи о баскском языке (он сделан с трогательной обязывающей меня поспешностью моим племянником и лишь отредактирован мною), я хотел бы с Вашего разрешения сделать здесь несколько вводных замечаний.

Во-первых, удостоверяю, что текст идентичен оригиналу, и цель его состоит в том, чтобы представить на суд высокого научного собрания основания для направления меня в эту научную экспедицию к баскам: никоим образом речь не идет, следовательно, о разработанной концепции или окончательном доказательстве родственности баскского и яфетических языков.

После составления данного текста я напредвзято работал в том же направлении в течение нескольких месяцев, последний из них здесь, в Стране Басков, и теперь могу добавить, что имеются в Сообщении ряд новых фактов и соображений, все же говорящих в пользу указанного родства; одновременно я могу теперь несколько уточнить некоторые мои общие положения.

Сокалелю, что еще в Сообщении не занялся проблемой баскского ударения, особенно в сулетинском, т.к. это наводит на мысль о связи определяемого слоя в самом баскском с соответствующим слоем в литературных грузинском и армянском (баско-мехетским или иберийским, что пока что не ясно).

Независимо от этого становится актуальной идея грамматики баскского на яфетической основе. Сейчас уже не то время, когда достаточно было просто ваялять о возможном родстве баскского языка с исконными языками Кавказа.³ Пора уже перейти от этих слов к делу — к делу в виде именно такой грамматики. Не стоит, думаю, время тратить на дискутирование самого положения, о котором многие и слышать не хотят. Надо это положение по-деловому развивать, и это даст нам слушателей, слушателей внимательных и ценных.

Самой идее уже пять веков, чего нельзя сказать о подходах.

Испанский историк XV в. Маргерит⁴ был в этом деле пионером, причем он оперировал свидетельствами историков и вообще писателей и бытописцев о кавказском происхождении аборигенов Пиренейского п-ова. Четыре столетия спустя другой испанец и тоже историк попытался утвердить эту же идею лингвистически.

Я указываю его в Сообщении.

И я думаю, что было бы трудно найти более правдивую и более благородную фигуру в Мадридской (или любой другой) Академии Наук,

чем он — этот ее член Фидель Фита, как трудно было бы найти и более правдивое и реалистическое, чем его, положение о языковом родстве древнейшего населения Испании с грузинским, если бы только (о чем приходится сожалеать) средства и аргументы Ф.Фита не стояли несколько ниже уровня его задачи; пытаюсь уточнять свои положения, он затемняет их, и эта тьма вовсе не рассеивается, когда затем мы вновь обращаемся с ним к конкретным фактам.

К тому же не ясно, что все-таки пытался он доказать: родство баскского с грузинским языком, в пользу которого он, пусть иногда случайно, не преминул указать немаловажные данные, или же родство всех языков мира (например, санскрита с арабским), для чего он прибегал без конца к случайным и поверхностным созвучиям. Такой "отрекавшийся Петр", как Эрвас (поскольку он в свое время отказался в конце концов от первоначального мнения по данному вопросу) или Маргарит могли бы найти себе соответствующее оправдание в своей эпохе. Но и этого, к сожалению, нельзя сказать о Ф.Фита, поскольку этот выдающийся испанский историк напоминает в данном случае солдата XIX в., воюющего за правое дело с помощью простой дубины.

А ведь проблема — то не из тех, чтобы обстреливать из ее пращи Давида. Она и в наше время оказывается не по силам даже тем, кто владеет лингвистическими методами, отработанными в XIX в. на индоевропейской почве: точнее, кто владеет не более, чем этими методами.

Первым инструментом, к которому прибег Ф.Фита в своей попытке раскрыть тайну баскского языка, был, кроме того, грузинский язык, но этим инструментом надо было владеть, что в первую очередь приходится оказывать и обращаясь к весьма, впрочем, содержательному трактату Генриха Винклера(I).

Если бы последний труд был у меня в Петербурге, когда я готовил русский текст моего сообщения, то я бы воспользовался несколькими из него фрагментами для подкрепления моего мнения, или же для того, чтобы ввести дополнительные факты, которых либо не хватает у Винклера, либо они представлены у него ошибочно.

Вообще же мы, т.е. Винклер и я, пришли к одинаковым принципиальным выводам по существу проблемы, рассматривая в принципе и тот же материал с разных двух точек зрения, что уже само по себе говорит в пользу того же вывода и является счастливым знаком для будущего. Что касается меня, то я, независимо от чего бы то ни было, был приведен к моим выводам, разумеется, самым естественным ходом моей работы в области восточных языков.

Очень жаль, что Г.Винклер не прошел русской школы грузино-армянской филологии. Это освободило бы его от необходимости заниматься элементарными вопросами грузинских заимствований из других т.н. кавказских языков, как из армянского, иранского, тюркского и т.д.

При отсутствии той же школы и другой подготовки не следовало бы ему также, думаю, столь налегать на отношения кавказских языков с финно-угорскими, алтайскими и индоевропейскими или, по крайней мере, не следовало настаивать на их генетическом родстве, помещаемом в бездонных глубинах времени.

Что касается подготовки в области истории грузинского и родственных ему языков, то достаточно было бы привести здесь строки (с.11), где Винклер перечисляет надежные окончания "инно-кавказских языков", т.е., собственно, яфетических языков свистящей и шипящей подгрупп (из сибилантиной группы), трактует о местоименном и втором дательных падежах, или же привести анализ грузинского слова *zadgom-i* (с.41) *-sa-: sein, Ort, wo...adgomi=sein(wo), Ort, wo stehen=Haltepunkt* ср. также трактовку груз. *me* "я" (**me-n*), *ben* "ты", как заимствований из другого языкового слоя. Если бы в этом отношении дело обстояло хоть чуточку лучше, то вовсе не оказалась бы непреодолимой та пропасть, которую немецкий исследователь исторически видит между баскским и кавказскими языками в их звуковом строе. Равным образом, иное освещение получил бы также консонантизм "инно-кавказских" языков, именно- шипящей подгруппы, характеризуемой прежде всего полногласием, а ведь как раз к этой группе и восходят две основных прослойки баскского языка, как и тот слой (доп-в), который "подстилагет" два гибридных языка Армении, являющие собой с нынешней нашей точки зрения нечто переходное от яфетического к и-е состоянию.

Не представляется удачным и анализ абхазских личных местоимений у того же автора, который видит в них суффикс - *aga* вместо -*ta* (с.16), тогда как это всего лишь формант мн. числа, что не препятствует значению только единственного числа у самих содержащих его местоимений. Корни */s/*, */u/*, */w/* в основах абхазских местоимений для Винклера - нечто испорченное (*verstümmelten Formen*, с.23).

Несмотря на все это, мы отмечаем у Винклера вполне оправданные и иногда просто гениальные суждения, скорее же счастливые прозрения, которые с учетом сказанного тем более поразительны. Вместе с тем труд Винклера оказался, естественно, слишком уязвим, чтобы могла восторжествовать его основная идея. Это тем более досадно, что более осведомленному исследователю часто несложно было бы сделать вполне приемлемыми те или иные утверждения Винклера.

Последний говорит, например, что "инструментальный" падеж субъекта бытует в большинстве "инно-кавказских" языков, как и в баскском. Однако падежом субъекта является в сущности не инструментальный, а дательный, иногда также родительный, как это отмечает и сам Г.Винклер (с.19), и с учетом этого факта в масштабе всей соот-

ветствующей языковой среды он мог бы говорить о дательном и родительном падежах субъекта как особенностях, общей для всех яфетических языков, включая "кавказские" и баскский. Кроме того, он при том же условии не позволил бы себе говорить об отсутствии пассивных форм во всем круге этих языков в целом (с.12).

При отсутствии общей ориентации в кавказском языковом массиве, при отсутствии "чувства" этого массива вторичные образования, хотя и основанные до исчезновения материальных экспонентов понятийных (idéales) категорий, легко бывает принять за исходные, и Винклер в силу этого и представляет в качестве древних ряд современных явлений. Спешу оговориться, что я вовсе не отрицаю наличия грамматических категорий без специальных экспонентов, но символизмом в них не играет большой роли; это пережиточное отражение того периода, когда синтаксис занимал еще место этимологии.

Это означает и преувеличение у Винклера роли символизма в морфологии.

Не имея ясного представления о сложных истоках яфетических слов с "удвоенными основами" или с "варьированием гласных и согласных" - слов, которые иногда вытекают из слияний двух синонимов, либо двух звуковых течений (courants phoniques) двух разных языков, вступающих в скрещение, Г. Винклер должен был уступить слишком большое место символизму, материальным элементам без осушительного значения (sans la substance significative) в созидании лексики.

Отсюда такие утверждения, что якобы в духе яфетических языков иметь понятийные (idéales) категории без выражающих элементов, что это языки, не поддающиеся, не подверженные действию основных закономерностей, установленных общей лингвистикой, что в баскском отражен такой ранний и более ясный этап образования глаголов, которого мы уже не наблюдаем в языках Кавказа.

Однако баскский язык не только не является чем-то первоначальным, чего и сам Г.Винклер решительно не допускает (с.49-50), но и далеко не прост по структуре, так как это язык скрещенный. Его соблазнительная ясность - это ясность маскировочной ости, состоящей из вторичных элементов, за которыми переплетены отдельные части и целые словы, восходящие к различным ветвям и группам яфетического ствола.

Хотя в своей оценке фактов Г.Винклер нередко приближается к нашей точке зрения, но различия конкретных трактовок всегда очень существенны. В области баскских и кавказских числительных, к моему большому удовлетворению, даже сами этимологические предложения Г.Винклера не отличаются иногда от моих. Однако и здесь есть существенные расхождения: в отношении баскского языка с хамитическим (с.35) с яфетической точки зрения следует вычеркнуть баск. bat

"одни", *bederasi* "девять" и другие термины; равным образом неприемлемо оказывается здесь то утверждение, что между северо- и южно-кавказскими языками нет никаких очевидных связей в области числительных, за исключением терминов для пяти и десяти, а относительно баскского мы бы с гораздо большей уверенностью утверждали, что его числительные для 8 и 9 представляют собой композиты древнейшей эпохи.

С учетом той сети звуковых закономерностей, которая жестко охватывает яфетические языки, делая из них не столько "семью", сколько особую систему, тот, кто достаточно долго работал в этой области, определил бы родство баскского с кавказскими языками не только как "внутреннее глубокое" (*innerlich tief*), но также и как внешне отчетливо выраженное в языке.

Наконец, не могу не коснуться той части примечательной работы Г. Винклера (поскольку теперь уже ясно само положение вещей), где говорится, что баски происходят от одного корня с тем народом, который носил то же имя в дои-е Армении: ср. *baski* *pasik*/*tsik*/*pasik* "Баски, — говорит Г. Винклер, — вероятно, вышли из дои-е Армении"... , из страны, "где жили армяне или протоармяне (вероятно, кавказского происхождения)" (с. 37). В то же время Г. Винклер утверждает, что баски никогда не жили к югу от главного Кавказского хребта (с. 50), а только к северу от него, т.е. на Северном Кавказе "в соседстве с угро-финнами и турками" (с. 52), причем Г. Винклер опирается на тот "факт", что баскский язык не столь якобы близок к южно-кавказским языкам (что, конечно, неверно).

Анализ топонимов и этнических терминов нам позволяет, однако, говорить о миграции басков именно от Армении до Северного Кавказа, а то, что Винклер определяет прародину басков на Северном Кавказе, — это по нашему мнению, всего лишь этап их миграции⁶.

[а/ Сейчас, в 1926 г. мы видим, что вопрос о миграции басков слишком сложен, чтобы можно было с легкостью перемещать их с Кавказа на Пиренеи и с Пиренеев на Кавказ. Баски на Пиренеех так крепко и органически связаны с их этническим окружением, т.е. с романскими народами⁷, что невозможно говорить о какой-либо отдельной миграции басков на Пиренеи: эта "миграция" должна была не только происходить в самые отдаленные времена, но и далеко превосходить рамки того, что обычно понимается под историческими миграциями⁸; речь идет, следовательно, о чем-то огуло доисторическом, о чем-то таком, что относится к первичному распределению (*dispersion*) или расселению (*expansion*) человеческого рода⁹ (Н. Марр. Классифицированный перечень печатных работ по яфетологии, Л., 1926, с. 7), а у нас нет никакого основания искать колыбель этого процесса вне самой Европы¹⁰.

б/ Как мы сейчас думаем, относительно басков речь должна идти

не о миграции, но о смене (по цепи) различных районов более или менее длительного пребывания соответствующей (наиболее "предковой") частью всей расселившейся яфетической общности, всех ее объединенных племен, находившихся в состоянии множественного скрещивания (или же недифференцированных еще сосуществовавших предплемен); речь никак не может идти о миграции отдельного баскского племени.

в/ По поводу миграции басков (в уточненном только что смысле или виде) на громадном протяжении от Армении до Северного Кавказа мы сейчас полагаем, что скорее речь должна идти в пространственном отношении о чем-то более грандиозном: от районов Урала до атлантического побережья Западной Европы.

г/ В связи с тем, что Северный Кавказ — эта, по Винклеру, прародина басков — был в действительности лишь этапом их миграции, мы сейчас могли бы, в соответствии со сказанным выше, сделать то уточнение, что речь идет, собственно, об одном из районов — звеньев той цепи, по которой шло расселение яфетической общности (откуда бы оно и начиналось — прим.ред.).

І. Несмотря на свой яфетизм, баскский, по понятным причинам, имеет выражение черты языка-изолята. Дело уже хотя бы в том, что яфетическая языковая общность обнаруживает в себе ступени своего развития — напластования эпох, соответственно как бы состояний или типов речи, начиная от самого первоначального до сильно развитого близкого к индоевропейскому (и каждое из этих состояний представлено в яфетической семье — *voche* — теми или иными языками, — вставка переводчика), но баскский отражает один из этих типов или состояний в одиночку: других яфетических языков, которые находились бы точно на той же ступени развития, нет.¹²

Не менее очевидно, что баскский является единственным остатком от целой группы языков, которые окружали его раньше и не могли не образовывать вместе с ним отдельную систему: оказавшись лишенным своего яфетического окружения, поглощенного процессом романизации, баскский оказался в том же положении, что яфетический язык Памира — вершикский (яначе бурушаски, — прим.пер.), окруженный подобным же образом языками другой семьи (*voche*) — иранской.

Положение баскского языка менее благоприятно, чем чувашского, родственные соседи которого по крайней мере сохраняют в их новом типе (тюркском и даже финноугорском) больше явных связей с яфетическим слоем, являющимся их основой, их, скорее, доисторическим состоянием.

В этих условиях естественно, что баскский язык сильно пострадал в его фонетической части. Достаточно глянуть "яфетическим глазом" на таблицу баскских фонем, чтобы увидеть произведенные опущения: исчезли все гуттуральные аффрикаты, а из зубных аффрикатов сохранился только последний ряд: с, с', с'² (о характере последнего

и многих других звуков см. ниже - после таблицы).

I. Таблица баскских фонем

Спиранты слабые. Сильные (взрывные) простые. Сибиллянты слабые.

/k-t/> /g-d/> /kh-th/				
Сильные (взрывные) сложные=аффрикаты				
(÷) h	-	-	- c	s(÷)
-	-	-	- ç	š(÷)
(-̣) j	-	-	- ç ²	š ² (÷)
- f				

сильные (взрывные) простые:

t / m > p > b > ph

слабые (сонорные): n/l/r

Пояснения к таблице от редакции.

Отражения некоторых в орфографии: /s/ = /z/; /š/ = /x/; /ç²/ = /s/; /c/ = /c/ = /tz/; /č/ = /tx/ или /tch/; /ç/ = /ts/; /ph/ = /ph/; /th/ = /th/; /kh/ = /kx/.

Точка над транскрипционным знаком вообще (нотирует) у Марра первую степень "глухой" аффрикатизации (с,с), а знак /v/ в том же верхнем положении - первую степень "звонкой" аффрикатизации /з/; в нижнем положении это нотации для второй степени аффрикатизации: č,č²,j соответственно.

Статус ph, th, kh в баскском языке по меньшей мере неясен, так как, например, есть и /lh/, /hh/, /th/ (там, где вообще сохранилось придыхание, т.е. в северных диалектах), но это не фонемы, а сочетания с границей слога между сонорными и /h/. В числе фонем /th/, /kh/ и /ph/ никогда обычно не указываются, а /rh/ кроме того дают как разновидность фонемы /r/ наряду с /f/.

Звука и буквы /v/ нет. Здесь под /v/ понимается, видимо, орфографически никогда не отражаемый /w/ - разновидность фонемы /u/, близкая, например, к англ.: /w/: wall, window и которая иногда действительно дает /b/ или /m/ (как комбинаторно, так и этимологически).

Первый свистящий: /s/, орфографический /z/, одинаков с русским /с/ (например, в слове "стол"), с грузинским /ц/, с французским, немецким, английским /s/, второй же сибиллянт, показанный здесь как /ç²/, орфографический /s/, равен испанскому /s/. Это звук, артикуляционно более близкий к шипящим чем рус., груз., англ., нем., франц. /s/, однако акустически он производит впечатление не шипящего, а все же свистящего, и даже более свистящего, чем рус., груз., франц., англ. /s/. Не только, впрочем, по данному, но

и по многим другим признакам этот звук, — орфографический /s/, — образует и фонему свистящего, а не шипящего типа, почему и в орфографии он всегда показывается как /s/, никогда как /s/ или /š/ или /z/, так, что в баскском есть два свистящих: орфографический /z/ (ср. груз. /*Თ*/ и т.д.) и орфографический /s/ (ср. исп. /s/), и уже как группа свистящих обе эти фонемы или звука противопостоят в баскском действительному шипящему /единственному/ — орфографическому /x/, похожему на рус. /щ/, груз. /*ჟ*/ перед: *ა, ი*. Н.Я. Марру не удалось понять, по-видимому, свистящий характер второго баскского свистящего (ср. исп. /s/), он распял его как шипящий и соответственно нотировал через /š/ (ср. в приложении сравнительную таблицу его нотаций и наших передач). И надо сказать, что исторически это, вероятно, соответствует действительности, т.е. в какой-то отдаленный период данный звук был действительно шипящим (причем единственным), противостоящим (единственному же) глухому свистящему. Но ныне, синхронически (и уже с очень отдаленных времен) данный звук — свистящий /s/, ср. исп. /s/, и нотироваться он должен как /s²/, хотя мы сохраняем и нотацию /š²/.

Все это прямо относится к группе аффрикат, поскольку первая из них, орфографически /tz/, образуется на основе первого свистящего, орфографически /z/, ср. груз. /*Თ*/, вторая — орфографического /s/, ср. исп. /s/, третья — на основе шипящего, орфографического /x/, ср. рус. /щ/, груз. /*ჟ*/. Нотация /š²/ Марра для второй из этих аффрикат соответственно неверна (должно быть — /s²/), но нам приходится ее сохранить, но читателю следует помнить, что под /š²/ у Марра фигурирует не шипящая, а свистящая аффриката, которую поэтому и нотировать следовало бы как /s²/.

2. Отсутствие начального /x/ тесно объединяет баскский с армянским и с чувашским. Такие формы того же баскского, как *eki > egi (ср. egi — "правда") / ekhi — "солнце" при egu — eki/igu — eki "солнце", ¹³ содержат в своей главной части (eki > egi/ekhi — egu —) баскское слово egui "день". Однако с учетом потери начального /x/ (ср. только что сказанное о его общем отсутствии в баскском) мы в данном случае должны восстанавливать архетип *egin — *egin (XXI, 43, 44) ¹⁴, который сохраняется пережиточно в арм. a-reg "солнце", где /x/ сохранился благодаря предшествующему слогу.

Рядом с этим армянским словом ср. его баскский дублет e-gui "день"; однако этот же термин прямо в значении "солнце" содержится и в баск. i-gai-de "воскресенье", букв. "солнца день", где часть "de" "деп" ср. с груз. dxe > "день" de > dɣ/d (груз. mara — d < mara — dɣ "каждый день"), метр., чая. dɣa > da > d, а в части *i-gai "солнце" я вижу огласовку по яфетической группе /a/.

4. ¹⁵ Согласно тому же закону (/x/ — /s/ и т.п.) идентифициру-

ем баск. $va\dot{s}^2$ "пустыня", дикий" ¹⁶ и яфет. (шипящей группы) $*va\dot{g}-e >$ мегр. (в грузинском заимствовано из мегр.) $ag-e$ "пространство", арм. $vajr(<*va\dot{g}-e/va\dot{g}-i)$ "пространство, поле", $vajr-ene/i$ "дикий", букв. "полевой", груз. vel "поле, пустыня", откуда $vel-ur$ "полевой", дикий, лесной". Следовательно, груз. var "долина, равнина" (букв. "низкое место") и баск $i-var$ "равнина" /точнее, "долина"- прим.ред./ уже не предстают как совпадающие случайно.

6. ¹⁷ В области фонетических соотношений подъем $m > b$ (в яфетических также $v/$ или $w/ > p > b > ph$) имеем в баск. $Biarricia$ /диал./ $\rightarrow$ $Biarriza$ "Biarritz" (орфографически), mia "2" (>диал.) bia "2" etc . Показательным для $m > b$ случаем является редуцированная основа $va\dot{b} < va\dot{p}$ к $*va\dot{p}$ "небо" (ср. груз. sa "небо", груз. $ta-v$ "голова" $< *sa-v <$ "небо" $<$ арм. $sa-w$ "голубое небо") в составе баскского композита $a\dot{h}o-saba\dot{y}/a\dot{o}-sara\dot{y}$. "небо(рта)" (XVI, 23; XVII, 144; XXI, 39). Архетип здесь $*va-mag$ ($\rightarrow ka-mag$, скрещение исходных sal и ber). ¹⁸

7. Один из обычных случаев перебора v/m имеем в груз. vaz "виноградная лоза" (то же в армянском) и баск. (при $v > o/\dot{v}$) $ma\dot{s}$ или $ma\dot{s}^2$ "виноград". Последнее содержится и в баск. композите $ma\dot{s}-a/ma\dot{s}^2-tia$, гевр. $ma\dot{s}-ti$ "лоза", $ma\dot{s}^2-mord\dot{i}$ "виноградная гроздь, кисть". В приведенной уже форме $ma\dot{s}$, если она родственна $ma\dot{h}a\dot{o}$ (тоже "виноград"), мы, возможно, имеем тот же композит или нечто скрещенное. Само $ma\dot{h}a\dot{o}$, во всяком случае, как раз окрещенная форма $< *ma\dot{h}-ha\dot{r}$, где первая часть соответствует груз. vaz (баск. $ma\dot{o}$.), а вторая $*a\dot{h}a\dot{r} > ar$, сравнивая с первым элементом баск $ar-po/ ar-do$, гевр. $ar-da-o$ "питье", "вино" $< *ha\dot{r}-\dot{z}on/ ha\dot{r}-\dot{z}an$, что воспроизводит в целом со своеобразной огласовкой груз. $qur-\dot{z}en$ "виноград". ¹⁹

8. Спирантная фонема, следующая сразу за зубной, исчезает как в баскском, так и в родственном слове армянского, ср. то же в халдском и чачоком: баск. $i-turr-i (< *hi-turr-i)$ "источник" (XXII, 283) с префиксом $i- < *hi$, где основа та же, что в груз. $q\dot{q}a\dot{r}o id.$ мегр. $q\dot{q}i$ "колодец" $< *q\dot{q}ur$, $q\dot{q}urgil$ (вместо $\dot{q}ur-gil$ "источник"; соответствующая форма баскских северных диалектов: $i\dot{t}hurr\dot{i}$, где как раз есть опират после $/t-/$). (от ред.: Об этом см. комментарий к первой статье здесь).

Велярному $/k/$ соответствует в баскском исчезнувший опират, как иногда и в мескском ($sio.!$) олове грузинского, в чанском и др.: а) баск. $er-d-i (< *ha\dot{r}-d-i)$ "половина" (XXI, 10), др.-груз.-лит. $ka\dot{r}-\dot{z}o id.$, др.-арм.-лит. $ka\dot{r}s < ka\dot{r}-zo > ka\dot{r} id.$, б) баск $a\dot{r}ri$ "камень" ($< ha\dot{r}ri$) (XXX, 185), др.-арм.-лит. $ka\dot{r}r$ в составе $ka\dot{r}-ka\dot{r}r$ "куча камней", арм. $ka\dot{r}$ "камень", сван. и груз. $ka\dot{z}$ "кремнь" ($silex$), в) баск. $al < *ha\dot{l}$

"рука" (см. § II; XXX, 26), чув. $al-\dot{a}$ "рука", др.-арм. лит. kal "рука" в качестве основы в составе $kal-n$ -иш "беру", а затем $kal->h^2al>al$ в языках шипящей группы: чан. ga "ветвь" (мн.ч. $gal-e-re$), дуал. Атина $a<^*al$, мегр. h^2a "живая ветвь дерева", абхаз. h^2a "рука" (семантически ср. груз. $\dot{t}ot$ "рука, ветвь").

II. Перейдем к некомпозитам, особенно соматическим. Для значения "рука" у басков есть целый ряд обозначений, происходящих от исходных этнических групп. Одно из них восходит к яфетическому племени Sal , архитипу грузинского слова $jal(>zal<sal)$ "сила", "храбрость" к первоначальному "рука". В баскском sal разнообразность этой основы уступает место спирантной $^+hal>al$, откуда баск. $al-men$ "мощь", $al-ba$ "сторона, бок", $al-din$ "мощный", $al-ou id.$ (впрочем, связи sal и hal не так просты, так как речь должна идти, собственно, не о sal , а о $h^2al>gal>sal/hal$ etc.).

12. Баск. $bur-u$ "голова" (ср. удийск. bul), в смысле "вершина, верх", имеется в других яфетических языках, в весьма созвучных основах. В грузинском эти основы, как и многие другие, остались от месков-басков Кавказа, ср. а) $bur-v-a$ "покрывать голову" / "верх", откуда $sa-bur-avi$ "покрытие", "крыша", $bur-ur-i$ "крыша" (в Гурии "крыша из $isri$ -разнообразности камыша"), б) $sa-bur-v-a$ "дать деньги, подарок (в день погребенья) родственникам покойного", букв. "опустить или положить подарок на голову покойного". В композитах баск. bul имеет форму bul (ср. $bulhute$ "валик, диванная подушка") к $^*bul-u$ (не только "голова", но и "волос", ср. $bulusi$ "ободранный, голый", букв. "без волос"), и эту форму $bulu$ имеем в груз. $bol-o$ "конец" < "голова". Кроме того, в грузинском есть и его собственный вариант этого слова: $o-ver$ "вершина" историю которого см. в палеонтологической части.²⁰

Использование слова "голова" для образования возвратного залога весьма характерно для языка басков, оно служит для построения возвратных глаголов, в качестве возвратного местоимения "себя", "себе" и прилагательных, образуемых от этого местоимения "его, ее" и т.д., что является чертой, общей для грузинского, мегрельского, сванского, абхазского, удийского и др. яфетических языков. В баскском языке, как и в удийском, в этом смысле используется вариант слова bul с гласным /e/, именно bet при потере вбранта - be , откуда баскский образует форму родит. п. $be-te$ "себя самого", а также дат. п. $be-te$ "себе самому", которая заменяет форму активного падежа, приобретая значение "он сам", или же равноценна латинскому se в субъективном значении в конструкции $accusativus cum infinitivo$.²¹

Закон *pars pro toto* находит свое применение в палеонтологической семантике, поскольку здесь имеет место название предмета с помощью слова, обозначающего целое, в котором этот предмет составляет часть. Примеры: *be(r)* "голова" > *be-* "глаз, глаза" (см. палеонтологическую часть), *be(r)* "голова" > "волосы", в свистящей группе *bal*, в шипящей *bur* > *pur*, ср. груз. *bal-an* "волосы" /баск. **ru-tu* "волосы" > *buru*, ср. баск. *bu-lu* "волосы" вместо *buru* "голова" в составе композита *buluēi* "без волос" (*billoē², billuē²*), а также ср. *bil-o* "волосы". С этой точки зрения баск. *be-ru-tu* "бровь" должно значить, "волосы, шерсть глаза",²² см. § 33.

13. Для значения "вода" баскский язык располагает термином типа *sal*, но в его шипящем варианте *bur* > *jur* > арм. *jur* "вода", где, впрочем, баскский имеет не сибилант /*ʃ*/, а его спирантный эквивалент /*h*/, откуда *hur* > *ur* > *u* в композитах, см. Н.Март *Le terme basque udagara* "loutre", с.1.

Этому слову в грузинском соответствует свистящий вариант, но не двухбуквенный, как *zal* "сила" < "рука", а трехбуквенный *caal* < *h^sal* "вода" — основа, идентичная той, что мы имеем в слове *sa-caal* "достойный сострадания, сожаления, внушающий жалость" и т.д., ср. баск. *urri-kal* "сострадающий, сочувствующий" и т.д., где я вижу также баск. *ur* "вода".

14. Баскский и другие яфетические языки имеют очень много общего в сфере семантики, в ее образности и т.п., а также в области композиции, которая применяется для обозначения самых ходовых предметов, например, брови, слезы и т.д., композиционные обозначения которых находим во всех яфетических языках, включая баскский.

15. Значение "женщина" в яфетических выражается композитом "ребенок-самка", букв. "самка-ребенок" (*kal-i-švil* в грузинском), ср. баск. *ema-kume* "женщина", где *ema/eme* означает "самка", а *kume* > *kume* "ребенок". Интересно, что компоненты эти имеют свои корреляции в яфетических языках Кавказа, напр., *kume*, *kume* является искаженным, вырожденным завершением прототипа **komeg, komer* "ребенок, сын" с потерянными конечными /*r*/; сам этот прототип является спирантной разновидностью сибилантного слова **komeg > šober*, которое содержится, в частности, в груз. *šobil* "рожденный" > *švil* "ребенок-сын", ср. в баскском сибилантный же вариант этого слова *š²eme* < **h^seme* "сын".²³

16. Армянский социальный термин *išxal* /хет. *išxāš* "принц", букв. "суверен, мощный, магнат" от *išx* является основой армянского глагола *iš-xel* "мочь". Эта основа с главным значением "рука" является редуцированной формой скрепленного термина **iš-xu* "рука", откуда греч. *išxu* "сила", а дублет с диалектной оглазавкой /*ø*/ мы имеем в баск. *əš²ku* "рука", которое в полной фор-

ме выглядело бы как *gei-kun или *gei-kul, сокр. ge-k, откуда латинский социальный термин rex "король" (род.п. re-g-is), рус. ис-кус-ство и т.д. Баск. esku "рука" входит в состав баскского esku-in "правая рука", eskuma id., где ma < map, и эта вторая часть в обоих случаях происходит от элемента ion, как и в свистящей группе jwen, в шипящей jgwan в составе груз. mar-jwene, мегр., чан. mar-dguan-i вместо mör-jgwane "правая рука"; с другой стороны, баск. esku содержится в составе баскского слова esker "левая рука"; из которого впрочем, только часть es² существовала как самостоятельное слово "рука" наряду со скрещенным термином es²-ku. Также значение "рука" имела и основа mar / *mör, входящая в грузинский и мегрельский термины mar-jwene "правая рука", mar-oxen-e "левая рука" и т.д. -²⁴

18. Баск. tagu "мышь" может быть прямо сопоставлено с груз. tagu, арм. tak-п (2, 4), оовр. груз. tagv-i³ sa³ku, j³okw > мегр. tuk-i (гласному /i/ закономерно предшествует падение фонем /w/, /v/. Огласовка а/о - и здесь составляет одно из регулярных соответствий между свистящей или грузинской группой и шипящей-звонкой, но здесь гласные переместились, они оказались между двумя согласными tg tk / tk, причем каждое из этих стечений согласных представляет собой позднейшее раздвоение диффузных фонем низкой степени h² / h̄. Что касается конечного гласного /u/ -²⁵ve, то это остаток другого обозначения мыши, восходящего к элементу ber, откуда лат. mus, muris, греч. mus, рус. мышь и т.д. В грузинском vir-tka "крыса" мы имеем скрещение элементов ber и sal, в арм. mi-kon сочетание элементов ber, jon. Араб. hak-ber, сир. hku-ber просто воспроизводят грузинский термин *okaber. в несколько ином варианте.

Такое же сокращение элемента ve, восходящего к ber, до степени /u/ находим в груз. da-tu "медведь", сван. da²d-ul <²⁶da²z-vel, эквивалент которого в шипящей группе *doj-var отсутствует. В семитских вариантах типа dab конечные плавные утрачены, ср. груз. народное dat-v. В армянском имеем скрещение элементов sal и jon. jon ar-jo < har-jon, ср. баск. 'ar²to, греч. arktos (*arato < *ar-to). Ael, (N. Al. 31) дает нам особенно интересный вариант этого греческого термина, именно ar-kos "медведь, медведица", который содержится без огласовки второй части в композите arktulos "медвежонок, молодой медведь" <²⁷ark-tul-o, где tul означает "маленький", ср. груз. cul "ребенок".

20. Относительно груз. ni-goz "орех" констатируем, что его второй элемент goz < kos, гезр. kog, gor было некогда самостоятельным словом с тем же значением "орех" и имеет многочисленную родню. Стоит нам вспомнить шипящий вариант kov, гезр. kol (3, с. 941-942) овиет. kal, гезр. kar har, как мы оказываемся в таком мире, где деревья,

дающее орехи, и деревья желудевые смешиваются: груз. *ka-kal* "орех", сван. *ga-k* , арм. *kał-ni/ka-yni* "дуб", *kał-in/kaγ-in* "желудь", греч. *kaχi-on* "орех", баск. *harric* > *ar-ic* "дуб", арм. *ar-iδ* "дубняк" в составе топонимических композитов: *ar-jo-ari-δ* "медвежий дубняк" (название деревни с монастырем у развалии Ани), *harric-a-vank* — "монастырь Харича", т.е. "дубяк (священный)". Отсюда становится ясно, что простейшей основой баск. слова *ar-ic* < *har-ic* является действительно *ar, har* в смысле "желудь", "зерно", и эта самая основа вновь оказывается перед нами, выступая то с суффиксом *-t / ti* , то с суффиксом *-to > do > do*: с одной стороны, *ar-te* "дуб", с другой — *ar-to, ar-do* "желудь", "зерно, пшеница", откуда "кукуруза, турецкая пшеница", как это уже установил В. Гумбольдт по данным материальной культуры.²⁶

21. В баскском имеются префиксальные образования.²⁷ Инфинитив, который является одновременно глагольным именем, имеет префикс спирантного типа *e-/i-<he/hi* , и этот префикс обычно встречается в словах с плюральным суффиксом *-i* либо *ri/li* , а также с суффиксами *-te, -ki* , и т.д., соответствуя префиксу *se-/si-* свистящей группы сибилантной ветви, представителем которой является грузинский. В баскском мы имеем, например, глагольное имя (точнее, причастие — прим.ред.) *i-bill-i, e-bill-i* < **he-bil-i* "идти, шагать". Что касается основы *bil* этого слова, оставшейся от этнического элемента *ber*, то до-первых, мы имеем ту же двухбуквенную основу *vl < bl* , в груз. *bil-ik* "тропинка" и глаголе *vla* "идти, шагать", аорист *mo-vida* "он пришел", а, во-вторых, та же основа должна быть специально разъяснена палеонтологически.

22. Тот же самый префикс содержится как будто в некоторых баскских существительных: *e-dur* (< **e-ǵur*), *el-ur* "снег" (здесь */l/* является поздним диалектным рефлексом от */d/*), чан. *tur-i* , *m-tur-i* "снег", сван. *tvir-i* с обычным для этого языка раздвоением */ur/*, далее мегр. *tir-i, tar-i* , груз. *tovr-i* из мегр. *tar-i* и собственно грузинское *tovl-i* "снег", не говоря о груз. *to-v-e* "снег идет", чан. *tu-m-e id.* , сван. *ǵu-v-e id.* В первой части баск. названия снега имеем *e-<el < *hel*,²⁸ судя по огласовке, спирантного типа; во-второй части термин полностью шипящего типа *dur < *ǵur*, хотя рядом есть опиратная разновидность той же основы *hur, ur* , и в шипящей группе Кавказа (*turi, tiri < ǵuri*) имеем как раз тоже простейший шипящий вариант данного термина, тогда как в грузинском сохраняется результат скрещения элементов *sal* и *ber* в виде *to-v-li* (и т.п.).

23. Яфетические языки Кавказа имеют одну отличительную особенность, которая присуща также языку басков; это образование мн. числа с помощью *k > g* как в номинативе (литературный древнеармянский),

так и в особой именной категории, именно категории вещей и существ, лишенных разума, в этом последнем случае только в языках без склонения (абхазский). Эти два языка имеют варианты для второй формы мн.числа, в армянском таким вариантом является /-с / косвенных падежей, в абхазском — *-sa < so* — во мн.числе для имен существ, наделенных разумом.

Третий вариант того же показателя мн.числа *-ta > -t* хорошо известен в литературном древнегрузинском также в косвенных падежах, хотя грузинский совсем не знает мн.числа *на-k*. Можно было бы думать, что баскский в свою очередь лишен зубного показателя множественного числа *a < sa < ta > t*.

Однако такой вариант имеется в форме *-ta* в направительном падеже личных местоимений и имен, и в виде данного элемента представлен как раз простой без свистящего вариант абхазского архетипа **-so*, а именно, *-to, -do -to*: баск. *ar-to* "кукуруза" < "желудки", см. § 20, то же с огласовкой /e/: *-te/ -ti*. ср.баск *ar-te* "дуб", а в армянском ср.мн.ч. *mank-te/ti* "парни" (4, с.1248 сл.)

24. Числительные баскского языка представляют исключительный интерес для проблемы его яфетического происхождения. Система счисления в баскском, как и в яфетических Кавказа, двадцатерична, но сами числительные отличаются от кавказских числительных. Однако такое различие очевидно лишь при сравнении с обычными кавказскими числительными, но дело в том, что эти обычные кавказские числительные являются результатом последующих влияний, прежде всего взаимных влияний кавказских народов, а также влияний на них со стороны окружения и всевозможных международных влияний на эти народы; указанные кавказские числительные являются вообще результатом особой этнической жизни этого отдаленного региона, где как скрещивания, так и заимствования постоянно меняли облик языков, а иногда и сущность вещей.

По существу же баскские числительные по своим особенностям не имеют отличий ни от общих яфетических норм, ни от соответствующей лексики, свойственной яфетическим языкам. Напротив, баскские числительные могут нам помочь в том, чтобы окончательно выявить картину счета яфетидов в первоначальную эпоху их жизни, как она предстает перед нами по данным яфетических языков Кавказа.

Баскский еще более отчетливо показывает связь числительных с названиями конкретных вещей, частей тела, а эта связь может послужить для установления периода, когда баскский и его кавказские родственники разделились; мы уже знаем, что баски и яфетиды Кавказа составляли общность не по территории, а по этапу истории их языков, весьма отдаленному (как мы видели выше, автор, однако, не исключал территориальный момент, говоря о баско-кавказской общности — прим.ред).

Баск. *hiru, hiru* "три" не имеет как будто ничего общего, например, с груз. *sam* "три", но только для того, кто не знаком с элементарной формулой оравнительной фонетики (свист. *sa* /шип./ *šo*-опир. *he/hi*), а также с реальной значимостью фактора скрещивания.²⁹

Основа указанного баскского числительного, а именно *hiru* /*her* > *er* повторяется в арм. *er-e-k/er-i-e* "три", а этому в сиби-длантой ветви может соответствовать регулярно только вариант *sal* (свист.) /*šog, šur* (шип.), откуда и остается *sa/šu*, которые имеем в груз. *sa-m* /чан./ *šu-m*, впоследствии *su-m*; оба последних слова я возвожу к окрещенному архетипу **sal-mag/šog-mog* "руки", "два-один" < "руки+рука" = "три".

Термин **šog*, хорошо известный в своих формах *jur-jir* в шипищей группе и под влиянием свистящей группы произносимый как *šog*, /орфографически в баскском *zog* / помогает нам понять происхождение баск. *šog-o-i* "восемь", что буквально значит "/на/ два меньше", т.е. "на два меньше десятка", а также термин *bedeta-o-i* "девять", букв. "десять без одного"³⁰ (что касается баск. *boḡe* "пять", то см. в данном сборнике ниже с. 273-275).

25. Из области наречий я отмечу здесь факт образования их части с помощью суффикса *-ki* (*gi*) ("рука" "способ"), ср. то же в др.-армянском литературном: баск. *eder-ki* "красиво", арм. *u-šaxa-ki* "часто".

26. Баскское склонение сравнимо со склонением грузинского не-литературного (даже во множественном) уже в том отношении, что падежные окончания имеют форму, независимую от показателей множественности: вообще все формообразователи, показатели мн.ч. и окончания падежей следуют за основой независимо друг от друга, как это обычно в агглютинирующих языках, тюркских, финноугорских и других, в грузинском нелитературном ("современном") и даже в чувашском, ср. баск. род. пад. *gison-a-k-en* "людей", *hominum*.³¹

Но, кроме того, баскский последовательно идет и за древнегрузинским литературным, где окончание дательного падежа *-an* присоединяется к основе через посредство местоименного элемента, в грузинском *-m* (дат. *-m-an*), баскском *-a* (дат. *a-ti*).³²

27. Кроме того, что баскское склонение вообще полностью идентично яфетическому, оно сохраняет и сами яфетические падежи, ср. например, окончание родительного *-ten/-en* < **nen* - яфет. сибил. **en*, гевр. **en* > *en*, затем (par suite) баск. *-ten* > *te* - яфет. сибил. *-še*, груз. *-si*, например халд. *haldi-še* "Халда", *metša-še*, чан. *meḡr. -še* > *šī* (*koš-i-še* > *koš-i-šī* "человека"), но также *-šen/šen-i* в аллативе: чан. *mi-šen* "чего?", *meḡr. mi-šen-i* "чего?", "почему?", арм. *žen-i* > *jī* - *teywo-žēun* "места", *men-j* "нас", *žen-j* "вао" и т.д.

Армянский хранит плавный согласный падежных окончаний в место-

именных с различной огласовкой: -та, также -ти, но обычно -те/
-ти > -т, где которых только последнее преобладает в склонении
имен: -у < -ут < -ти (Н.Я. Марр. Грамматика армянского языка, §69).

Палеонтологически (и это главное) данное окончание - это некогда самостоятельное слово в значении "ребенок, сын" (< *"принадлежность, собственность племени"), как и окончание другого баскского гетитива, имеющего адъективную функцию: -ko(>-go) < *hko--eko, гебр. qo > qo > kwa etc., ср. черк. qo "сын", qwa, q^oa "сын" в фамилиях у абхазов и мегрелов, полная форма: skul etc., ср. мегр. skia > skia "сын".

28. Баскские падежные окончания имеем, между прочим, в составе многих народных выражений, наречиях, формах направленности и т.д.

Гласный /i/, характеризующий окончание баскского дательного падежа, вторичен и является следствием перебора -o-i. И как раз первичная форма этого датива в функции обстоятельного падежа сохранилась в наречии sea-to "тщательно", argi-to "ясно", oi-to "полностью, целиком". По своему происхождению эта форма близка (il va de pair) к окончанию дательного падежа -та, которое стало формантом направительного падежа, развив соответствующие функции, и которые обычно получает послелог -t, в целом: -та+t; но окончание именно этого падежа, датива в функции направительного мы имеем как раз и в груз. -а + d < *ha-d -sa+d.³⁴

29. То же падежное окончание без послелога мы имеем в формах типа eše-ta "домой" и в наречии no-ta "куда". Таким образом, дативно-направительные падежи -та/-то-ти оказываются идентичны тем окончаниям, которые имеются в языках шипшай группы для данного случая -ѣа / -ѣо.

30. Особый интерес представляет в баскском форма элативного падежа, формант которого -ti обычно получает в баскском еще паразитический k, что дает в целом tik, напр., eše-ta-tick "из дома, из домов", haq-di-k "из большого, из больших" и т.д. Эта форма также характерна для яфетических языков шипшай группы, в особенности для чанского, как и сваяского, а также для клинописного халдского, где, как и в ованском, она имеет направительное значение; та же форма известна в том же значении в местоимениях литературного древнеармянского языка.³⁵

31. Остановимся теперь на одном факте, который относится как к морфологии, так и к синтаксису. Речь идет о формах типа porapak в составе, например, следующего предложения: eše ou-ek, no-ren-ak dira "Чьи эти дома?" - Ответ на данное предложение: gison-en-ak "людей", более буквально "людишки" / исп. los de los hombres, англ. those of men - прим. пер. /.

Дело, однако, в том, что эти образования no-ren-ak, gison-en-ak

сконструированы по модели, хорошо известной литературному древне-грузинскому языку и выступающей в его грамматике под термином родительного отношения, ср. груз. *saxl-ni eze-ni vis-ni arian* "чьи эти дома?" — ответ: *kac-ta-ni* "человеческие".

В данных двух языках родительный падеж (баск. *-ren/en*, груз. *-is*, мн.ч. *ta*), находящийся в исходе определяемого слова, снабжается показателем множественного числа (баск. *-k*, груз. *-ni*) для того, чтобы акцентировать связь с определяющим словом (и для согласования): баск. *eze su-a-k*, груз. *saxl-ni eze-ni*.

В баскском показатель эргативного падежа *-k*, который не имеет ничего общего с формантом множественного числа *-k*, в номинативе также зависит от оиятаксиса; эргативный падеж (*le oaz actif*) является косвенным, т.е. по существу родительным или дательным, но используемым для оформления субъекта действия в предложении, где глагол по своей сути /функционально/ пассивен, либо по форме, либо концептуально.

Тут мы имеем дело вновь о фактом, общим для большинства яфетических языков, и в шипящей группе, например, в мегрельском находим в таком же эргативном падеже баскское окончание *-k*, именно *-kə*.

32. В баскском языке, как и в яфетических, имеется спряжение абсолютное и спряжение релятивное или относительное. И естественно, что мы, яфетологи и баскологи, независимо друг от друга приходили иногда к одинаковым результатам, когда определяли различные категории самой своеобразной части яфетической морфологии, т.е. спряжений.

Независимо друг от друга мы обратили особое внимание на различение и размещение субъективных и объектных аффиксов (причем у баскологов часть объектных аффиксов носит название показателей дативности), префиксов и суффиксов; и иногда сами эти формы вынудили нас дать им одинаковые дефиниции, в частности и дефиницию абсолютного и релятивного спряжений.

Однако эти признаки общего происхождения или этнического родства или любой близости, восходящей к исходным периодам, не являются единственными, отчетливо выступающими в спряжении. Достаточно вспомнить об идентичности местоименных элементов: 2л. баск. *a-h* (*eu, zen-, hi-re*) и карт. *a, h*, груз. *ჲen*, мегр. *si* груз. /*g*/; 3л. ед.ч.: баск. *a-ve*; груз. *a-h-*; показатели плюраля: баск. *-te*, груз. *-t* (в первом случае речь идет о втором и третьем лицах, в последнем случае о первом и втором лицах).

А первое лицо и его местоименные элементы? Я бы обошел этот момент молчанием, так как, чтобы найти здесь взаимопонимание, необходимо предварительно хорошо уяснить историческую общность местоименных элементов единственного и множественного числа, а также соответствия *a > c > t*. Тем не менее, я беру на себя смелость опубликовать

Здесь часть сравнительной таблицы местоименных элементов, свойственных языкам, которые облекаются иногда как члены этой группы.

арм. е-я "я", букв. "вот я", ор. арм.
 груз. а-на "вот"
 груз. е-е(е) "тот" < "я".
 абх. са (са-та) "я", букв. "мы", т.к.
 -та здесь плюрализатор
 абх. е "я", а moi "я", вин. пад. "меня, me",
 мой, mon "я-н-(на-, на-та "мы"
 и т.д.) "мы", "нам, а nous", вин.
 пад. "нас, nous", "наш, notre",
 арм. -э "это, мой", "а moi"
 и т.д.
 баск. -t < *e < a "я".
 о/ чув. е-бё "я".
 груз. me "я, мне" а moi, вин. пад.
 "me" ("меня"), mi- "de moi" > "мной",
 "par moi",
 элам. клиноч. mi "мой".
 груз. m- "а moi", вин. пад. "меня",
 др.-лит. также а nous, вин.
 пад. "нас", и т.д.
 груз. v- (шип. v-/m->b) "я",
 а moi " (эрг. падеж).
 баск. -и- > -w- (после или пе-
 ред гласным).
 чув. е-bir "мы".
 арм. me-k, нар. men-k "мы".
 в/*ego (греч. ego, лат. ego) ↔
 *e-gu
 груз., сван. gu-"а nous", вин.
 пад. "нас".
 баск. gu "мы".
 вотяк. -g "я" в негативе и-g

г/ е-пе/и-п(е) "я, мой".
 баск. е-пе "мой" < *я"
 арм. дат. in-з "а moi", "мне".
 арм. востр. ine-w "мною".
 арм. творит. ine-jn "de moi"
 и т.п.
 баск. ni-k "я" (эрг.)
 баск. ne-te "мой", род. пад.
 от ne "я".
 баск. ni-gi "мне".
 сван. n- и т.п. nous, а nous"
 д/ скрепленные формы
 баск. ne-w-k "я" (эрг.
 пад.).
 баск. ne-w-te род. пад.
 "мой"
 баск. ne-ta-w дат. + именит.
 пад. "я сам" (sic! - перев.)
 баск. ne-to-ne-k дат. + дат.
 баск. яж.-нав. ne-w-to-(i)
 дат. + дат. "я" (эрг. пад.)
 (sic! - перев.)
 баск. ne-w-r(i)-k дат. + дат.
 и т.д.

Надо вообще сказать, что даже материальные языковые факты показывают, что яфетические языки в единстве или параллельно /если не параллельно, то все равно через свои генетически общие формы/ пересекли те этапы материального и общественного развития, когда вещи не воспринимались иначе, как в их связи со знакомым миром (в качестве неотъемлемой части этого мира), и когда, будучи исключительно способным к образному восприятию мира, человек еще ототупал пе-

ред трудностей образования и использования абстрактных и абсолютных понятий.

Вот почему переходные глагольные формы, которые бы не содержали никакого указания на объект, оказываются для басков в принципе недоступными, невозможными, как и для носителя яфетических языков Кавказа.

Конечно, баски давно уже забыли о той стадии мышления образам, когда они не могли различать абстрактное и конкретное, и в соответствии с новыми требованиями жизни они давно уже употребляют в качестве абсолютных релятивные формы древнейшей эпохи, формы дологического мышления, игнорируя при этом самоочевидное языковое оформление релятивных элементов, как таковых, а также местоименных частиц и показателей объективности. Но это значит только, что баски поступили так, как и яфетиды Кавказа, включая грузинцев, которые, имея подобные же вербальные формы, восходящие к доисторической эпохе, могли уже в средние века понимать и воспроизводить с помощью своего языка самые абстрактные положения неоплатонической философии, делая это с поразительной точностью.

В области глагола каузативный залог, как и в яфетических языках, привлекает для своего выражения плюральные суффиксы и, в частности, тот суффикс, содержащий плавную фонему, который играет аналогичную роль в абхазском языке и стоит перед основой: баск. *e-katt-i* "приносить", но *e-ta-katt-i* "заставить приносить", абх. *a-gala-ta* "стоять, вставать", но *ar-gə-la-ta* "поднимать, воздвигать".

Этот же элемент с плавным согласным, но с огласовкой /e/, т.е. *-te* служит для образования глагольного существительного (оно же инфинитив) в сванском, принадлежащем к гибриднему типу, где мескские, т.е. баскские элементы образуют основной слой. В сванском этот формант имеет значение либо показателя плюрального объекта, либо форманта частотности действия: *li-ptku-te* "разбивать много вещей", *li-kku-te* "часто разбивать, вновь разбивать".³⁶

33. В яфетических языках значение "бровь" всегда выражается о помощью таких комбинаций, где, по-видимому, обязательно присутствует элемент "глаз". Чув. *kuə xatmi* "бровь", где *kuə* означает как раз "глаз", представляет ясный пример такой комбинации, что в смысле ясности бывает не часто, однако ср. и свая. *pāk-ḡa* "бровь" и диалектные варианты *pek-ḡa*, *nike-ḡa* > *niku-ḡa*, где первый элемент *pāk*, *pek*, *nike*, *ník* также означает "глаз"; с нашей точки зрения особенностью этого сванского термина для глаза состоит лишь в том, что он скрещенный, возникающий из двух терминов, из которых каждый обозначает "глаз": *pā/ne/ní* (черк. *па* "глаз", при *pa-tə*, *pa-tə* "лоб", букв. "верх глаз"), откуда арм. *pa-j-eł* "смотреть", а с другой стороны йонский термин *ke< ge; gi< gep / gin*, что пред-

ставляет собой спирантированную разновидность (как сяр. $h^{31}in$ "глаз") обильянтного архетипа $cin > sin$ "глаз", так же "луна", как и "глаз неба" и т.д.

Груз. $cin-a$ "перед, на глазах" представляет собой в сущности то же самое слово cin "глаз", ср. сяр. $l\bar{a}-h^{31}in$ "перед" < $h^{31}in$ "глаз"; в груз. $car-b$ "бровь" первый компонент рассматриваю как вариант того же слова "глаз", а второй – как остаток от формы типа $*bar, bal$, где мог быть из гласных только /a/, но под влиянием группы /a/ при скрещении также и /e/: $*car-bar > car-b$.

Что до прототипа $*car-bal, car-bar$, то в шипящей группе ему бы соответствовало $*car-bur$ "бровь".

В самой современной реальности этой группы мы имеем, однако, лишь греч. $ofridi$ в чыском, груз. $car-b > мегр. ca-b$ с потерей /r/, плюс то же грузинское в более краткой форме car "бровь", которое либо есть результат утраты конечного /b/ (< $car-b$), либо продолжение некогда, возможно, существовавшего слова $*car$ "бровь", в котором компонент car композитов $*car-bar$ и т.д. был самостоятелен (и где /b/ /, следовательно, никогда не существовал). Выбор между этими двумя возможностями мы пока что сделать не можем, но спешу отметить, что car , точнее, tar , существует и до сих пор как отдельное слово, но только в значении "глаз" – в составе сванской формы мн.ч. $tar-al, tar-al$ "глаза", ср. также $t-$ (< $\delta < \check{z} < \delta$) в скрещенном груз. $t-val^{37}$ (в литературном др.-груз. $to-wal$) "глаз", $h-t(o)-war$ "луна".

Отношение к семантической группе "лоб, борода, веснушка" – вопрос особый, только отмечу, что груз. $cor-pl$ "веснушки" – из шипящей группы, прототип $*cor-rig$.

Шипящий прототип $*car-bur, cor-bur$ (а его выявление говорит и о наличии в прошлом прототипа $*carbal$ свистящей группы) заключен, как полагаю, в абх. $\check{z}ur^{38}$ "бровь", облик которого определен своеобразной фоносистемой абхазского, изменившей здесь то, что было в данном случае от мегрельского языкового соседа: $*car-bur > *bur-rig > \check{z}u-bur > \check{z}u-mar$ абх. $\check{z}u-m\bar{a}^{39}$ "бровь" (через $\check{z}u-m\bar{a}$? – прим. ред.). В греч. $o-fru-s$ "бровь" видим в конечном счете $h^2or-bur$ спирантного типа с гармонической огласовкой $o - o \leftrightarrow u - u > o - u$ (нет анализа других н.е. коррелятов, что является обязательным условием такого допущения – прим. ред.).

В баском для значения "бровь" мы располагаем тремя словами всегда с компонентом "глаз": $be-sin-ta, b e-rigu, be-khaïn$, и это все – композиты, два последних – со значением типа "волос глаза, борода глаза"; первый из них, как и баск. $be-gi$ "глаз", состоит, собственно, из двух обозначений глаза: $be < *ber/bal > val$: копт. bal , абх. $a-bla, val$ в груз. $t-val < to-wal$ "глаз") и $gi < *gin$ (см. выше), по отношению к которому $sin-ta$ в $be-sin-ta$

представляет собой сибиллянтную разновидность . 38

Что касается и.е. терминов, похожих на баск. "бровь", напр., нем. *Brauen*, рус. "брови" и т.д., то они представляют собой всего лишь часть какого-то слова типа *beruči*, результат фонетического сращения, как и, возможно, мегр. *ṣar* по отношению к груз. *ṣarb*: ведь, хотя я не сомневался, что можно на совсем ших путях, нежели выше, проанализировать термины со значением "бровь" (особенно баск. *beruči*), но это всегда композиты и всегда - с компонентом "глаз" (скорее всего это следует понимать в том смысле, что и.е. прототип, откуда рус. "брови" и т.д., включал первый компонент типа *ber* "глаз" - прим.ред.).

34. О префиксах: а/ их судьбу нельзя отделять от судьбы суффиксов, включая форманты склонения (5, с.1199-1206) в именах и некоторых аффиксы в глаголе (напр., исходные для грузинского спряжения); б/ то, что по форме префикс, и то, что по форме суффикс, еще не является гарантией соответствующего форманта по функции.

Мы сами (6, с.159-162) пытались выявить префиксы в баск. *ma-dar-1/ u-dar-e* "груша". И хотя вообще существование в прошлом именных префиксов в баскском для нас несомненно, но мы спрашиваем себя сейчас, могут ли только что указанные ботанические термины ("груша") служить для нас подтверждением (или утверждением) этого положения?

Бесспорно, конечно, что начальные слоги *ma-*, *u-* здесь имеют всю видимость префиксов и могут внешне, по форме быть приняты за таковые, но все же действительными префиксами мы можем считать лишь те, которым палеонтология позволяет приписать (*assigner*) в их исходном состоянии, во-первых, статус самостоятельных имен, а, во-вторых, значения, так или иначе отвечающие тем (функциональным), которые мы можем сегодня постулировать для соответствующих фрагментов (предполагаемых, префиксальных или суффиксальных). Но, в свою очередь, само приписывание таких значений возможно тогда лишь, когда у нас нет серьезных оснований для апелляции к фактору окрещивания. 39

К счастью, в данном конкретном случае перед нами несомненно скрещенные термины типа семантических редупликатов. Ведь по данным палеонтологии не было первоначально разных обозначений для груши и яблока, ор.ситуацию в совр. Грузии, где *ṛanta* в западной части значит "леоновое яблоко", а в восточной - "лесная груша". Следовательно *ma-* (*ma-dar-1*), восходя к источнику окрещения *ber*, значило и "груша", и "яблоко", а формально: *ma-/va < mal > ɾal, resp. ɾar- * ɾaŋð > ɾaŋt/ɾoŋ-pir*. Откуда без усечений и т.п. лат. *mal-um* "яблоко", *pir-um* "груша", а с усечениями и т.п. баск. *ma-* в составе *ma-dar-1* "груша", груз. *va-* в составе *va-ḡl-1* "яблоко" (оба свистящей группы).

Шипящая груша должна была прийти к результату **vu-ḡkur* и с

потерей /v- / мы, действительно, имеем этот прототип в виде магр., чан. u-*ḡkur* "яблоко". В силу фактора скрещения баск. u-*dar-e* "груша" имеет огласовку /a/ в компоненте *dar* свистящего типа, но /u-/ < **vu* / в первом компоненте/ шипящего типа, которому отвечает и /r/ в *dar* на месте /l /; более того, баск. *ḡ²agar* "яблоко", которое никогда не было редупликатом, а лишь простым словом, выступающим с какого-то времени в "трехсложной" форме, просто воспроизводит второй компонент мегрельского и чанского u-*ḡkur* "яблоко", хотя и с огласовкой свистящего (грузинского) типа /a/, при этом огласовкой полной, гармонической: а -а; свой наиболее точный формальный эквивалент баск. *ḡ²agar* "яблоко" находит в виде груз. *xali*, также неомозитного по происхождению, но последнее (по указанной выше причине) имеет иное значение: "груша", а не "яблоко", и является более последовательным в выдерживании звуковых особенностей свистящей группы.

[От редакции. В целом все это, конечно, совершенно неприемлемо, но все это не может не наталкивать на некоторые размышления, существующие для современной разработки соответствующей проблематики.

Прежде всего сами рассматриваемые здесь термины (в плане их возможного исторического единства) представляют, действительно, исключительный интерес, в них угадывается какая-то общность: ср. груз. *vaḡi* "яблоко" - сван. *viḡw id.* - мегр. *uḡkur id.* (давно уже сведенные воедино) - груз. *xali* "груша" - баск. *ḡ²agar* "яблоко", и, с другой стороны, ср. между собой баск. u-*dar-e* /*ma-dar-i* "груша", где *aylaḡu* так близки к *aylaḡu* трех картвельских слов первой группы.

На наш взгляд, сходство повсюду тут поразительно, как поразительно, впрочем, и различие, в силу которого возможное угадываемое или "проклевывающееся" единство слов в данных двух группах, а также какая-то аналогичность самих групп до сих пор ускользают, не поддаются выявлению.

Безусловно неприемлемы в данном случае, как и обычно: а/ положение о скрещенности терминов и об их префиксальности или об их композитном характере (поскольку мы видим, что в первой части слов в обеих группах различия носят явно фонетический характер); б/ попытка связать генетически между собой обе группы (не говоря о привлечении латинских слов и т.д.).

Однако заслуживает внимания: а/ попытка взаимосвязанного рассмотрения указанных терминов, б/ допущение о генетической связи обозначений яблока и обозначений груши (в пределах, позволяемых сходством облика этих обозначений), в/ мысль об особой генетической близости *xali* и *ḡ²agar* не только между собой, но и ко второй части (начиная со свистящего) остальных привлекаемых слов первой группы.

Отправляясь от этих трех пунктов, нами здесь во введении (см.) и предлагается опыт этимологической интерпретации рассмотренных Н.Я.Марром баскско-картвельских слов] .

35. В области палеонтологии глагола, совершенно особой, яфетическая теория исходит из того, что глагол вообще - вторичная, поздняя категория. Звуковой язык обходился без глагола в течение тысячелетий. Каждое имя могло выступить в роли глагола в том "огустке" (ensemble) понятий или, скорее, образов, которые соплагались в том звуковом комплексе, который впоследствии наука назовет предложением.

Вот почему до сих пор так трудно разграничить глагол и имя в яфетических языках .⁴⁰

По существу и до сих пор в этих языках у нас нет ничего, кроме имен, окруженных набором частиц, указывающих на действие или состояние (именно в виду, очевидно, глаголы - прим. ред.), точнее - на общепринятые представления о движениях и о неподвижности (relations sociales de mouvement ou de repos, что дает либо активные и пассивные глаголы, либо нейтральные, непереходные.

По существу глагол, это, следовательно, всегда производное от имени и даже, скорее, это употребление имени с той целью, чтобы снабдить предложение элементом действия или состояния. Большая часть первичных или древнейших глаголов производна от значения "рука", и я начинаю думать, что, собственно, все глаголы восходят к этому имени действия (активные и пассивные глаголы), также имени обладания, т.к. даже идея бытия, неизвестная древнему человеку в ее абстрактном виде, воспринималась как существование в (чьей-либо) власти, или же в (чьей-либо) владении, обладании, исходя из чьих-либо рук, еще точнее - из чьих-либо коллективных рук.

Поэтому имена со значением "рука", включая те, что принадлежат к спирантной ветви: *kar, kor, ker, kir* производят глаголы: а/ "нести": баск. *e-kar-t-i*, арм. *kəg-el(-kir)*, д/ "держат" (*tenir*): абх. *a-kə-ga* (основа *kə:kɨ<ko*) в/ "трогать", груз. *e-kar-eb-a* "он его трогает", г/ "ударять": груз. *kra*, аор. *v-h-kar* "я его бил" и др.

36. Глаголы этого рода, понятно, хранят в себе обозначения руки; и если, например, в спирантной разновидности у нас есть следы самих имен с этим значением (восходящих к *Sal*): *hal, har, kar*, то в несипрантной ветви последнее оказывается достижимым лишь через глагол, например, "продавать" (всегда < "давать"), откуда баск. *sal-du* "продавать", ср. *sal-sa-ren, sal-du-ra* "продажа", ср. также *sal-na-til* "предатель" (ит. *proditore*, рус. предатель от давать).

37. Становится все яснее, какое место баскский занимает среди яфетических языков, и для этого достаточно даже малых возможностей

обычного сравнительного метода: перед нами язык — представитель спирантной ветви, но в основном только по пережиткам, обрамляющим стержень, восходящий к одному из шипящих языков сибилантной (шипяще-сибилантной) ветви.

Наставная на преобладании здесь шипящего слоя — в неприкосновенных элементах, либо видоизмененных (*déformés*) под давлением опирантной ветви, — мы не можем, однако, забыть и о скрещивании в баскском не только различных этнических начал, но и разных частей одного этнического начала, которое оставило слова, различающиеся лишь групповыми особенностями фонетики, ор. особенно § 22 *elhur* "снег", где даже старая часть композита *-hur* хранит от своей шипящей природы только лабialsную огласовку.

Баскский язык стоит ближе всего к ованскому (полностью скрещенный ованрантно-шипящий вариант) и к двум языкам Армении: а/ древнему литературному, феодальному; б/ народному, ставшему современным литературным, из которых один опирантен, а другой относится к шипящей ветви, причем оба издавна взаимовлияют, не утрачивая, однако, своей социальной ниши.

Самые чистые представители шипящей группы на Кавказе — мегрельский и чанский, что до спирантной ветви, то она сейчас отражена на Кавказе лишь в слоях гибридных, скрещенных языков: древнеармянском литературном, ованском, абхазском. Однако прямо или через посредство других значительные опирантные элементы отложились также в грузинском, т.е., по всей вероятности, древнем языке масков (*masx/mašox/masx*), и их же имя дано соседями баскам в том варианте данного термина, который употребителен на Кавказе с самой глубокой древности в применении в абхазах, т.е. *bask* с протетическим а- (греч. *Abaskoi*; некогда мы интерпретировали данный /а-/ как префикс, хотя в действительности он < *hal-sal*; термин "абхаз" — это лишь грузинское искажение термина *abask*).

38. Итак, мы знаем, что наш объект имеет два яфетических имени: а/ басков (< *bas-kan/bas-kon/bask*, ор. арм. *baskan* /7, с. II/, б/ *ewā²-k* (< *roš-k*): *ewh²kal-dun*, *ewākara* и т.д. (см. Index).⁴²

Но это не все. Сюда надо добавить нарицательные термины, которые раньше значили "бог": *Yawn* > *Sawn* (< **Yon* > *Son/kan* > *han*, *an*), *yin* > *xin*, а сейчас употребляются в значении "господин": *xawn-a*, *yawn-a*, ор. ныне в значении "бог" композиты *xawn-goī-ko*, *yawn-ko*, *yin-ko*.

[От редакции: в баскском нет, насколько мы знаем, ничего похожего на форму *saun* "бог", также **uon*, **oon*, **xan*, **han*, **an*, "бог", это все совершенно произвольные "реконструкции" самого Н.Я. Марра; *yawn*, *xawn* действительно есть — и только в значении "господин"; из остального известен с XII в. композит *jaun-goīko-a* "бог", букв. "господин (все) вышний" (другие интерпретации не принимаем), композиты типа *jaun-ko-a*, *yawn-ko-a*, представляющие собой просто

контаминацию от *jaungoiko*, и, наконец, есть *uin-ko*, *jín-ko* "бог" (с. УП в.), которое представляет собой такое же образование от неизвестного элемента *uin*, *jín*, как *goi-ko* "(все)вышний" от *goi* "небо, верх". Именно последнее, как думаем, т.е. *goiko* "(все)вышний", сначала было использовано для описательного обозначения бога луны (поскольку в язычестве он был у басков главным); ор.сулет. *goiko* "луна", а затем (при становлении христианства) и в качестве описательного названия христианского бога в сочетании *Jaun-goiko*-а "господина (все)вышний", возникшего, возможно, в языке первых миссионеров в Басконии. Никаких явных и прямых оснований видеть в составе баск. *jaun* "господина" бывшее название бога, а тем более самоназвание басков нет. Однако, по Л.Мичелана, *jaun* представляет собой, возможно причастие, мы бы добавили - от "поднимать, возносить, возвышать", т.е. букв. (некто) "возвышенный", (ср. то же *goiko* "луна" уже как этимосиноним), и это мог быть первоначально эпитет как человека, так и божества. Если так, то дальнейшие связи баск. *jaun* могли бы привести и к эпониму Яфет (ор.это же у Н.Я.Марра в ст. "Из Пиренейской Гурии"), но даже если и сам данный эпоним имеет баскское происхождение, он не был самоназванием басков, т.к. в Библии он всегда ассоциировался с ие- народами, и эта традиция остается неопровергнутой].

В абхазском языке *an*, точнее форма мн.ч. *an-o-a* от *an*, это просто "бог", в баскском же из *ɕag/ɕeg* первое значит "плохой, слабый", второе же с "аугментом" - *en*, т.е. в форме *ɕegren* "дьявол" ⁴³, ср.пумер. (имя богини) *I-ɕtar*, абх. *i-tar*, турец. в Азерб. *tar-ə* (перехиток местного яфетического), чуваш. *tor-ə*, *ti-ə*, *etr-tur-en* "Афродита" (8,с.I86), в спирантной ветви **ɕer > ɕer* "божество (богиня)" и "свинья" (тотем) > баск. *ɕert-1* "свинья" ⁴⁴ наравне с упомянутым *ɕert-en* "дьявол" (- *†* "бог"), сван. *ɕer-met > ɕer-bet* "Бог".

К значению "бог" - "дьявол" восходят и пары "хороший" - "плохой", ор.арм. *ɕag*, *ɕag-1* "плохой" и вновь баск. *ɕag*, арм. *gaɕ > *gaɕ > geiɕ*, народн. *gei* и баск. *gaɕo* "зло", прилаг *gaɕa-to*, *gaɕɕ-to* "плохой".

Хотя, как это естественно, в баскском есть слова различного происхождения и просто скрещенные, но общее впечатление то, что баскский в лексике все же имеет тенденцию к изолированности, к сохранению исходного состояния слов (*le lexique basque tient plus à la forme isolée, état plus ancien des mots*). ⁴⁵

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Winkler H. Das Baskische und der vorderasiatisch-mitteländische Völker- und Kulturkreis, Breslau, 1909.
2. Марр Н.Я. Мовня Петриц, грузинский неоплатоник XI-XII вв.
3. Марр Н.Я. Яфетические названия деревьев и растений.- ИАН, 1915.
4. Марр Н.Я. Два яфетических суффиксов -te, (ti)t в грамматике древнеармянского языка.- ИАН, 1910.
5. Марр Н.Я. Где сохранилось ованское склонение.- ИАН, 1911.
6. Марр Н.Я. К вопросу о префиксовых образованиях в баскском языке.- ДАН, 1924.
7. Марр Н.Я. Термины из абхазо-русских этнических связей (Марр, 1924 г.) 14, 31 раз. К грузинским надписям из Месхетии (Марр, 1925 г.).
8. Марр Н.Я. Название этрусского бога смерти Kalu (Марр, 1924 г.), о 186 раз. Термины из абхазо-русских этнических связей (Марр, 1924 г.), с. 39.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Origine japhétique de la langue basque. (Notice préliminaire rédigée conformément à l'état actuel de développement de la théorie nouvelle. - Язык и литература, I, Л., 1926, с. 193-260. Переведено с сокращениями. (ред.).)
2. Речь идет о первой баскологической работе Н.Я. Марра (ниже именуется у него "Сообщение"), которая первой идет и в настоящей книге, см. о ней здесь также введение (ред.).
3. В статье tšingurti "Г. Шухардта (1912, р. 110) я с большим удовлетворением прочел: "Во всяком случае, есть основания считать мои выводы несколько форсированными, так как остается открытым вопрос, должен ли быть баскский исторически отнесен к хамито-семитским или к кавказским языкам". Это уже граничит с нашей теорией: достаточно сделать выбор между хамито-семитским и яфето-семитским вариантами, чтобы перейти границу и стать на яфетическую почву.
4. У В.Ф. Шиммарева это имя дается в форме Маргерет (ред.).
5. Вот предложение рассматривать эти местоимения как формы мн. числа даже когда речь идет о "я", "ты" (ср. абх. *sa-ta* "я", *wa-ta* "ты"), и оно интересно даже для относительно поздних эпох развитой морфологии, но с точки зрения палеонтологии это первично нечленные единицы. Ред.: Эти единицы, наоборот, безусловно членны, и второй элемент в них (-та) является, возможно, геминато-

ром типа русской частушки "же". Но верно, что значение "множителя" сюда ближе всего, в чем Н.Я.Марр вновь оказывается на высоте.

6. В следующем далее отрывке текста (оставляет конец Введения и дается в квадратных скобках) объединены примечания автора периода 1926 г. к приведенному только что фрагменту о миграции басков (ред.)
7. Здесь, несомненно, имеется в виду все дороманское в Романии, субэтретское, уходящее в самые глубокие олоя, хотя и продолжающие отчетливо жить в басконцах, кастальцах и т.д., связывая их с басками (ред.).
8. В результате того, что автор называет исторической миграцией, на своем нынешнем месте в Европе оказались, например, венгры. Последних тоже не принесла "миграция венгров": имело место ометанное движение целого конгломерата этнических групп, т.е. "переселение народов", но именно "переселение", тогда как в связи с басками, по мнению Марра, речь идет о принципиально ином процессе — о первичном расселении народов (см. сразу же дальше) (ред.).
9. Это мнение поразительно по своей прозорливости (ор. самые современные теории и вообще современные представления о миграциях эпохи неолита), и, на наш взгляд, оно вполне верно применительно к эпохе неолита, но связывать указанное расселение с началом всего "человеческого рода", как это делает автор, фантастично (ред.).
10. Наоборот, искать колыбель первичного неолитического расселения, а тем более расселения всего "человеческого рода" в Европе нет и уже во времена Марра не было оснований (что не изменялось и с удручением западной мегалитики). И кроме того, данное положение противоречит уже не только мыслям об обычной миграции или идее неолитического расселения со стороны Армении (см. выше), но как увидим сейчас, и тому, что говорится в последующих примечаниях самого автора (ред.).
- II. Таким еще более грандиозным допущением предыдущее положение (миграция со стороны Армении на Северный Кавказ и далее) по существу снимается (хотя это прямо не говорится). Если постулируемое расселение шло со стороны Урала через Северный Кавказ в направлении Западной Европы, то к Армении оно могло иметь лишь косвенное отношение (скажем, "отщепление" на Северном Кавказе какой-то части расселявшихся племен и ее одвиг на юг, в Закавказье с отходом от основного ядра и основного направления движения). Допущением о расселении со стороны Урала снимается и положение о западноевропейском его очаге (об автохтонности басков в Западной Европе), только что выказанное в этих же примечаниях 1926 года. Очевидно, что если положение о западноевропейском очаге — одна крайность, то положение об уральском источнике и "походе" — другая крайность. Теория соответствующего расселения в неолите не нуждается

- ня в одной из этих крайностей, поскольку она связывает то же расселение с распространением производящего хозяйства, очаг которого лежал к югу от Кавказа. Помещая указанное расселение по времени в неолит, мы этим связываем его и с Закавказьем (по территории), т.е. с той же Арменией, с которой и начинал в этом смысле Н.Я.Марр, а также с Грузией и т.д.(ред.).
12. Далее текст этой работы Н.Я.Марра разбит на параграфы, и из последних оставляемые и переводимые здесь нами даются в марровской нумерации (ред.).
13. Элемент *ēci* здесь является не чем иным, как уменьшительным суффиксом – пережитком слова "ребенок" (ср. русск. солнышко, турец. *güneş* "солнце" при *gün* "день" etc.). Мы находим этот суффикс о той же функции в чувашском, где он имеет форму *ĕci* (XXI, 43, 44).
14. Здесь и ниже римскими цифрами в скобках даются указания на список трудов Н.Я.Марра, приведенный в приложении. Начального /г/ в баскском никогда не было, так что мы не можем говорить о его потере (ред.).
15. В третьем параграфе есть рациональная мысль о соотношении /г/ - /s/ в баскском (внутри слов), а также оравнение баск. *bizi* "живой" с абх. *bza id*, однако всё это полностью "утоплено" в элементном анализе, почему данный параграф копируется. Предлагаемая этимология *igande* невероятна (ред.).
16. Баск. *bazo* с конечным /о/ значит прежде всего "гористый лес, лесостепные горы, лес, горы", затем "дебри", "ненаселенные пустынные горы" и далее уже "дикий". До "пустыня" здесь значение не доходит (ред.).
17. Параграф 5 опущен (ред.).
18. Здесь, как часто в других случаях, очень много неприемлемого и просто ошибочного. В частности, груз. *tavi* "голова" связано прежде всего со сван. *ēda, ēta* "колос" (чан. *tī* "голова") и далее может быть связано с различными баскскими словами типа *u-zta* ("урожай" первоначально "колосья, сбор колосьев" и т.п.), а связь груз. *tavi* как с груз. *oa* "небо", так и с баск. *saraī* сейчас по меньшей мере недоказуема; последнее значит собственно "чердак", а значение "небо" (рта) имеет лишь в целом композит *año-saraī* (букв. "рта чердак"), благодаря компоненту *año* "рот". Исходно фонетически *saraī*, форм же с /м/ этого вида нет, и сам перебой *m>b* является поздним: первичен вообще, по Л.Мичелена /b/, из которого паликом развивается /м/, вторичный и в топониме *Miartitz*, поскольку ясно этимологизируется (как *bī* "два" + *aritz* "дуб") не *Miartitz*, а форма с /b/: *Biartitz*. Несмотря на все это, очень интересно то вытекающее предположение, что баск. *sar/baī* или *sar/bag* первоначально значило именно "небо", а *año* "рот" в указанном композите появилось как дифференциатор омонимов: "небо" вообще и "нёбо" (рта) при втори-

- чности и значения "чердак". Ср. наше примечание 12 к первой статье настоящего сборника (ред.).
19. Возможность связи баск. *ardano* и груз. *qurzeni* etc. продолжает изучаться, и вопрос остается актуальным. В то же время форма *nas-ti* в баскском невозможна, и данный абзац в целом комментарию не поддается (ред.).
20. Привлечение последнего слова совершенно необоснованно, и оно имеет иную филиацию, иные корреляты в самом баскском языке, как это устанавливают ученые, начиная с А.Тромбетти (баск. *bi-zag* "борода", где основа *zag* сопоставляется с груз. *svet* "острие, кончик") (ред.).
21. Здесь в последней части этого абзаца много неточностей: *beга* как форма датива неизвестна, в качестве формы эргатива никогда не употребляется, никакого отношения к латинской конструкции не имеет, в значении "он сам, его самого" может быть, естественно, употреблено при любом непереходном глаголе (субъект) и переходном (объект) образование *beге* и *beга* отбичи невероятно: здесь в исходе элемент префиксально-местоименного характера в значении "он", сохраняющийся в императиве: *be-bil* "пусть он придет" (ред.).
22. Баск. *be-rugu* "бровь" имеет другую вполне надежную этимологию: **beḡi-t-bugu* "глаз(а)" верх". И, во всяком случае, исходная форма этого слова начинается с *ḡ* /, а не *ḡ* /, которое выступает только в данном композите, так как в нем раньше второй части предшествовал глухой согласный *t* / *ber* "голова" не существует (ред.).
23. Баск. *kuḡe*, видимо, действительно имеет то же происхождение, что и мегр. *skua* "ребенок, сын", но это – не причастная форма, как груз. *ḡvil*. Отношение сюда баск. (орф.) *seḡe* "сын" недоказуемо (ред.).
24. Баск. *ezker* "левый, левая рука" имеет не втором месте иную фонему: орф. */z/*, транскр. */s/*, а не */ḡ²/* (ред.).
25. Под *oka-ber* понимается груз. *vir-txas* обратным размещением компонентов (ред.).
26. См. наше примечание 16 к первой статье сборника (ред.).
27. См. ниже §34 (Палеонтология) и здесь же специальную работу о префиксах в баскском (ред.).
28. Неприемлемо, как и (ниже) скрещение элементов в грузинском корреляте. Баск. имеет скорее всего причастный префикс *e-*, а корень здесь везде **dur* "вода" (ред.).
29. Неприемлемо по многим причинам. Скорее груз. *sal* "три" сопоставимо с *и-е* *sem* "один", а баск. *iru* "три" обычно связывают с *и-е* числительным типа русск. три (*iru* < **tiru* < *triu* etc.) (ред.).
30. Наличие в этих числительных старых обозначений для 2 и 1 подтверждено последующими работами, хотя наличие в них самозлемента "меньше" невероятно (ред.).

31. Эта форма характерна только для крайне ограниченного ареала, вообще же ~~к-мн.~~ числа не бывает в косвенных падежах (ред.).
32. Этот элемент /-а/ восходит к местоимению "тот", откуда и артикль (ред.).
33. Общепринято (и для этого есть достаточные основания), что не ~~те~~-~~теп~~, а, наоборот, ~~теп~~ возникло из слияния двух старых форм (разных) род.падежа: ~~те~~ и ~~п~~. (ред.).
34. Исходный ~~t~~ баскского направительного падежа возводится обычно к ~~t~~⁺~~4~~; /-а/ в той же функции также известно в баскском; наконец, известно в этом языке и сочетание ~~a+t~~ в той же функции, как и в грузинском. Но именно поэтому нет оснований считать исходным вариант ~~га~~, а тем более сравнивать его с ~~то~~, ~~-гi~~ (ред.).
35. Н.Я.Март, цит. Два яфетических суффиксов (Март, 1910 а), Грамматика древнеармянского языка, §351. Баск. ~~-ti~~ направительного падежа, действительно имеющее связи, в частности, в грузинском, связано с ~~k~~ вторично: ср. паритив ~~-(r)ik:ogi-t-ik~~ "хлеба". Баск. ~~handik handi-tik~~ есть следствие гаплогонии (ред.).
36. Это очень важно, так как в баскских формах о ~~-та~~-тоже все более раскрывается этимологическое значение множественности объекта наряду с каузативным (ред.).
37. Заблуждения этой части (где есть, правда, и свое рациональное зерно, ср. Введение) особенно очевидны в данном случае, так как в груз. ~~tva~~ "глаз" первый согласный составляет безусловно часть корня, а /~~v~~/ есть след его лабиализации. К прототипу ~~tar~~ (но с /~~t~~^h/ должно, следовательно, возводиться все это слово в целом (ред.).
38. Все это не представляется ни возможным, ни вероятным: баск. ~~be-kain~~ и ~~be-buru~~ "бровь", как установлено, восходят к ~~*be-t-gain~~, ~~*be-t-buru~~ "вершина глаза", ~~*sinta~~ образовано скорее всего от ~~sinta~~ испанского происхождения (ср. исп. ~~sinta~~ "лента") в целом букв. "глаза лента" (по типу ~~be-buru~~), и это объясняет во всяком случае элемент ~~-та~~ и т.д. Так как элемент ~~-gi~~ в словоупотреблении обычно падает, то все три указанных композита считаются образованными от ~~begi~~ "глаз", а не от ~~*be~~ "глаз", и в самом ~~begi~~ элемент ~~-gi~~ вряд ли является чем-либо иным, кроме окаменевшего суффикса, ср. ~~ar-gi~~ "свет" и т.п. Тем не менее, тип ~~*ber~~ "глаз, луна" (как и ~~*tar~~ "глаз, луна") был в древности, несомненно, широко распространен (ср. авар. ~~ber~~ "глаз" и т.п.) он же содержится, возможно, и в баск. ~~be-gi~~ "глаз", и нельзя все же исключать наличие в прошлом в баскском отдельной формы ~~*ber~~ "глаз" (ред.).
39. Весьма показательное признание: оначев казюкиваем основания для расчленения слова как окрещенного (пусть и в ущерб семантической и формальной точности). Затем уже – все остальное: функции и т.д. Принципиальный источник заблуждений (ред.).

40. Мне подсказывают, что А.Сипу говорит примерно то же в своих Etudes prégramaticales Paris, 1924, pp. XII, 452, и его мысли действительно близки к моим. Однако я не могу опираться на них, так как хотя за ними и стоят определенные факты, но вообще они умозрительны и вместе с тем питаются всего лишь историей, обычным мышлением людей прошлого, тогда как я опираюсь на докторическое мышление, как оно выявляет себя из реальности яфетических языков.
41. Пассив, когда он есть, достигается только получением или присоединением его примет активной формой (par addition de ses marques par la forme active).
42. Акад. В. Ф. Шилимарев считал eusk (в Аквитании lusq) и gasq вариантами одного этнического термина (ср. Ю. В. Зыпарь, 1956). Широко известная и многими принятая попытка А. Товара свести vascon к монетной надписи barscunes (кельтского происхождения) разъединяет указанные термины, но далеко не все считают этот вопрос решенным (ср. здесь введение и конец послесловия) (ред.).
43. Л. Мичелена показал, что баск имеет иное происхождение, являясь поздним и с бас "плохой" никак не связано (ред.).
44. Это неточно: баск. zerrí "свинья" является лишь уменьшительной формой от баск. zerrí "свинья" (ред.).
45. Баск. gaio обозначает также что-то вроде дикой силы, ср. например, sugaio (su < sur) "arbol bravo" т. е. "дикое, сильное дерево" (ред.).

Из научного прошлого и настоящего баскского
отца "волк" и др.

(послесловие: дополнение к введению)

I. Сравнение баск. *rotzo* "большая собака" с груз. *roskveri* "рысь" принадлежит, собственно, Я. Брауну (пит. *Euscara-eucasica*, с. 210), но он дает для грузинского коррелята исходную форму **bosveri*, не усматривая здесь композита (в отличие от всех других авторов). Хотя относительно того существа, или того зверя абхазских преданий которое называется *a-rat-xur* (также *a-rat-xer*, также *a-pt-xer*) нам извест — но приблизительно лишь то, что этот зверь мог, как говорят абхазы, "броситься на лошадь, хотя бы и бежала, и высосать кровь", но это все же, действительно, заставляет думать скорее всего о рыси или пантере. В широком комплексе имеется только изображение т.н. *qveri* (мегр. *qveri, qeri* "волк"), на известном сосуде из Майкопа — изображение двух однотипных хищников вида пантеры.

Таким образом, привлечение данного абхазского термина к сравнению с баск. *rotzo*, так и с груз. *roskveri* кажется хотя и гипотетическим, но не лишеным все же всякого основания.

Тому же автору (Я. Брауну) принадлежит значительное число сравнений, относящихся к тематической группе названий зверей и животных: др.-груз. *dia/ekauri* — баск. *zekor* "бычок", др.-груз. *vtain-i* "ласка" — баск. *ertxin-tx* **urtzin-tz* "белка, ласка", груз. *qal-i* "козел" — баск. *zarr-i* "серна", др.-груз. *tel-i*, мегр. *tuŋ* лаз. *til-a* "пороенок" — баск. *zerr-i* "свинья" (вообще, а не только "боров": ср. Аскуэ), груз. *kverna* **kwen-t-a*, лаз. *kven-ur-i* сван. *r-kwen* "куница" — баск. *azkopar* "барсук" (здесь исходным является, как полагаем, **ek^hen*, баскский рефлекс которого содержит эпентезу /e-/, а сванский, возможно, ротацированное отражение свистящего начальной группы **ek^h-*); груз. *koŋo*, лаз. *koŋon-i*, сван. *kuŋun* "комар" — баск. *koŋo* "навозное", *kuŋu-wo* "блоха", др.-груз. *martwe* "выводок" лаз. *mota(1)* "детеныш" — баск. *martxal* "боров до года", мейхал "жеребенок" и др.

Вслед за Марром, за К. Боуде (Bouda, 1952, з. 80) и многими другими Я. Браун сравнивает также др.-груз. *taŋi*, ован. *ḡuŋw* (выводимое им из *taŋi* "мышь") и баск. *vaŋi* "мышь" (чан. *mtuŋ*, *mtuŋ* и ован. *ḡuŋw* "мышь" не упоминаются). По Климову (Словарь, с. 175), в алауте картвельской преформы не исключен /s₁/ перед /t/, а исходным гласным является /a/, в целом: **e₁tagw* "мышь", ср. еще у бых. *daŋwa-* "мышь", хаб. *ḡḡḡwe* дзыгуэ, чеч. *daŋk*, дацб. *daŋkI* (Борк).

В виду этих последних форм, на наш взгляд, особенно очевидно, что мы имеем дело о архетипом вида *dagw, tagw*, по отношению к которому

не только *mtug, mtuʃ* с их /m-/ должны быть вторичны (Клямов), но также и *ован. ḡtugw, ḡdugw* с их/ḡ-/ , как это правильно принимает в данном случае Я. Браун.

Правда, баскокий вариант с его /s-/ на первый взгляд говорит в пользу первичности начального шипящего в архетипе и в пользу утраты зубного в баскоком: **staḡu > saḡu*. Но, во-первых, в *анлауте* оваянскому или *ḡd* обычно соответствует баск. /z-/ , а не /s-/ , ор. у Я. Брауна же *ован. ḡdaval* "ласточка" – баск. *zagago id.* и так же обстоит дело при начальном груз. /t-/ , *ован. /t-/ etc.*: груз. *tma* (< **tama*), *лаз. toma(1)*, *ован. pa-tw* "волосы" – баск. *zamar* "клок шерсти или волос, шерсть (окота)" (Я. Браун) (случай, кстати, аналогичный *tapli* и т.п., так как в архетипе здесь должно быть **d/tamar* или **tamar*), ор. далее упомянутое *teli-zetti* "свинья" и т.п. Во-вторых, принимая для *анлаута* группу **st* в баскоко-картвельском архетипе, мы будем, очевидно, вынуждены отказаться от оравнения соответствующих слов с приведенными другими кавказскими (см. Борк), что было бы явно немотивировано.

В итоге приходим к выводу, что, если баск. *sa-gu* этимологически связано с пракартвельским **ta-gw*, то только в своей второй части (в корне), первая же часть у этих форм различна, как она различна в самом же баскоком в формах *sa-par, la-par* (< **ta-par, da-par*) "отатки меда в сотах": речь должна идти о бывших различных префиксах: **sa-* и **da-*.

Интересно, что подобно ряду других баскоко-картвельских элементов (см. о "цепочке" форм типа корс. *ḡakati* здесь во введении), рассмотренное обозначение мыши также находит в северном Средиземноморье свою промежуточную "инстанцию" – в виде части *сасса* корсиканского (Калви) композита *saḡsa-rinuto* "мышь-летучая" (Zohichardt, 1905, с. 222), и это далеко не единственный случай, ор., например, алб. *ḡqeta* "ягнята" (от *ḡka*) при баскоком и картвельском *skia, skiri* и т.п. "дети", абх. *skil id.* и т.п.* Для дальнейших сравнений в области названий животных с картвельской стороны может быть использована книга И. Керкадзе "Лексика названий животных в древнегрузинском языке", Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

2. В "цепочке" форм типа сард. *ḡagar* обращает на себя внимание тот важнейший, по нашему мнению, факт, что среди этих форм нет ни одной с огласовкой /o/-/o/ или /a/-/o/, но только с огласовкой /a/-/a/ , что соответствует, с одной стороны, баскокому *daḡar*, а с другой – пракартвельскому **ḡaḡar*. Баск. *zakur* с его /u/ предстает на этом фоне как форма, которая никак не могла быть принесена на Запад со стороны Кавказа, во всяком случае – тем же путем, что и **daḡar*. Но это, в свою очередь, *Ср. указанные ниже труды И. Губшида.

значит, что баск. *zakur* с его /u/ либо возникло уже после миграции из чего-то подобного **da^war*, **da^gar*, либо же что оно по образованию связано с чем-то существенно иным: подобным, например, сван. *txare* (**zakur* или **zkwar* с эпинтезой между /z/ и /k/).

Отдать предпочтение какой-либо одной из этих возможностей мы сейчас затрудняемся. Напомним только, что выше уже констатированы случаи, когда в баскском встречаются, как, возможно, и здесь, формы разных картвельских типов: ср. баск. *rotzo* "большая собака" и груз. *ros* в составе *ros-xvəri*, а с другой стороны баск. *otso* "волк" и мегр. *o^oso* в составе *o^oso-ko^osi*: данное соотношение особенно важно, если баск. /s/ исторически должен быть квалифицирован как шипящий, т.к. тогда и баск. /ts/ автоматически должен быть признан в своем прошлом шипящей аффрикатой, каковой безусловно является и мегр. /č/ в составе *o^oso* (-*ko^osi*).

Как бы ни соотносились между собой баск. /tz/ и /ts/ в наше время и в самых их истоках, для определенного отрезка их истории они должны (при том же условии определения /ts/ как шипящего) рассматриваться как существенно разные аффрикаты — не менее разные, чем картв. /s/ и /č/, а это означает, что и в виде баск. *rotzo*, *otso* мы имеем встречу существенно разных лексем или вариантов, соответствующих существенно разным же картвельским *ros* и *o^oso*. Кстати, и обычный испанский рефлекс имени собственного *otsoa* содержит /č/: *Osoha*.*

3. Если бы /z- / в *zakur* восходил, действительно, к звонкому, то его последующее оглушение имело бы явную аналогию и возможный источник в истории испанского языка, которому были известны звонкие /z/ и /ʒ/, позднее оглушенные и еще позднее перешедшие в глухую межзубную /θ/ (англ. *th*, например, в составе *thought*). Данное обстоятельство тем более существенно, что: а) в ряде явлений звуковой строй испанского и баскского языков, в котором они вообще очень близки, развивался одинаково и во взаимной связи или влиянии, б) к этим явлениям относится и развитие в сторону оглушения звука /ʒ/ давшего в ряде баскских диалектов и везде в испанском *j* = *ruo*. *x*, а как раз с этим процессом внутренне связано, притом даже хронологически, и оглушение звуков /z /, /ʒ/ (в испанском). (Судя по испанской хронологии, можно думать, что и в баскском это оглушение завершилось достаточно поздно, точнее — лишь к концу XVI в. — см. Бурье, 1952, с. 147, 343; В.Ф. Шиммарев, 1941). Таким образом, в смысле большей и меньшей древности у нас могли бы соревноваться в баскском не варианты с глухим, а только варианты со звонкими начальными: /z / и /ʒ /.

* В основе исп. *Osoha* вряд ли лежит баскское уменьшительное *otsoa*, ср. обычную русскую фамилию Волков, а не Волчков.

В баскском в настоящее время не существует системы тройных корреляций картвельского типа (р-р'-b, t-t'-d и т.д.), но лишь система двойных корреляций (р-b, t-d и т.д.). Согласно этому картвельским аффрикатам о-о'-з, основанным на паре свистящих s-z, в баскском должны соответствовать две аффрикаты: о-з, основанные на той же паре.

Однако в действительности указанной картвельской тройке соответствует только один баскский аффрикат /с/, орфографически /tz/, а указанной картвельской паре свистящих - только один баскский свистящий - глухой /s/, орфографически /z/. И это указывает на то, что в данном случае утрачено, по-видимому, уже не тричное противопоставление, а даже бинарное, т.е. просто утрачены сибиллянтные звонкие фонемы: аффрикат /з/ и соответствующий ему простой звонкий /z/. От о-о'-з в баскском остается только /с/ (графич. /tz/), от s-z только /s/ (графич. /z/).

Следуя той же логике, мы должны признать, что и рассмотренное только что баск. /ts/ соответствует тройной картвельской корреляции: џ-џ-з, а баск. /s/ остается от двойной џ-з, что означает прежде всего утрату в прошлом еще одной простой баскской звонкой фонемы /з/ и одного звонкого аффриката /з/ (всего, следовательно, речь должна идти об утрате четырех звонких: z, з, џ, з).

Но из всего этого вытекает и другой не менее важный вывод: каждый из указанных баскских сибиллянтов (глухих) является корреспондентом и возможным остатком целой соответствующей группы (тройки или пары) фонем: /z/ - простой группы свистящих s-z /tz/ - группы свистящих аффрикатов о-о'-з, /ts/ - группы шипящих аффрикатов џ-џ-з. Отсюда следует, что и на конкретном этимологическом материале для баск. /z/ мы должны ожидать соответствия, прежде всего в картв. как /s/, так и /z/, которые исторически оложились в одном и том же баск. /s/, для баск. /tz/ - соответствий в картв. о-о'-з, слившихся в баск. /tz/, для баск. /ts/ - соответствий в картв. џ-џ-з, слившихся в баск. /ts/ (хотя это все, конечно, не может исключать и иных соотношений: например, в определенных позициях утрата противопоставления самих баск. /s/ и /tz/ означала бы еще большее осложнение в области соответствия!).

Во всяком случае не оказывается места для баск. /x/ и /tx/, где /x/ графически отражает сильно палатализованный шипящий /s'/, возможно не сильно геминированный (ср. рус. /щ/); да и в картвельской системе для этих звуков не оказывается никаких соответствий, т.е. здесь нет ничего, что могло бы соответствовать баск. /x/ и /tx/ и это все говорит о вторичном характере последних.

С предельной ясностью об этом же говорит и самый статус /x/ и /tx/ в баскском, где они представляют собой звуки, лишь становящиеся,

но не ставшие еще фонемами (почти нет минимальных пар и т.д.).

Вопреки мнению Н.Я.Марра (Udağara), /x/ и /tx/, в баскском являются несомненно средством уменьшительности: *zakur* "собака" – *hakur, txakur* "собачка" и т.п. (см. Согин, 1972, р. 29–34), благодаря чему они почти целиком и существуют в фонопозициях, и яно, что в качестве такового средства данные звуки и возникли в недавнем прошлом как элементы баскской фоносистемы, причем ясно и то, как, на каких путях они стали указанным средством: на путях морфо-и фонологизации вторичного признака палатальности, ср. аналогии в некоторых языках Кавказа (Дешериев, 1981), с. 135–139*).

Можно указать, наконец, на то, что, как подчеркивает Л.Мичелена (цит. в др. работы) и как это общеизвестно, в языке иберийских текстов Испании, как и в современном испанском, было не более двух сибилантов, а это вместе с наличием /x/ и /tx/ при отсутствии начального /x/ считается важнейшей чертой указанных языков, объединяющих их с баскским. О какой-либо третьей иберийской сибилантной фонеме, т.е. /x/, при этом нет даже речи.

Итак, баск. /x/ и /tx/ там, где они не очевидны как деривационные заменители других сибилантов, являются все равно вторичными – это просто окаменевшие соответствующие заменители, скрывающие за собой тот или иной бывший истинный сибилант, который и должен быть выявлен для соотношения его с тем или иным картвельским.

4. Несколько разных замечаний:

Не только в грузинском или сванском, но и в лазском имеют место случаи девокализации бывшей основы или корня, включая основу или корень особенно интересующих нас здесь обозначений, ср. известную форму: лыз. ჯოჯი "собака" вместо ჯოჯი id.

Форма, напоминающая баск. *azeri* "лиса", исп. *zorro* имеется и в кавказских языках, ср. диодойское *suru* "лиса".

Со времен глубочайшей, по-видимому, тотемической древности у грузин существуют имена собственные, совпадающие с названиями целого ряда животных, особенно зверей: это знакомое уже нам *roskveri*, *datvi* "медведь", *mgeli* "волк", *verxia* "барс", *iremi* "олень" и др. (Ал. Глонтя, Основы грузинской лексики, Тбилиси, 1971, на груз. яз.). И здесь же можно указать имена: магр. ჯოჯია, груз. (сохранившиеся в горах) ჯაჟიკა от ჯოჯი, ჯაჟი "собака".

* По мнению И.Г.Мачавариани, в качестве средства уменьшительности палатализация выбирается по тем же причинам, по которым она используется для экспрессивно-ласкательного ("сюсюканье") общения с детьми.

* Ср. также образования совершенно яного характера и времени, как груз. ჯაჯერი "развратник", букв. "собака", "с собачьими повадками" и т.п.

Также и абызы в первый понедельник большого поста, вознося молитвы к великому богу (животных) Айтару и упоминая подчиненные ему божества, одним из первых называли среди них божество собаки (см. Н. Джанашия, Статьи по этнографии абызов. Сухуми, 1960).

5. То положение о первичности заногого полногласия именных основ (и грузино-сванского неполногласия в связи с переносом ударения на первый слог), которое предлагается здесь на основе привлечения абызовского материала для нескольких сравнений, давно уже заявлено, как часть теории картвельских именных основ, академиком А.С. Чикобава: см. его Структура древнейших именных основ картвельских языков, Тбилиси, 1942 (на груз. яз.), см. особенно о. 106 и сл. Это же: К вопросу ударения в древнегрузинском I. - Вестник АН СССР ООН, т. III, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); ср. Г.В. Рогова цит. К позиционным изменениям конечных основ основ в картвельских языках. - Вестник АН СССР ООН, 1962, №1, с. 230 сл. (на груз. яз.).

Противоположное положение (как часть другой теории) тоже давно заявлено в не менее известном исследовании: Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут картвельских языков. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Из предшествующих иностранных исследований по этим вопросам см. К.Н. Schmidt, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962.

В связи с используемой и рассматриваемой Н.Я. Марром (в его Udagara) лексемой *ṣvin-ogē* отмечаем, что в словаре С.-С. Орбелиани (изд. И. Кипшадзе и А. Шанидзе, Тбилиси, 1925) имеется соответствующая форма *mṣavi* и также Н. Чубинашвили (изд. А. Глonti, Тбилиси, 1961) приводит это слово в формах *mṣavi*, *ṣavi*, *ṣvavi* (пометка: "четырёхногое"), переводит его как "выдра".

Этот грузинский вариант *mṣav* в заноме представлен не только мегрельской формой *ṣvinogē*, но и лезгской *ṣvinogē* (Хоня), *ṣinagē* (Атина), также ованской *zav*.

В связи с указанием Н.Я. Марра на топоним *Neṣinagē* можно отметить, что согласно Грамматике заногого (лезгского) языка того же автора и его Заного-русскому словарю (СПб., 1910, с. 218) такой пункт существовал в получении ходбы от поселения Атина в долине того же названия. С другой стороны известно, что с заномыми *ṣvinogē*, *ṣvinagē* Г. Капанця (О взаимоотношения армянского и лезго-мегрельских языков. Брест, 1952, с. 41) связывал арм. *ṣvinag* "ныфа" (где *ṣvi* "море", *naṣ* "человек", рассматривая при этом и ряд других армянских и заномых лексем общего, по его мнению, происхождения (даже гибридных) предполагаемой эпохи совместной жизни армян и занов по р. Чорох.

Добавим, что кроме *ṣəvɪ* известна и форма *ṣəv-jaɣli* в том же значении, имеющаяся в одной рукописи X века, где читаем: *ukuetu-keti-lad-ramc tkua saxis meṭqueɪman ṣəv-jaɣlisa mdinarisaɣ* (см. Марр, 1904, с. II7, ср. N. Marr. Udagara. I9, где это *ṣəv-jaɣli* приравнивается к *qəliə-jaɣli*).

Если А. Альбрехт в 1903 г. (работа, цитированная во введении и в издаваемой Udagara Марра) в связи с баск. *zakur* указывал на дравид. *kaḷukṛta* (с. I7), то и мысль о связи баск. *zakur* о груз. *jaɣli* была высказана в том же году в книге венгерского ученого В. Munkácsi, *Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvcsobben*, I, 1903, с. II9.

Не только Уленбек, но и Р. Лафон в одной из итоговых своих работ (R. Lafon, L'état actuel du problème des origines de la langue basque, Gernika. Eusko-Jakintza, II, 1948, p. 83) подчеркивал, что баск. *zakur* "собака" нельзя отделять от груз. *jaɣli*, мегр. ჯოჯოღი, ован. ჯეჯუ. Здесь же Р. Лафон воспроизводит и "цепочку" Г. Шухардта (в той же форме, что и у последнего): коро. *jácaɣi*, сард. *giagari*, балканские языки: *dzaɣaɣi*, совр. греч. *dzaɣros*, турец. *zagár*¹⁾.

Вслед за Р. Лафоном на приведенные им баскские и картвельские обозначения, как на явно родственные, обращает внимание Ш. Кинтана в первой его работе, опубликованной в Грузии (Ш. Кинтана, О некоторых баскско-картвельских лексических встречах. — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, VIII, 1981, с. 216–221, на груз. яз.).

Наконец, в интересной книге Р. Гордезиани "Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений" (Тбилиси, 1975) не специально, но в связи с одним из вопросов фонетических соотношений ряда средиземноморских языков приводятся во взаимной увязке не только те же картвельские обозначения и баск. *zakur*, но и известные уже нам корсиканская и сардинская, а также еще одна греческая (*zagrēus*) формы, причем автор, судя по всему, вполне представляет, какое значение они могут иметь для изучения соответствующего комплекса проблем.

Независимо от вопроса о баск. *udagara* и т. д. для выявления фактов баскско-кавказского суботрета в Средиземноморье (вообще) особое значение имеют исследования выдающегося швейцарского ученого Иоганна Гуошмида, создавшего без преувеличения собственную науку о средиземноморских языках.

Между прочим, содержащая этот "рефлекс" Шухардта работа Р. Лафона вышла до появления одной критической статьи Ханса Вугта (обычно пишут Гано Фогт) "Баскский и кавказские языки", переведенной на грузинский язык (Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, Тбилиси, 1972, с. 279–306). Однако в последней мы не находим должной реакции ни на указанное замечание Р. Лафона, ни на все, что за ним стоит у Г. Шухардта, Н. Я. Марра и др.

земноморском субстрате, собственную медитерранистику, ср. особенно Rubschmid, 1949, 1954, 1960, 1961, 1963, 1963 а, 1963 б, 1965, 1966, 1970, 1978. По древней Испании см. также ценнейшие обзоры того же автора 1959 и 1959а. Специально по сардинскому субстрату Губшмид в его *Sardische Studien* продолжил известные, хотя и не новые исследования Л. Вагнера, см. особенно Wagner, 1931.

В этих исследованиях содержится целый корпус, свод фактов, так или иначе аналогичных той "цепочке" форм, которая рассмотрена нами выше, и дальнейшее развитие этого заложенного Губшмидом фундамента могло бы особенно много дать картвело-баскской компаративистике.

Г.О.Шаламберидзе (Роль композитов в построении сравнительной баскологии - *Iberica*, Л., с.212) отмечает, что еще В.Ван Эйс в 1873 г. видел в баск. *udagara* компонент *ur*"вода" и что заолугой Г.Шухардта является то, что он показал "наличие слова типа **dagar* "собака" в самых различных средиземноморских языках, ср. тур. болг. серб. алб. *zagar* "собака-ищейка", корс. *žakazi* "собака", сард. *žagazi* "собака", греч. орднэвек. *zagarion* "собака" греч. соврем. *zagar* "собака-ищейка" и т.д., ор. также указанные Н.Я.Марром арм. *to-γor-ti-k* "нечистое животное", ингуш. *žal-i* "собака", чеч. *žal* "собака"... Наличие в анализированном баскском композите олова **dagar* "собака" очень важно по следующей причине. Во-первых, возникает вопрос об отношении этого слова к баскскому же сулетианскому *hor* "собака". Вспомним о соответствующих иберийско-кавказских оловах, например, будущ. *hor* "собака", и о баск. *zakur* "собака". В случае, если все указанные формы связаны между собой по происхождению, то в **dagar* и *zakur* надо выделять компоненты *da-* и *za-* как некие исторические префиксы, а это имеет исключительное значение для исторической морфологии баскского языка, ибо в именных основах никогда еще префиксы *da-* и *za-* в баскском языке не выделялись и могут оказаться бывшими показателями именного класса животных, ср. префикс *h-* гласный, который К.К.Уленбек выделял в баскских названиях частей тела как показатель класса вещей... Во-вторых, в картвельских языках имеется ряд слов... в том же значении, которые в реконструкции академика А.С.Чикобава восходят к праформе **Jaçal* (ср. форму приведенных выше средиземноморских слов типа тур. *zagar*). Возникает очень важный вопрос об отношении указанной картвельской праформы, как и всего данного круга терминов, к баск. **dagar, zakur*. (Вопрос, на который в первом приближении была сделана попытка ответить здесь

во введении).

Между прочим, из указанных только что в этой цитате чеченской и ингушской форм, первая, если она является не метатезированным заимствованием из грузинского или старо-сванского, должна восходить к преформе *jaʁal*, но с ударением, возможно, не на первом, а на втором слоге, откуда и падение первого гласного.

Возвращаясь к древнеиспанскому *uacsi* или *uacsi* как возможному варианту термина *uacsi*, можно отметить, что ближе всего к нему стоит, очевидно, кавказский термин *uax*, ср. библ. *Mebech/Mosox*, а лабильному элементу *u* лаута этого термина гласный предшествует не только в варианте *abaskoi* или у Ю.Покорного в его реконструкции **awacsi*, но и при передаче в древности варианта *uacsopez* по-гречески через *ouaskopes*, где *op-/o-/* перед лабильным.

Приложение № I

К.К.Уленбек: Udagara *

К числу особенно многочисленных баскских слов, которые все еще нуждаются в принципиальном разъяснении, принадлежат лабурдинское и нижненаваррское "udagara" "выдра". Имеется близкая форма uhadara и она могла бы быть вполне разъяснена как параллельная к udagara с таким же чередованием а/е перед г как в следующих парах слов: eihara(eihar)/eihera "мельница", erdara/erdera "небаскский/романский язык", enhara(inhara)/anhara "ласточка". Этот переход /а/ > /е/ перед /г/ представляется настолько элементарным для всех диалектов, что я вынужден здесь отказаться от намерения установить точный источник отдельных форм. К проблеме относится материал RIEU, III, 267 и след. Мы ниже увидим также, что /h/ в составе uhadara также не составляет никакой трудности, поскольку здесь мы могли бы допустить взаимопереход согласных /d/ и /g/(h). Форма uhadara могла бы также происходить из *udahara через промежуточную форму *udahera. В порядке изучения связи форм udagara и *udahara я процитирую слова А.Гавеля: "Éléments de phonétique basque, 351 и сл. "Случаи внутреннего чередования между /g/ и /h/ не редки. И среди них по крайней мере некоторые могут иметь очень простое объяснение, а именно: для устранения гиятуса в некоторых ареалах вводится /g/, а в других ареалах вводится /h/. Что касается самого гиятуса, который этим устраняется, то он вызывается либо падением интервокального согласного либо раздвоением гласного, как в случае zagat(r)"старый" (верхненаваррская долина Бастан) из zar(r)id. в диалекте долины Саласар и во всех баскских диалектах Испании, ср. промежуточную форму zaar id., еще ощущаемую в биокайском говоре г.Маркина". В этой связи очень важными являются следующие замечания Г.Шухардта (в Baskisch und Romanisch, 23 сл.): "В баскском языке вставка, включение (не могу отделаться от кандалов общепринятых предложений) полувзвонных согласных b, g, d является исключительно частой, и поэтому мы в любых случаях не можем исключать полное исчезновение соответствующего согласного, как мы это делаем в области других языков. Колебания от четкого до беглого произношения этих звуков и вплоть до их падения являются тем более необозримыми, что они имеют место не только от диалекта к диалекту, но отчасти также в пределах одного и того же говора и даже у тех же самых носителей говора в зависимости от того, говорят они медленнее, спокойнее или более взволнованно и быстро. При этом как только вступает в действие большее расстояние, то возникают всякие вторичные тенденции противоположного направления, и они приводят к новым результатам... В итоге происхождение отдельных локальных исходов, их последующая трактовка оказываются независимой".

* Revue Internationale des Etudes Basques, t.23 (1932) NI, p. I-3.

Хотя я считаю позицию Шухардта и Гавеля в основном верной, я не настаиваю на том, что /g/ в *udaḡara*, как и /h/ в *udaḡara*, обусловлены глатусом и что эти формы прежде всего сводятся к **udaaga*. Форма **udaaga* могла быть получена в результате растяжения, раздвоения гласного в форме **udaga*. Таким образом, мы приходим к первоначальной форме, очень близкой к известному индогерманскому корню **udro* "выдра".

Должны ли мы считать **udro* заимствованием из какого-либо индогерманского языка? Возможно, форма *udro* существовала еще в галльском, хотя никакого следа ее здесь не находим. В древнеирландском языке, например, вместо нее находим уже результат табуирования *dobor-slu* букв. "водяная собака", а в кельтском диалекте также имеется соответствующее слово (см. Stokes "Urkeltscher Sprachschatz", S. 154).

Однако, если бы и действительно имелось галльское **udro* (для утверждения этого у меня нет достаточного основания), то все равно это не дало бы полного объяснения *udara*. Срединный гласный в *udara* понятен нам без особых усилий, так как баскский язык оставался на протяжении многих столетий чуждым такому отечению, как *dr*. Но вот трудность, и она состоит в ауслаутном /a/, вместо ожидаемого /o/. В то же время часто /a/и/o/ в ауслауте корявей заменяют друг друга и в силу этого не невозможно все же рассматривать *udara* как древнее заимствование из кельтского (или, точнее говоря, из галльского), если бы мы только знали, что действительно существовало само кельтское **udro*.

Во всяком случае, возможный прототип для *udara* имеется также в других подгруппах индогерманских языков, в частности в германоких, где я.-э **udro* в результате передвижения согласных выступает как *utra* (**otra*). Спрашивается, может ли баскское *udara* происходить из готского *utra*? Мы знаем, что в баскском интервокальный /t/, по крайней мере в некоторых глагольных формах, дает /d/ (см. RIEB, III, S. 72), что могло иметь место и в данном случае.

Все это, конечно, весьма проблематично и не приводит нас к каким-либо определенным результатам. И все же это, думаю, лучше весьма эфемерных гипотез Марра (Яфетический сборник I, с. 1 сл.) и Оштира (Drei vor-slavisches Vogelnamen, S. 68). Оба они отпавляются для *udaḡara* от значения "водяная собака", что само по себе не является невероятным. Однако комбинации, через которые они приходят к этому значению, опираются на недоказанные предположения.

Рядом с *udaḡara* и **uhadega* надо указать также форму **uhain* "выдра", которую мои предположения не объясняют, будучи в этом уязвимыми. Или следует воспринимать **uhain*, как сокращенную форму от **uhadega*? А может быть, здесь имело место влияние какого-то другого олова? Вновь, как и в других случаях, занятия баскской этимологией ни к чему не приводят.

Приложение № 2
(Указатели к баскологическим материалам в
работах Н.Я.Марра по 1926 г.)*

Указатель № I. Перечень специальных работ Н.Я.
Марра по языку басков

Liste d'articles spéciaux sur le basque

- I. Об яфетическом происхождении баскского языка (ИАН, УИсерия, т. XIV, 1920, I3I-I42).
2. Le terme basque *udagara* "l'autre" (ЯС, I, 1922, с. I-30).
3. Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Бокии (ИАН, 1921, 724-739), повторно ПЭРЯТ.
4. К вопросу о префиксовых образованиях в баскском языке (ДАН, 1924, I59-I62).
5. *Analyse nouvelle du terme Pygénéès* (ДАН, 1925, 5-8).
6. *Origine japhétique de la langue basque* (ЯЛ, I, Л., 1926, с. I93-260).
7. Две новые работы Uhlenbeck'a по баскскому языку (ЯЛ, с. 261-278).
8. *Les Pygénéès ou Monts Ioniens* (ДАН, 1925, I5-I8).
9. Из повадки к европейским яфетидам (ЯС, III, 1925, I-64) повторно ПЭРЯТ.
10. Чем живет яфетическое языкознание. Петроград, 1923.

Указатель № 2. Перечень статей о фрагментах, относящихся к языку басков.

Liste d'articles avec des passages sur le basque suivie d'un index

- I. Нарядательное значение термина *q'era* в "митанских" женских именах (ИАН, 1920, I2I-I27).
- II. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры (МЯЯ, XI), в. XI.
- III. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян (ЗВО, XXV, 229-256).
- IV. К вопросу об яфетидизмах в германских языках (ЯС, I, 43-56).
- V. К вопросу об яфетидизмах в албанском (ЯС, I, 57-66).
- VI. Термин "окиф" (ЯС, I, 67-132).
- VII. Термин *basileus* (ЯЛ, I, I33-I42).
- VIII. Яфетида (Восток, кн. I. 32-92), Пг., 1922.
- IX. *La Seine, la Saône, l'Isère et les premiers habitants de la Gaule Etrusque et Pelagique*. Petr., 1922.
- X. Надпись Сардура II из раскопок нити на Ванской скале (Археологическая экспедиция в Ван в 1916 г.), Пг., 1922.

От ред.: точнее, во время подготовки к изданию *Origine*, т. к. взято из *Origine*, с. 214-224. Французский язык в указателях сохранен для удобства зарубежных читателей.

- XI. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в осоздании Средиземноморской культуры (Яфетические исследования, II), Ленинград, 1923.
- Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur (Japhetische Studien, II) Leipzig, 1923.
- XII. К толкованию имени Гомер (ДАН, 1924, 2-5).
- XIII. Север и мрак//лавный от Перенеев до Месопотамия (ДАН, 1924, 8-11).
- XIV. Смерть - предоподняя в месопотамско-египетском мире (ДАН, 1924, 12-14).
- XV. О небе как гнезде предназначений (ДАН, 1924, 23-26).
- XVI. Из семантических дериватов неба (ДАН, 1924, 27-28).
- XVII. Яфетические переживания в классических языках и "вера" в семантическом кругу "неба" (ДАН, 1924, 29-31).
- XVIII. Quelques termes d'architecture désignant voûte ou arc (ЯС, II, 137-167).
- XIX. Заметки по яфетическим клинописям (ИРАИМК, III, 288-304).
- XX. Об яфетической теории (Новый Восток, кн. V, 303-339; отд. отт. I-36), М., 1924.
- XXI. Термины из абхазо-русских этнических связей. "Лошадь" и "Тризна" (к вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения), Л., 1924.
- XXII. Первый средиземноморский дом и его яфетические названия у греков *mégaron* и у римлян *atrium* (ИАН, 1924, XI - II, 225-237).
- XXIII. Название этрусского бога смерти *Kalu* и термины писать, петь, чорт, поэт-слепец (К вопросу об *Ištār Karmanta*) ИАН, 1924, XI - II, 183-195.
- XXIV. Из яфетических пережитков в русском языке (ДАН, 1924, 65-67).
- XXIV-a. Составной характер этрусского *tusurti* "девушка" (ДАН, 1924, II 3-115).
- XXV. Краеведение, Л., 1924.
- XXVI. Филистимляне, палестинские палезги и расены или этруски (Евр. мысль, I, 1-31), Л., 1925.
- XXVII. *ჟაფთიანთა კლასიკური ძეგლი და მათი მნიშვნელობა*. - *გვანდიაშვილი*, № 4 (12) - № 5 (13), თბილისი, 1925.
- XXVIIa. К грузинским надписям из Месехи (ЗКВ, I, 228-232).
- XXIII. Грамматика древнелитературного грузинского языка (МНЯ, XII, 1925).
- XXIX. Отчет о повязке к восточноевропейским яфетидам (прил. к прот. ОИД). ИАН, 1925, 15-29.

- XXX. Оливия и Альба Лонга (ИАН, 1925, 663-672).
- XXXI. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1925, 673-698).
- XXXII. Прилагательные "длинный"/"короткий" (ИАН, 1925, 797-812).
- XXXIIa. Основные достижения яфетической теории. Ростов н/Дону, 1925.
- XXXIII. Предисловие к Восточному Сборнику Гос. Публ. Библ. (ВС, I, I-XVI).
- XXXIV. Абхазоведение и абхазы (ВС, I, 123-166).
- XXXV. Происхождение американокого человека и яфетическое языкознание (ВС, I, 167-192).
- XXXVI. О возникновении языка:
 "Über die Entstehung der Sprache." - Unter dem Banner des Marxismus, 1926, janvier, p. 558-598.

Указатель № 3 (системный) общих замечаний
 по баскскому языку*. *Remarques générales
 sur le basque.*

- 1) О значении баскологических исследований.
De l'importance des études du basque (VI, 84, XI, 19; XX, 2).
- 2) Об экспансии и т.н. преесторической миграции басков.
De l'expansion et de la soi-disant migration préhistorique des Basques (II, 33-36; III, 239, n. 2, VIII, 86, IX, 9, X, 37, XI, 14, XXVII, 48).
- 3) О термине "баск".
Du terme "basque" (XXI, II, 14, 31, 46 et pass., XXVIIa, 229, XXXI, 658).
- 4) О скрещенном характере баскского языка
Du caractère composé du basque (XVIII, 165, XX, 29, XXI, 10, II, XXXIIa)
- 5) Этрускский слой (POW) в баскском.
De la couche étrusque (POW) dans le basque (XXI, 10-II, 15, 25, 39-42, 54, XXVI, 12, pass., XXVIIa, 21).
- 6) О слое САЛ в баскском.
De la couche SAL dans le basque (XXI, 10-II, XXX, 664, XXXII, 805 et pass.).
- 7) О слое ИОН в баскском.
De la couche YON dans le basque (XXI, 10-II, 19, 20, XXVI, 30 et pass., XXVIIa, 217).
- 8) О слое БЕР в баскском.
De la couche BER dans le basque (XII, 4, XXI, 10-II, 13, XXVI, 6, XXXVI).
- 9) Баскский и романские языки
Le basque et les langues romanes (XI, II, XIII, 10, p. 3, XXVII, 34).
10. О различии между французскими и испанскими диалектами басков.
Différence entre le basque français et le basque espagnol (XXVI, 25).

* В скобках римскими цифрами обозначены издания предыдущего указателя (ред.).

- 11) Термины баскского происхождения во французском.
Termes d'origine basque dans le français (II, 34, XXVI, 25)
- 12) Отношения баскского к другим живым лфетическим языкам, в частности к армянскому, абхазскому, чувашскому.
Rapports du basque avec les autres langues japhétiques vivantes (XXI, 407, en particulier avec l'arménien, l'abkhaze et le tchouvach) (IX, 26, XXI, 910, 13-14, 19-26, 32, 40, XXXIIa, 21), (XXIX, 15).
- 13) Отношения баскского к американским и австралийским языкам.
Rapports du basque avec les langues américaines et australiennes (VIII, 89, XXXV, 185).

Указатель № 4 (системный) по фонетике и морфологии баскского языка

De la phonétique et de la morphologie basques

- 1) Начальный r в баскском.
L' "r" initial dans le basque (XXI, 22, 31, XXVI, 10, XXXI, 677, XXXII, 837)
- 2) Звук "s" в баскском
L' "s" dans le basque (XXXI, 676).
- 3) Плавные фонемы в баскском.
Des liquides dans le basque (XXI, 22, XXIV-a, 113).
- 4) Начальный k в баскском
L' "k" initial dans le basque (XXXI, 679).
- 5) Закон d - l в баскском
La loi basque d-l (X, 27, n. 2, 39, n. I).
- 6) 0 баскском плуреале.
Du pluriel basque (III, 244, VI, 83, XXI, 22, 24, 44, XXVII, 21, 22).
- 7) 0 баскском глагола.
Du verbe basque (XXI, 22, 26).
- 8) 0 баскском склонении.
De la déclinaison basque (XXI, 21, 22).
- 9) 0 баскском спряжении.
De la conjugaison basque (VIII, 88).
- 10) Баскские префиксы.
Des préfixes dans le basque (XXI, 22, 23, 41, XXII, 235, XXIX, 23, XXXIV, 136).
- 11) Место определения в баскском.
De la place du déterminatif dans le basque (XXI, 23, XXIX, 24).

Указатель № 5 (системный) по этимологии

Etymologies

agur	привет	salut	(XVI, 28)
ahal	см. al	v. al.	
al, ahal	сила	force	(XXIX, 26)
al-	женщина	femme	(XXIII, 185, XXIX, 22, 26)

alaba	дочь, девочка	fille	(I, I24, XVII, 30, XXI, I9, XXIII, I85)
almen	сила	puissance	(XXIII, I84)
andere	женщина	femme	(XXIII, I86, XXX, 669)
ar	самец	mâle	(X, 38, n.2)
aragi		v.haragi	(
aran - arayn	рыба	poisson	(XXVI, 26)
arato-aratu-arati	мясо	chair	(XV, 26)
arat-egun < harat		jour gras	(XV, 26)
egun			
aratiste	карнавал	carnaval	(XV, 26)
arasi	заставить	faire faire	(XXI, 26)
arayn	ом. aran	v.aran	
arriba	сестра брата	sœur de frère	(XXXIa, 2I)
artu	братъ	prendre	(XXIX, 26)
arsto	ом. arsto		
arsto	осел	âne	(XXVI, I2, I3)
aro	медведь	ours	(XV, 26)
asi, arasi	заставить	faire faire	(XXI, 26)
a-te, a-tal	дверь	porte	(XXII, 233, 234)
aŕto	ом. arsto	v.arsto	
ay-hen	виноград	raisin	(XXII, 235)
ayta	отец	père	(XXI, 23, XXI, 235)
ayspa	сестра	sœur	(XXI, 23)
burdin	железо	fer	(XXV, I9, XXIX, I9)
buru	голова	tête	(XII, 4, I5, XXIX, I5) XXIX, I5, XXVIII, VII, XXXVI, 566, 597).
edes		v.eres	
egia	правда	vérité	(XXI, 44)
egun > egu	день	jour	(XXI, 43, 44)
eguski, iguski	солнце	soleil	(XXI, 43, 44)
ekarri	приносить	porter	(XXI, 2I)
eki	солнце	soleil	(XXI, 44)
eles	ом. eres	v.eres	
eme	овца	femelle	(XIX, 295)
enada	ом. enhara	v.enhara	
enhara, enada, inhara, inara	ласточка	hirondelle	(XXXI, 69I)
erasi	делать	faire, v.asi	(XXI, 26)
erasi	заставить говорить	faire parler	(XXI, 25, 26)
erasle	оратор	orateur	(XXI, 25, 26)
erasŕte	разговор	entretien	(XXI, 26)
eres, eles, edes	рассказ	narration, récit	(XXI, 43)

eresi	песня, оказка	élegie	(XXI, 42)
erdi	половина	moitié	(XXI, 13)
esker	левый	gauche	(XIII, 10, XIV, 13)
eskela	северо-восток	nord-est	(XIII, 10, XIV, 13)
eun < ehun	сто	cent	(XXI, 46)
auri, uri	дождь	pluie	(XVI, 28, XXXI, 683)
ewskaldun	баск	Basque	(XVIII, 165, XX, 20, 29) XXI, 10, 40, 43, 54, XXVI, 26)
ecay	враг	ennemi	(XXIII, 189)
etorri	приходить	arriver, venir	(XXVI, 16)
eyta	и	aussi, et	(XXI, 23)
garagar	ячмень	orge	(XXI, 21)
gari	пшеница	froment	(XXI, 21)
gayc	плохой, зло, болезнь	mal, malheur, maladie	(XXI, 21, 27)
gaysto	злой	méchaut	(XXI, 21, 27)
gison	человек, мужчина	homme	(VI, 74)
gora	верхний, верх	haut, élevé	(XVI, 28)
gorden	зеленый	vert	(XVI, 28)
goybel	облако, облачный, мрачный	nuage, triste	(XVI, 27)
gur < kur	привет	salut	(XVI, 28)
gurtu, gursen	приветствовать	saluer	(XVI, 28)
har > (h) arri	камень	pierre	(XXXV, 185)
haragi > aragi	мясо	chair	(XV, 26)
herdera	иностранный язык	une langue étrangère	(XXI, 10, 13)
hirri > iri	город	ville, cité	(XXX, 666)
hore > ore	небо, облако	ciel, nuage	(XVI, 27)
horeadar > orsadar	радуга	arc-en-ciel	(XVI, 27)
hun-(hqn) > on	хороший	bon	(XXI, 19-21)
hur > ur	вода	eau	(XVI, 29, XIX, 290, XX, 10, XXXI, 683, 695, XXXV, 185, XXXVI, 169, 171)
huri > uri	город	ville, cité	(XXX, 666)
hurden > urden	голубой	bleu	(XVI, 28)
hore	небосвод	voûte visible	(XVI, 27, XXXV, 185)
hore	зуб	dent	(XVI, 28)
hurrun/hurrun	далекий	lointain	(XXI, 19)
hurrtuti	издала	de loin	(XXI, 19)
ikusi	видеть	voir	(XIX, 289, XXIX, 25, n. 5)
illargi	луна	lune	(XXVII, 51)

iñara	см. inhara	v. inhara	
irhinsiri	(ср. samari- kina) ржать	hennir	(XXXVI, 586)
isar	звезда	étoile	(XXI, 23, 54)
isarihic	розовый	rosée (b-n.)	(XXI, 23)
itur	источник	source	(XXII, 233)
i ² star//i ² ster	ляжка, бедро	cuisse	(XXIII, 186, XXIX, 23)
i ² starbegi	враг	ennemi	(XCVII, 189)
i ² surba	безумие	délire, folie	(XXIII, 193)
icu, itsu, i ² su	слепой	aveugle	(XII, 2)
koreta	лоб	front	(XII, 5 n. 3)
kurnil	колесо	roue	(XVI, 28)
labur	короткий	court	(XXVII, 806, 807)
lehen	передний, первый	avant,	(XXXII, 806)
luse	длинный	premier long	(XXXII, 806, 807)
makila	палка	baton	(IV, 53-55)
mendi, mendiska	гора, холм	mont, monti- cule	(XXIV, 66, XXV, 15)
mende	век	temps, siecle	(XXIV, 66)
-mentu	период	epoque	(XXIV, 66)
morde	господин	seigneur	(XXXI, 679)
moskor	очень короткий	tres court	(XXXII, 801)
mos	короткий	court	(XXXII, 801)
mundu, mundo	мир	monde	(XXIV, 65)
muric	короткий	court	(XXXII, 802)
nabusi ²	хозяин, владелец	propriétaire	(VII, 140)
ordu	время	temps	(XVI, 28)
orga	тележка	charrette	(XVI, 27)
orkor, urrikari	несчастный, зас- луживающий мило-	malheureux	(XVI, 28)
orma	стена	muraille	(XVI, 28)
ors	см. hors		
orsadar	см. horsadar		
orc	см. hors		
orc ² i	мироздание	firmament	(XVI, 27)
orc ² i	бог	dieu	(XV, 25, XVII, 29)
orc ² i	гром	tonnèrre	(XVI, 27)
orc ² i	хоронить	enterrer	(XVI, 27)
xaу	праздник	fête	(XXI, 26)
xaуn, xaуn	господин	seigneur	(XXVI, 30, XX, 9, XXI, 20-21)
Xaуnkoa	бог	Dieu	(XXI, 20)

saba (точнее са- pai)	нёбо	palais de la bouche	(XV, 28, XVIII, 144, XXI, 39)
saldi	конь	cheval	(XXI, 41)
samari	вьючное животное	cheval	(XXI, 41, XXI, 678, n, I, 697) n. I).
samaldun	всадник	cavalier	(XXI, 697, n. I)
sauri	рана	blessure	(XXIX, 21)
seru	нёбо	ciel	(XV, 25, n. 4, XVIII, 144, XXI, 39, XXII, 234)
silhar	серебро	argent	(XX, 31, XXX, 664, XXXII, 805)
sin	молитва	serment	(XVII, 317)
sinisten, sinistu	верить	croire	(XVII, 31, XXI, 691, n. 2)
šagar	яблоко	pomme	(V, 64)
šaar	старый	méchant, mauvais	(XXIII, 187)
šakur	собака	chien	(XXI, 684, 685)
tegi teki//toki	место	place	(XXVIII, 155)
tresna	уздечка	parure	(XXI, 42, 54)
tresnatu	взнуздывать	harnacher	(XXI, 42)
šar	злой	méchant, mauvais	(XXI, 21, 23, XXIII, 187)
šeri//šari	свинья	porc	(XV, 25)
šeriki/ šariki	свиное мясо	chair du porc	(XV, 25, 26)
šerren	чёрт	diable	(XV, 25, XXI, 23)
udare	груша	poire	(XXIV-a, II4)
unhain	пастух	vacher	(XV, 25)
ur		v. hur	
urdandegi	свинарня	étable a porcs	(XV, 25)
urday, urde	свинья	porc	(XV, 25)
urdaki	свиной жир	lard	(XV, 25)
urdal	желудок, живот	estomac, ventre	(XVI, 28)
urdatu	откармливать жё-	glandage	
urden	людьми (свиней) см. hurden		
urde	см. hur, urday		
uri	см. huri, urrikari, orkor		
yawn	см. хаян		

Приложение № 3

Транокирпия (сравнительная таблица)

Для передачи как баскского, так и кавказского материала Н.Я. Марр использовал свое собственное (разработанное им самим) аналитическое письмо^х, которое мы в настоящей книге, естественно, сохранить не можем и заменяем общепринятой в наше время транскрипцией (с уточнением некоторых знаков за счет цифр наверху).

Соотношение соответствующих знаков и показано ниже в данной нашей таблице, пользуясь которой читатель всегда может уточнить, как тот или иной звук в приводимых здесь словах писался Н.Я. Марром (в той или иной из его баскологических работ). Для дальнейших (орфографических) уточнений следует обращаться к упомянутому "Пособию" Ю.Н. Марра и И.В. Мегрелидзе. Последнее, как и наша таблица, может быть использовано, разумеется, и для наведения обратных справок (от марровской транскрипции — к современной).

Баскокий материал вне работ Н.Я. Марра здесь нами повсюду отражается, впрочем, с помощью не транскрипции, а современной баскской орфографии, причем, как и Н.Я. Марр, мы в сложных случаях специально оговариваем в тексте орфографическую (сокращенно "орф.") передачу в отличие от транскрипционной. Относительно транскрипции и орфографии баскского материала см. также в книге статью "Яфетическое происхождение языка басков" (начало ее основной части).

Б а с к с к и й я з ы к		
Современная орфография	Современная и наша транс- крипция	Нотация Н.Я. Марра
b	b	b
d	d	d
g	g	g
y/i	j (= й, йот)	y
j	x	q
l	l	l
ll	ll (= jll' = йл')	l

См. Ю.Н. Марр, И.В. Мегрелидзе. Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов. Изд. 4-е, Тбилиси, 1984.

m	m	m
n	n	n
ñ/nl	ñ (= n')	n
p	p	p
t	t	t
k	k	k
ph	ph	f/ф (греч. фита)
th	th	θ (греч. тета)
kh	kh	q
r	r	r
rr	rr	ṛ
h	h	h
z	s (= рус. с)	s
x (устар. ch)	š (= рус. щ)	ш
s	š или s ² (= исп. s)	ш̣
tz	c (= рус. ц)	θ (греч. тета с точкой надверху)
tx устар. toh)	č (= рус. ч)	θ̣ (греч. тета с тчк. внизу)
ts	ts ² (где s ² = исп. s)	θ̣ (греч. тета, перечеркнутая справа)

Кавказские и другие языки

Современная и
наша транскрипция

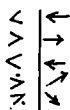
Нотации Н.Я.Марра

b	b
d	d
g	g
γ (греч. гамма)	ǧ
z (рус. з)	z
ž (рус. ж)	ž
j (=й, йот) или y	y
l	l
m	m
n	n
p	f/ греч. ф (греч. фита)
t	θ (греч. тета)
k	q
x	q̣
p	p
ṭ	t
ḳ	k
q	ž

q̄	q
k̄	k̇
ʒ	ḏ
c	ḡ (греч. тета с тчк. наверху)
č	ḡ (греч. тета с тчк. внизу)
ž	ḏ̇
ç	ṫ
ö	ṫ
r	r
rr	ṙ
s	s
š	ш
v	v
w (=груз. орф. ʒ)	w
h (=груз. орф. ž)	h
ḣ (=арабо-перс.-тур. орф. ح)	ḥ
h² (арабо-перс.-тур. орф. ح)	ḥ̇
h³ (арабо-перс.-тур. орф. ح)	ḥ̇̇
h⁴ или hˢ	hˢ

Ср. у Н.Я.Марра также следующие знаки:

→ (дает или порождает), ← (возникает из) ↗ (т.н. подъем звука, т.е. переход более "слабого" в более "сильный"), ↘ (т.н. снижение звука, т.е. переход более "сильного" в более "слабый") ~ / - / ~ · ~ (знак корреляции, словесно выражается через сокращенное латинское *gevr.*). Эти знаки в настоящем издании заменены через следующие (справа знаки Н.Я.Марра, слева - заменяющие их у нас):

< > или тире, или: (resp.)-или <→ или — — или ~ · ~ (resp.)

У Н.Я.Марра имеются, кроме того, некоторые редко употребляемые им знаки, которые мы либо оставляем без изменений, либо даем под цифрой, например /ʃ¹/ вместо марровского простого /ʃ/ без цифр

Приложение № 4

Основной библиографический указатель:

Бгажба Х.С.

1954. Русско-абхазский словарь, Сухуми, 1954.

Беридзе В.

1912. Грузинский (картский) глоссари по имерскому и рачинскому говорам, Петроград, 1912.

Браун Я.

1981. Енисейско-саха-якутский (Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, УШ, Тбилиси, 1981, с.203-215).

Бурсье Э.

1952. Основы романского языкознания, (рус.пер.), М., 1952.

Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.

1965. Система сонантов и афлат картвельских языков, (на груз. яз.), Тбилиси, 1965.

Гигинейшвили Б.К.

1977. Сравнительная фонетика дагестанских языков, Тбилиси, 1977.

Глonti Ал.А.

1971. Основы грузинской лексики, (на груз.яз.), Тбилиси, 1971.

Гудава Т.Е.

1964. Об одном случае депрессивной дезафрикатизации в занском языке (Сообщения АН СССР, т.33, 1,2, 1964).

Дешериев Ю.Д.

1981. Фонетическая, фонологическая и морфологическая интерпретация геминации в нахских языках (Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, УШ, Тбилиси, 1981).

Джанашия Н.

1915. Религиозные верования абхазов (ХВ, IV, 1915).

1960. Статьи по этнографии абхазов, Сухуми, 1960.

Дзидзигури Ш.В.

1979. Баски и грузины, Тбилиси, 1979.

Дзидзигури Ш.В., Зыпарь Ю.В.

1983. О состоянии гипотезы баско-кавказского языкового родства (Известия АН СССР, 1983, № 2, с.136-147).

Зыпарь Ю.В.

1955. О родстве баскского языка с кавказскими (ВЯ, 1955, №5).

1958. Проблема языка басков в свете ее истории (Ученые запн-

- ом Орл. ПИ, т.ХШ, Орл, 1958, с.3-55).
1974. Пиревейские этимологии (Структурно-семантические исследования на материале западных языков, Куйбышев, 1974, с.305-323).
- Иллич-Свитич
1964. Саоасаиса ("Этимология", 1964).
- Капанцян Г.
1952. О взаимоотношении армянского и лаво-мегрельских языков, Ереван, 1952.
- Керкадзе И.
1974. Лексика названий животных в древнегрузинском языке, Тбилиси, 1974 (на груз.яз.).
- Кипшидзе И.А.
1914. Грамматика мингрельского (иверского) языка (МЯЯ, УП, СПб, 1914).
- Климов Г.А.
1964. Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964.
1971. Вопросы методики сравнительно-исторического изучения языков, Л., 1971.
- Марр Н.Я.
1899. Сборники притч Вардана (Материалы для истории средневековой армянской литературы), I, 1899.
1903. Грамматика древнеармянского языка. Этимология, СПб., 1903.
1904. Физиолог (ТР, УП, СПб., 1904).
1909. Иоанн Петрицкий. грузинский неоплатоник XI-XIV., СПб., 1909.
- 1909а. Яфетическое происхождение армянского слова *magdageu* "пророк" (ИАН, СПб., 1909).
1910. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем (МЯЯ, II, СПб., 1910).
- 1910а. Два яфетических суффикса *te(ti >)t* в грамматике древнеармянского языка (ИАН, 1910).
- 1910б. Чанско-русский словарь, СПб., 1910.
- 1910в. Яфетические элементы в языках Армении, I, ИАН, 1910; II, ИАН, 1911.
1911. Где сохранилось сваяское склонение (ИАН, 1911, с.1199-1206).

Март Н.Я.

1912. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических (МЯЯ, У, 1912).
- 1912а. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства (ИРАН, 1912).
1913. Из поездок в Сванетию летом 1911 и 1912 года (ХВЛ, 1913).
- 1913а. О связях мегр. *ḡibug-i*, груз. *sab1-i* и удийского слова *sabul* "наштан" ("Древняя Грузия", т. II, 1913, часть III, на груз. яз.)
1914. Определение языка 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (ЗВО, XII, 1914).
- 1914а. Абхазское происхождение грузинского термина *biṭa* (ИАН, 1914, с. 143-146).
1915. Яфетические названия деревьев и растений (ИРАН, СПб, 1915).
1917. Непочатый источник истории кавказского мира [Из третьей лингвистической поездки в Дагестан] (ИАН, 1917).
1919. Надпись Сардура II, сына Аргиста в Даш-Керпи на Чалдырском озере ("Записки Кавказского музея", серия В, I, Петроград, 1919).
1920. Нарисательное значение термина *херав* "митанских" женских именах [по яфетическим данным] (ИАН, 1920, с. 121-127).
- 1920а. О яфетическом происхождении баскского языка (ИАН, VI серия, т. XIV, 1920).
- 1920б. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры, Лейпциг, 1920.
1921. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян (ЗВО, XXV, 1921, с. 229-256).
- 1921а. Надпись Русы II из Маку (ЗВО, XXV, 1921).
- 1921б. К вопросу о происхождении племенных названий "этруски" и "пелазги" (ЗВО, XXV, 1921).
- 1921в. Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию (ИАН, 1921; повторно: ПЭРЯТ, 1926).
1922. К вопросу об яфетизмах в албанском (ЯС, I, 1922, с. 54-66).
- 1922а. К вопросу об яфетизмах в германских языках (ЯС, I, 1922, с. 43-56).
- 1922б. Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале [Археологическая экспедиция в Ван в 1916г.], Петербург, 1922.

Март Н.Я.

- 1922в. Термин *basileus* (ЯС, I, 1922, с.133-142).
- 1922г. Термин "скиф" (ЯС, I, 1922, с.67-132).
- 1922д. Яфетиды (Восток, кн.I, Петербург, 1922, с.82-92).
1923. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в ос-
заидании Средиземноморской культуры (Яфетические ис-
следования, II, Лейпциг, 1923), -ом.намецкое издание.
- 1923а. Чем живет яфетическое языкознание, Петроград, 1923.
1924. Заметки по яфетическим клинописям (ИРАИМК, III, 1924,
с.288-304).
- 1924а. Из семантических дериватов неба (ДАН, 1924, с.27-28).
- 1924б. Из яфетических пережитков в русском языке (ДАН, 1924,
с.65-75).
- 1924в. К вопросу о префиксовых образованиях в баском языке
(ДАН, 1924, с.159-162).
- 1924г. Краеведение, Л., 1924.
- 1924д. К толкованию имени Гомер (ДАН, 1924, с.2-5).
- 1924е. Название этрусского бога смерти Калл и термины пи-
сать, пить, чорт, поэт-слепец [К вопросу об Ištār Ка-
хмента] (ИАН, 1924, XI-II, с.183-195).
- 1924ж. Об яфетической теории (Новый Восток, кн.V, М., 1924,
с.303-339).
- 1924з. О небе как гнезде назначений (ДАН, 1924, с.23-26).
- 1924и. Первый средиземноморский дом и его яфетические наз-
вания у греков *négegon* и у римлян *atrium* (ИАН, 1924,
XI-II, с.225-237).
- 1924к. Север и мрак // левый от Пиренеев до Месопотамии (ДАН,
1924, с.8-II).
- 1924л. Смерть препоны в месопотамско-эгейском мире (ДАН,
1924, с.12-14).
- 1924м. Составной характер этрусского *tušurti* "девушки" (ДАН,
1924, с.113-115).
- 1924н. Термины из абхазо-русских этнических связей. "Лошадь" и
"Тризна" [К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения], Л., 1924.
- 1924о. Яфетические переживания в классических языках и "ве-
ра" в семантическом кругу "неба" (ДАН, 1924, с.29-31).
1925. Абхазоведение и абхазы (ВС, I, 1925, с.123-166).
- 1925а. Грамматика древнелитературного грузинского языка (МЛЯ,
XII, 1925).
- 1925б. К грузинским надписям из Месопотамии (ЗКВ, I, 1925, с.228-232).

Март Н.Я.

- 1925я. Культурное лицо грузинского народа по материалам языкознания ("Мнатоби", 1925, №4(12)-№5(13), Тифлиси; груз.яз.).
- 1925г. Ольвия и Альба Лонга (ИАН, 1925, с.663-672).
- 1925д. Основные достижения яфетической теории, Ростов н/Дону, 1925.
- 1925е. Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам (ИАН, 1925, с.15-29).
- 1925ж. Предисловие к Восточному Сборнику Гос.Публ.Биб. (ВС, I, 1925, с.1-XVI).
- 1925з. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1925, с. 673-698).
- 1925и. Прилагательные "длинный" //"короткий" (ИАН, 1925, с. 797-812).
- 1925к. Происхождение американского человека и яфетическое языкование (ВС, I, 1925, с.167-192).
- 1925л. Филотимляне, палестинские пелазги и расены или этруски (Европейская мысль, I, с.1-31, Л., 1925).
- 1925м. Из поездки к европейским яфетидам (ЯС, III, 1925; повторно:ПЭРЯТ, 1926, с.124-189).
1926. Две новые работы Уленбека по баскскому языку (ЯД, I, Л., 1926, с.261-178).
- 1926а. Иштарь [От богини матриархальной Афревразии до героини феодальной Европы] (ЯС, V, 1926, с.109-179).
- 1926б. Классифицированный перечень печатных работ по яфетиологии, Л., 1926.
- 1926в. Средства передвижения, орудия и производства в доистории [К уязке языкования о которой материальной культуры], Л., 1926.
1927. Готтентоты - средиземноморцы (ИАН, 1927, с.406-419).
- 1927а. Из Пиренейской Гурки. К вопросу о методе (Известия Кавказского Историко-Археологического Института, т.У, Тифлиси, 1927, с.1-62).
- 1927б. О числительных (Языковедные проблемы по числительным, Л., 1927; повторно:ПЭРЯТ).
1928. Постановка учения об языке в мировом масштабе а абхазский язык, Л., 1928.
1930. Бретонская напменовская речь в уязке языков Афревразии, Л., 1930.

Орбели И.А.

1921. Описание Версаля в армянской записи 1683г. (ИРАИМК, I, Петербург, 1921).

Орбелиани Сулхан-Саба

1925. Словарь грузинского языка, Тбилиси, 1925.

Рогавя Г.В.

1962. К позиционным изменениям исходных осноров основы в картвельских языках (Вестник АН ГССР, 1962, №1, на груз. яз.).

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков, М., 1971.
1971.

Топурия В.Т.

1927. Фонетические наблюдения над картвельскими языками (Архив Грузии, П, Тбилиси, 1927).

Форт Г.

1972. Баскский и кавказские языки (Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, Тбилиси, 1972, с. 279-306).

Хайдаков С.М.

1973. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков, М., 1973.

Чикобава А.С.

1938. К вопросу ударения в древнегрузинском (Вестник АН ГССР ООН, Тбилиси, 1983, на груз.яз.).

1942. Структура древнейших именных основ картвельских языков, Тбилиси, 1942 (на груз.яз.).

Цагарели А.

1880. Мингрельские этюды, I, СПб., 1880.

Шаламберидзе Г.О.

1983. Роль композитов в построении сравнительной баскологии (Iberica - Культура народов Пиренейского полуострова, Л., 1983, с. 208-216).

Шиммарев В.Ф.

1941. Очерки по истории языков Испании, М.-Л., 1941.

- Albrecht A.
1903. Zur ältesten Geschichte des Hundes, München, 1903.
- Arbelaiz J.J.
1978. Las etimologías vascas en la obra de Michelena, Tolosa, 1978.
- Azkue R.M. de
1905, Diccionario vasco-español-francés, I-II, Bilbao,
1906. 1905-1906.
- Bähr G.
1934. El vasco y el camítico (RIEV, XXV, 1934, p.240-244).
- Bouda K.
1952. Neue baskisch-kaukasische Etymologien, Salamanca, 1952.
- Bouda K., Baumgartl D.
1955. Nombres vascos de las plantas, Salamanca, 1955.
- Braun M.F.
1932. Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. - Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens, hrsg. von M.F. Braun und H. Marr, Berlin-Stuttgart-Leipzig, 1932.
- Caro Baroja J.
1946. Los pueblos de España, Barcelona, 1946.
- Cuny A.
1910. Les mots du fonds préhellénique en grec, latin et sémitique occidentale (Revue des Études Anciennes, 1910).
1924. Études prégrammaticales, Paris, 1924.
- Corum C.
1972. Palatalization Phenomena in Basque (Anuario del Seminario Urquijo, VI, 1972, p.29-34).
- Dzidziguri Sh.
1983. Euskal-erria vista por H. Marr (Sociedad de Estudios Vascos. Memoria del Noveno Congreso de Estudios Vascos, San Sebastián, 1983, p.291-394).
- Eys Van W.J.
1873. Dictionnaire Basque-Français, Paris (Maisonneuve), 1873.
- Fähnrich H.
1971. Aus der Lexik der Kartwelsprachen (Wissensch. Zeitung

Universit, Jena, 20,5, 1971, s.I37-I39).

Fita F.

1879. Discursos leídos ante la real Academia de la historia en la recepción de F.Fita..., Madrid, 1879.

Gamkrelidze Th.V., Mačavariani G.I.

1982. Sonantensystem und Ablaut in der Kartwelsprachen.
Hrsg. W.Boeder, Tübingen, 1982.

Gavel A.

1920. Éléments de Phonétique Basque, Paris, 1920.

Hervás y Panduro P.

1800- Catálogo de las lenguas de las naciones conocidas...,
1805. Madrid, 1800-1805.

Hubschmid J.

1949. Praeromanica (Romanica Helvetica, v.30, Bern, 1949).

1954. Pyrenäenwörter, Salamanca, 1954.

1959. Lenguas prerromanas noindoeuropeas: testimonios románicos (Enciclopedia Lingüística hispánica, t.I, p.27-66, Madrid, 1959).

1959a. Toponimia prerromana (Enciclopedia Lingüística hispánica, t.I, p.447-493, Madrid, 1959).

1960. Mediterrane Substrate (Romanica Helvetica, v.70, Bern, 1960).

1961. Substratprobleme (Vox romanica, t.I9s.I24-303, 1960), Bern, 1961.

1963. Paläosardische Ortsnamen (Atti e mem.del VII Congresso Intern.di Scienze Onomastiche, v.II,s.I45-180, Firenze, 1963).

1963a. Wörter mit s-/z-, tš- im Romanischen, Baskischen und in andere Sprachen (Revue de linguistique romane, t. XXVII,s.364-448).

1963- Thesaurus praeromanicus, Bern, fasc.I, 1963, fasc.2,
1965. 1965.

1965. Expressive Wörter und vorromanische Etymologien (Actes du I Oongres International de Linguistique et Philologie Romanes, Paris, 1965, s.I25-136).

1966. Die asko und usko Suffixe und das Problem des Ligurischen (Revue Intern.d'Onomastique, v.I8, 1966,Ip.35-71, N2-3, p.81-160, N4, p.227-299; v.I9, 1967,N I, p.35-54, N2, p.I29-158,N3,p.211-226,N4,p.265-279, Paris).

Hubschmid J.

1970. Romanisch-germanische Wortprobleme (Vox Romanica, t. 29, 1970, N 1, s.82-133, N2, p.82-176, Bern).
1978. Romania mediterrannée (XIV Congreso Intern.di Linguistica Filol.Romanza, atti, v.I, s.351-364, Napoli-Amsterdam, 1978).

Kintana X. et al.

1980. Hiztegia 80.Euskara-espainiera, espainiera-euskara, Bilbao, 1980.

Lafon R.

1934. Passage de au à eu, e en basque (RIEV, XXV, 1934).
- 1947- Sur un suffixe nominal commun au basque et à quelque
1948. langues caucasiques (BSLP, t.44,1947-1948, N 128, fasc. I, p.144-154).
1948. L'état actuel du problème des origines de la langue basque (Eusko-Jakintza, II, Gernika, 1948).

Lhande P.

1910. L'émigration basque. Histoire-économie-psychologie /Préface de C.Pellegrini/, Paris, 1910.

Marr N.

1922. La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasgues, Petrograd, 1922.
- 1922a. Le terme basque udagara "loutre" (RC,I, o.I-30, 1922).
1923. Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur (Japhetische Studien, II, Leipzig, 1923).
- 1923a. Quelques termes d'architecture désignant voûte ou arc (RC, II, 1923, o.137-167).
1925. Analyse nouvelle du terme Pyrénées (ДАН,1925, o.5-8).
- 1925a. Les Pyrénées ou Monts Ioniens (ДАН, 1925, o.15-18).
1926. Origine japhétique de la langue basque (ЖЛ. I, o.193-260, Ж., 1926).
- 1926a. "Über die Entstehung der Sprache-Unter dem Banner des Marxismus, 1926, janvier, p. 558-598.

Marr N. et Brière M.

1931. La langue géorgienne, Paris, 1931.

- Marquina J.R.
 1972. Urdearen aztarna /La huella del puerco/ (BAP, XXVIII, 1972, p.445-528).
- Michelena L.
 1955. Apellidos vascos, San Sebastian, 1955.
 1961. Fonética histórica vasca, San Sebastián, 1961.
 1964. Sobre el pasado de la lengua vasca, San Sebastián, 1964.
 1983. La langue basque (en: "Étre basque", Toulouse, 1983).
- Múgica Berrondo P.
 1965. Diccionario castellano-vasco, Bilbao, 1965.
- Munkácsi B.
 1903. Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvökben, I, 1903.
- Olabide'tar Eraimun
 1917. Giza-Soña, Tolosa, 1917.
- Pott A.F.
 1875. Ueber Baskische Familiennamen, 1875/Detmold, 1879/.
- Pokorny I.
 1926. Reallexikon der Vorgeschichte, VI, Berlin, 1926.
- Reinach
 1893. Le Mirage Oriental ("Anthropology", t.IV, N 5, 1893).
- Schmidt K.H.
 1962. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962.
- Schuchardt H.
 1905. Ibero-romanisches (ZrPh, XXXI, 1905, s.220-227).
 1912. Nubisch und Baskisch (RIEV, VI, 1912).
 1912a. Tšingurri (RIEV, VI, 1912, p.104-110).
 1913. Baskisch und Hamitisch (RIEV, VII, 1913, p.22-24).
- Tovar A.
 1959. El euskera y sus parientes, Madrid, 1959.
- Topolovšek J.
 1894. Die Basko-slavische Spracheinheit, Wien, 1894.
- Trombetti A.
 1907. Come si fa la critica di un libro, 1907.

Ulenbeck C.O.

1904. Beiträge zu einer vergleichenden Lautlehre der Baskischen Dialecte (VKNA, 1904)- см. на франц.яз. 1909, 1910.
1909. Suffixes du basque servant à la dérivation des mots pour servir à la connaissance de la formation des mots en basque (RIEV, III, 1909).
- 1909, 1910. Contribution à une phonétique comparative des dialectes basque (RIEV, III, 1909, ОТДЕЛЬНО: Paris, 1910).
1923. Berichtigungen zur vergleichenden der baskischen Dialekte (VKNA, t.24, Amsterdam, 1923).
- 1924, 1923. De la possibilité d'un^a parenté entre le basque et les langues caucasiques (RIEV, IV, 1924, p.556-588; ПОЛЪМАНДСКИ В Verslagen en Mededeelingen d.Akademie van Wetenschappen, Amsterdam, 1923).
1932. Udagara (RIEV, XXIII, 1932).
1947. Affinités prouvées et présumées de la langue basque (Busko-Jakintza, I, Gernika, 1947).
- 1947a. La langue basque et la linguistique générale (Lingua, I, 1947).
- 1947b. Les couches anciennes du vocabulaire basque (Eusko-Jakintza, I, Gernika, 1947).

Urquijo J. de

1936. Notas neorológicas. Nicolas Marr (RIEV, XXV, 1936, p. 720-723).

Wagner L.

1931. Ueber die vorromischen Bestandteile des Sardischen, Genève-Florence, 1931.

Wells H.T.

1919. The Outlines of History, London, 1919.

Winkler H.

1909. Das Baskische und der vorderasiatisch-mitteländische Völker und Kulturkreis, Breslau, 1909.

Zihlarz E.

1932. Zur angeblichen Verwandtschaften des Baskischen mit afrikanischen Sprachen (Prähistorische Zeitschrift, XXII, 1932).

Приложение №5
Список сокращений:

абаз.	- абазинский
абх.	- абхазский
авар.	- аварский
агул.	- агульский
алб.	- албанский
англ.	- английский
араб.	- арабский
арм.	- армянский
афр.	- африканские
ахвах.	- ахвахский
аэок.	- аэскоанский (поддиалект баскского языка)
багул.	- багульский
баск.	- баскский
бапб.	- бапбийский
биск.	- бискайский (диалект баскского языка)
болг.	- болгарский
ботл.	- ботлихский
будух.	- будухский
буруш.	- бурушаоки
в.-нав.	- верхненаваррский (диалект баскского языка)
вотак.	- вотяковский
гаок.	- гасконский
гиз.	- гизское
гип.	- гипускоанский (диалект баскского языка)
годоб.	- годоберийский
греч.	- греческий
груз.	- грузинский
гунаиб.	- гунаибский
даргин.	- даргинский
дид.	- дидойский
дравид.	- дравидский
др.-л.	- древнелитературный
евр.	- еврейский
егип.	- египетский
зак.	- занский
и-е	- индоевропейский
исп.	- испанский
ит.	- итальянский
кабард.	- кабардинский
карат.	- каратинский

кельт.	- кельтские
копт.	- коптский
корс.	- корсиканский
крыз.	- крымский
кубач.	- кубачинский
кхрин.	- кхринский
лаб.	- лабурдинский (диалект баскского языка)
лат.	- латинский
лахам.	- лахамское (наречие сванского языка)
мегр.	- мегрельский
н.-нав.	- нижненаваррский (диалект баскского языка)
нуб.	- нубийский
перс.	- персидский
прус.	- прусский
рутул.	- рутульский
сал.	- саласарский (поддиалект баскского языка)
санскр.	- санскрит
сард.	- сардинский
сваб.	- ованокский
сул.	- сулетинский (диалект баскского языка)
семит.	- семитские
серб.	- сербский
сомал.	- сомалийский
табас.	- табасаранский
тинд.	- тиндийский
турец.	- турецкий
убых.	- убыхский
удин.	- удинский
урарт.	- урартский
халд.	- халдский
хварш.	- хваршинский
хет.	- хеттский
хинал.	- хиналугский
цахур.	- цахурский
цез.	- цезские
чамал.	- чамалальский
чан.	- чанский
черк.	- черкесский
чеч.	- чеченский
чув.	- чувашский
шумер.	- шумерский
этр.	- этрусский

Библиографические сокращения:

ВС	- Восточный Сборник
ВЯ	- Вопросы Языкознания
ДАН	- Доклады Российской Академии Наук
ЗВО	- Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества
ЗКВ	- Записки Коллегии Востоковедов
ИАН	- Известия Российской Академии Наук
ИРАН	- см. ИАН
ИРАИМК	- Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры
МЯЯ	- Материалы по Яфетическому Языкознанию
ПЭРТ	- По Этапам Развития Яфетической Теории
ТР	- Тексты и Разыскания по армяно-грузинской филологии
ХВ	- Христианский Восток
ЯЛ	- Язык и Литература
Arbelaiz / Арбелайс	- Arbelaiz 1978.
Azkue / Аскуэ	- Azkue 1905.
BAF	- Boletín de la Real Sociedad Vascongada de los Amigos País
BSLP	- Bulletin de la Société de Linguistique de Paris
PHV	- Fonética Histórica Vasca (Michelena 1961.)
Mug / Мухика	- Mugica Berrondo 1965.
RIEV	- Revue International des Etudes Basques
VKNA	- Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam
ZrPh	- Zeitschrift für romanische Philologie

К ПОЛЬЗОВАНИЮ КНИГОЙ

Указатели к теме "Н.Я.Март и баскский язык" - приложение № 2.

По всем вопросам транскрипции - приложение № 3.

Литература (сноски типа "Март 1923.") - приложение № 4.

Список сокращений к последнему указателю и других - приложение № 5.

Если та или иная из помещаемых работ Н.Я.Марта имеет много примечаний, то они даются вместе с литературой работы сразу после ее текста.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Дзидзигури Ш.В. Баскония глазами Н.Я.Марра. Вступительная статья...	3
Зыцарь Ю.В. Н.Я.Марр и современная баскология. Введение	8
Раздел I	9
Раздел II	27
Раздел III	43

Н.Я.Марр

(Подготовка переизданий и примечания от редакции – Зыцарь Ю.В.)

Марр Н.Я. О яфетическом происхождении баскского языка (переиздание)	52
Марр Н.Я. Баскский термин <i>udaqara</i> "выдра" (перевод с французского Ю. В. Зыцарь, Ц.Г. Чахнашвили, М.М. Глonti)	81
Марр Н.Я. К вопросу о префиксовых образованиях в баскском языке (переиздание)	105
Марр Н.Я. Два новые работы К.К. Уленбека по баскскому языку (переиздание)	110
Марр Н.Я. Яфетическое происхождение баскского языка (перевод с французского Ю.В. Зыцарь, Р.О. Чантурия, Г.О. Шаламберидзе)	123

Послесловие: Из научного прошлого и настоящего баскского термина <i>otso</i> "олк" и др. (Ю.В. Зыцарь, Ц.Г. Чахнашвили, Р.О. Чантурия)....	155
Приложение №1: К.К. Уленбек. <i>Udaqara</i> (перевод с немецкого Ц.Г. Чахнашвили, Р.О. Чантурия)	164
Приложение №2: Указатели к баскологическим материалам в работах Н.Я.Марра по 1925 год (перевод с французского Ю.В. Зыцарь, М.М. Глonti)	166
Приложение №3: Транскрипция, сравнительные таблицы (составление – Ю.В. Зыцарь)	174
Приложение №4: Основной библиографический указатель к изданию (составление М.М. Глonti)	177
Приложение №5: Списки сокращений (составление М.М. Глonti)	188
К пользованию книгой	190

Н. Я. М а р р

БАСКСКО-КАВКАЗСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Тბილისი
"მეჭიკერება"
1987

ბ. შ ა რ ა

ბასკურ-კავკასიური ლექსიკური პარალელები
თბილისი
„მეჭიკერება“
1987

Напечатано по постановлению редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3055

Редактор издательства И.В.Г е р с а м и я

Художник Г.А.Д о м и д з е

Худож.редактор И.А.С и х а р у л и д з е

Техредактор Р.Ш.С а д ж а я

Корректор М.А.Б а х т а д з е

Выпускающий Л.Г. М а й с у რ ა დ з ე

Сдано в производство 3.XII.1986; Подписано к печати 28.XI.1986;
Формат бумаги 60x90¹/₁₆; Бумага офсетная; Печать офсетная;
Усл.печ.л. 12,3; Уч.-изд.л. 12,0; Усл.кр.-оттиски 12,7;

УЭ 14490;

Тираж 1200

Заказ 3730

Цена 1 руб. 90 коп.

Издательство "მეჭიკერება", Тბილისი, 380060, ул. Кутузова, 19
გამომცემლობა „მეჭიკერება“, თბილისი 380060, კუტუზოვის ქ.19

Типография АН Грузинской ССР, Тბილისი, 380060, ул. Кутузова, 19
საქართველოს სსრ შიდა. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის